

К 200-летию

Института востоковедения РАН

К пятой годовщине воссоединения Крыма с Россией

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

III МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**«Исторические, культурные, межнациональные, религиозные
и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом
и странами Востока»**

6–8 июня 2019 года, г. Севастополь

Материалы конференции
Том 2

Москва
2019

УДК 908
ББК 63.3(6Кры)
И90

Ответственный редактор:

А.Д. Васильев

Составители:

Н.В. Гинькут, В.В. Лебединский, В.В. Прудников

И90 Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока : Материалы конференции. Том 2. / Отв. ред. А.Д. Васильев ; сост. Н.В. Гинькут, В.В. Лебединский, В.В. Прудников. – М.: Пробел-2000, 2019. – 156 с. : ил.

ISBN 978-5-98604-722-5

ISBN 978-5-98604-724-9 (Том 2)

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 19-09-20073*

ISBN 978-5-98604-722-5
ISBN 978-5-98604-724-9 (Том 2)

© ФГБУН ИВ РАН, 2019

© ФГБУК Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес-Таврический», 2019

© Севастопольский государственный университет, 2019

Содержание

ГИНЬКУТ Н.В., КОЛЕСНИК Е.В. Ближневосточная керамика с голубой поливой из раскопок Г.Д. Белова на северном берегу херсонесского городища.....	
ГУСЕЙН ФАРАХ. Осmano-сефевидская война 1578-1590-х гг. и Крымское ханство.....	
ВАСИЛЬЕВ А.Д. Взаимодействие Шейбанидов и Османских султанов в середине-второй половине XVI в.(в контексте борьбы с Сефевидским Ираном).....	
КАЛИНИНА Т.М. Существовали ли известия о Крыме в трудах арабских географов IX–X вв.....	
КОНДРАТЮК Г.Н. Крымская ССР в советской внешней политике на Ближнем Востоке (1921- 1923 годы).....	
КОНКИН Д.В. К вопросу о взаимоотношениях российских помещиков и крымских татар в конце XVIII – начале XIX вв.	
МЕНЬШИКОВ М.Ю., ВОЛОШИНОВ А.А., ГИНЬКУТ Н.В., ЛЕСНАЯ Е.С. Керамический комплекс золотоордынского поселения КЫРК-АЗИЗЛЕР. Предварительный обзор.....	
ПРОХОРОВ Д.А. История контактов караимов Крыма и караимских общин Ближневосточного региона (по архивным материалам и музейным коллекциям).....	
ПРУДНИКОВ В.В. Крым на картах «Книги Рожера» (сер. XII в.) и Каталонском атласе (1375 г.).....	
SOLCÀ A. Ancient Northern Anatolia Campaigns, Kaska Tribes and Black Sea Connections.....	
УШАКОВ С.В. Херсонес Таврический, Понт и Восточное Средиземноморье на рубеже эпох (IV – начало VII вв.): по материалам амфорной тары и краснолаковой керамики (к постановке проблемы).....	
БАРАНОВ А.В. Межэтнические и политические взаимоотношения народов Крыма в современных условиях по итогам анкетных опросов (2017-2018 гг.).	

Гинькут Н.В.,

Колесник Е.В.

**БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ КЕРАМИКА С ГОЛУБОЙ ПОЛИВОЙ
ИЗ РАСКОПОК Г.Д. БЕЛОВА НА СЕВЕРНОМ БЕРЕГУ
ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА.**

N. Ginkut,

E. Kolesnik

**Middle Eastern Pottery with Blue Watering
from the Excavations of G.D. Belov
on the Northern Shore of Chersonesos.**

В 1930-е гг. XX столетия начались активные археологические исследования Северного берега Херсонесского городища. Средневековые пласты археологических артефактов были обширны и впоследствии легли в основу фундаментальных исследований Г.Д. Белова и А.Л.Якобсона по средневековому Херсонесу. Среди массы опубликованного материала практически лишь упоминания относятся к т.н. восточной поливной керамике¹. Тем не менее в археологических коллекциях Г.Д. Белова, А.Л. Якобсона встречены одна археологически целая чаша и около двух десятков фрагментов, покрытых голубой поливой, т.н восточного происхождения, с гравированным рисунком. Эта группа керамики изготовлена из плотной белой массы с высокой концентрацией песка - «кашина» или «фритты (fritta)», которая стала подражанием китайскому фарфору. Изделия покрывались белой бесцветной, либо голубой или бирюзовой поливой. В качестве красителя для поливы использовался кобальт².

В 1931 г. при раскопках квартала ХХІХ, была найдена археологически целая чаша с полусферическим туловом вертикальным венчиком, на кольцевом поддоне. (№ ХМ КП 34261, раскопки Г.Д. Белова, дом 6 помещение. 13). Диаметр венчика 21 см, диаметр дна 8,5 см, высота сосуда

¹ Белов Г.Д. Раскопки в Северной части Херсонеса в 1931-1933 гг. // МИА, №4. С. 214-215.

² Porter Y. Origines et diffusion du cobalt utilise en ceramique a l'epoque medievale. Edute preliminaire// La ceramique medievale en Mediiterranee. Actes du 6-e congres. Aix-en-Provence, 1997. P. 506-508, 510.

7см. Сосуд выполнен из белого кашина, полива голубого тона, покрывает внутреннюю и внешнюю (за исключением кольцевого поддона) поверхности. Гравированная подглазурная орнаментация идет внутри по стенкам чаши, и представляет собой стилизованную ленту из двойных линий, внутри которой – чередующиеся полупальметты¹. Внешняя поверхность сосуда, у края венчика декорирована наклепной волнистой линией. (рис. 1.1.)

Остальные находки керамики этого типа из раскопок Г.Д. Белова (1940-41, 1947-48 гг.) очень фрагментарны. Они представлены сосудами открытого типа – горизонтально отогнутым краем тарелки, чашами с вертикальным венчиками, также с декорировкой края венчика, стенками поля с орнаментом в виде пальметт и цветов, стенками без орнамента и доньями на кольцевых поддонах (Ин. №№ ИКАМ 36122/7; 36123/13; 36927/367, 388; 36928/287, 368, 391, 393; 36929/1, 154) (рис. 1.2-6).

Часть фрагментов найдены в верхнем слое - слое разрушения, датированного Г.Д. Беловым XIII-XIV вв., некоторые фрагменты согласно полевым описям были зафиксированы во 2-3 слоях (X-XII вв.)². Однако, там, где сохранилось описание сопровождающего материала, керамика с голубой поливой сопровождалась амфорами с дуговидными ручками, белоглиняной поливной керамикой типа GWW II и IV по Дж. Хейсу, красноглиняной поливной керамикой групп Aegean Ware, Polichrome Sgraffito Ware, Zeuxippos Ware³, которые характеризуют слой разрушения на Северном берегу Херсонеса, и датируются в пределах конца XII- середины XIII вв.⁴

Керамика с голубой кобальтовой поливой и гравировкой под глазурью, хотя и в небольшом количестве, но известна довольно широко: на севере - в Новгороде, на Западе в Северной Италии, на востоке – в Поволжье. Находки ее немногочисленны⁵. Производство подобной керамики было налажено в более ранний период в Египте, откуда оно перекочевало в Сирию и Иран и где развивалось на протяжении конца XI-

¹ Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1931 г.// НА ГИАМЗ ХТ. Ф.1, Д. 323/1. Лл. 23-24; Белов Г.Д. Раскопки в Северной части Херсонеса в 1931-1933 гг. // МИА, №4. С. 215.

² Белов Г.Д., Якобсон А.Л. Полевые описи из раскопок Херсонеса в 1941 г.// НА ГИАМЗ ХТ. Д. 607. Л. 2.

³ Белов Г.Д. Раскопки в Северной части Херсонеса в 1931-1933 гг. // МИА, №4. С. 214-215.

⁴ Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. Вып. X. Симферополь, 2003. С. 224; Седикова Л.В. Керамический комплекс XIII в. из слоя разрушения Усадеб 2 и 3 в квартале L Херсонесского городища // МАИЭТ. Вып. XXIII. Симферополь, 2018. С. 428.

⁵ Коваль В.Ю. Керамика средневековой Сирии в Восточной Европе//Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X - XVIII вв. Киев, 2005. С. 217-218; КОВАЛЬ В.Ю. Керамика Востока на Руси IX - XVII вв. М., 2010. С. 38-40; TONGHINI C. Ceramiche invetriate dell'Egitto e della Siria nei secoli XI e XII : stato sviluppi della ricerca// Decor de lustre metallique et ceramique glacuree. Bari, 2005. P.21-24.

начала XIII вв.¹ Наши чаши находят себе аналогии среди сирийской керамики Британского музея². Они также близки к иранским сосудам XII-XIII вв. (чашам, кувшинам, сфероконусу)³.

Поступление керамики производства как Сирии, так и Ирана в Северное Причерноморье могло осуществляться двумя основными путями. Первый путь, известный еще по трактату «Об управлении империей» - посредством взаимоотношений с областями Южного Причерноморья⁴. Иранская керамика могла поступать к городам Южного Понта из Ирана (Хамадан) в Багдад, из Багдада в сторону южного Понта в Трапезунд⁵. Второй путь, который был также хорошо налажен в период XII – начала XIII столетия: морем от побережья из Восточного Средиземноморья (Дамаска, Триполи)⁶ итальянские негоцианты двигались непосредственно в Константинополь, а затем, возможно, в страну Херсона⁷. Взаимоотношения Херсона с Восточносредиземноморским регионом хорошо прослеживаются в присутствии вещей среди археологических находок XI-XIII вв.⁸ И нельзя исключить, что в данной торговле во второй половине XII- начале XIII в. активную роль играли итальянские купцы⁹. В любом случае, пусть и немногочисленные, но присутствующие в разных районах поздневизантийского Херсона находки ближневосточного импорта расширяют наши представления о контактах города с этим регионом.

Библиография:

Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1931 г.// НА ГИАМЗ ХТ. Ф.1, Д. 323/1.

¹ Tonghini C. Ceramiche invetrate dell'Egitto e della Siria nei secoli XI e XII : stato sviluppi della ricerca// Decor de lustre metallique et ceramique glacuree. Bari, 2005. P.21-24; Watson O. Ceramics from Islamic Lands. London: Thames & Hudson, 2006. P. 315, 322.

² Porter V., Watson O. "Tell Minis" Wares// Syria and Iran. Three Studies in Medieval Ceramics. Oxford, 1987. P. 185-186, B8,9,12.

³ WATSON O. Ceramics from Islamic Lands. London: Thames & Hudson, 2006. Pp. 132, 299, 315, 322, cat. Ad.4, K 14, L12, L23

⁴ Богданова Н.М. Херсон в X-XV вв. Проблемы истории византийского города //Причерноморье в средние века. М., 1991, С. 55.

⁵ Medley M. The Chinese Pottery. A Practical History of Chinese Ceramics. Oxford, 1976. P.103-104.

⁶ Medley M. The Chinese Pottery. A Practical History of Chinese Ceramics. Oxford, 1976. P.103-104.

⁷ Богданова Н.М. Херсон в X-XV вв. Проблемы истории византийского города //Причерноморье в средние века. М., 1991, С. 73.

⁸ Залеская В.Н. Связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X-XII веках// Восточное Средиземноморье и Кавказ VI-XVI вв. Л., 1988. С.93-98\$ Богданова Н.М. Херсон в X-XV вв. Проблемы истории византийского города //Причерноморье в средние века. М., 1991, С. 73.

⁹ Еманов А.Г. К вопросу об итальянской колонизации Крыма // АДСВ. Вып. 19. Свердловск, 1982. С. 63.

Белов Г.Д., Якобсон А.Л. Полевые описи из раскопок Херсонеса в 1941 г.// НА ГИАМЗ ХТ. Д. 607.

Белов Г.Д. Раскопки в Северной части Херсонеса в 1931-1933 гг. // МИА, №4.

Богданова Н.М. Херсон в X-XV вв. Проблемы истории византийского города //Причерноморье в средние века. М., 1991, С. 8-172.

Гинькут Н.В. Некоторые виды сирийской и иранской керамики XII-XIV вв. из раскопок Херсонеса// Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма с Сирией и государствами Ближнего Востока. Тезисы докладов на междун. науч. конф. Севастополь, 6-8 июня 2017 г. М.: ИВ РАН, 2017. С. 27-29.

Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. Вып. X. Симферополь, 2003. С. 182-260.

Еманов А.Г. К вопросу об итальянской колонизации Крыма // АДСВ. Вып. 19. Свердловск, 1982. С.62-68.

Залеская В.Н. Связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X-XII веках// Восточное Средиземноморье и Кавказ VI-XVI вв. Л., 1988. С.91-104.

Коваль В.Ю. Керамика средневековой Сирии в Восточной Европе//Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X - XVIII вв. Киев, 2005. С.216-228.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX - XVII вв. М., 2010.

Седикова Л.В. Керамический комплекс XIII в. из слоя разрушения Усадеб 2 и 3 в квартале L Херсонесского городища // МАИЭТ. Вып. XXIII. Симферополь, 2018. С. 402-458.

Седикова Л.В. Восточные связи Херсонеса по данным раскопок квартала 50 //Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма с Сирией и государствами Ближнего Востока. Тезисы докладов на междун. науч. конф. Севастополь, 6-8 июня 2017 г. М.: ИВ РАН, 2017. С. 81-83.

Medley M. The Chinese Pottery. A Practical History of Chinese Ceramics. Oxford, 1976.

Porter Y. Origines et diffusion du cobalt utilise en ceramique a l'epoque medievale. Edute preliminaire// La ceramique medievale en Mediiterranee. Actes du 6-e congres. Aix-en-Provance, 1997. P.505-512.

Porter V., Watson O. "Tell Minis" Wares// Syria and Iran. Three Studies in Medieval Ceramics. Oxford, 1987. P 175-248.

Tonghini C. Ceramiche invetriate dell'Egitto e della Siria nei secoli XI e XII : stato sviluppi della ricerca// Decor de lustre metallique et ceramique glacuree. Bari, 2005. P.21-29.

Watson O. Ceramics from Islamic Lands. London: Thames & Hudson, 2006.

ОСМАНО-СЕФЕВИДСКАЯ ВОЙНА 1578-1590-Х ГГ. И КРЫМСКОЕ ХАНСТВО

Huseyn Farah

The Ottoman-Safavid War (1578-1590) and the Crimean Khanate

Государство Сефевидов, созданное в 1501 году азербайджанскими (тюркскими) племенами кызылбашей во главе с юным шахом Исмаилом I (1501-1524), с самого своего возникновения оказалось непреодолимой преградой на пути завоевательных устремлений Османской империи на восток. Периоды правления султана Селима I (1512-1520) и султана Сулеймана I (1520-1566), ознаменованные частыми войнами и походами османских войск в земли Сефевидского государства, после подписания Амасийского договора в 1555 году сменились временем мирного сосуществования этих государств на протяжении чуть более чем двух десятилетий. Однако стратегические интересы Османской империи на востоке, продиктованные, главным образом, стремлением установить контроль над торгово-караванными транзитными путями, пролежавшими через Азербайджан, неизбежно вели к новому столкновению этих государств.

Открытие новой магистрали европейско-азиатской торговли, ведущей в западные страны через Архангельск, вкупе с издревле функционировавшим Волжско-Каспийским путем привело к установлению торгового транзита в обход османских владений.¹ В сложившихся условиях особую актуальность для Высокой Порты приобрел вопрос установления контроля в данном регионе, в частности обеспечения выхода к западному побережью Каспийского моря путем завладения Северным Азербайджаном – в этом случае все сухопутные пути европейско-азиатской торговли проходили бы через османские владения. Особенно важное значение это имело в свете того, что большая часть османской ближневосточной

¹ Ашурбейли С.Б., Государство Ширваншахов (VI-XVI вв), Баку, 1983, с.280; Петрушевский И.П., Азербайджан в XV-XVII вв. Сборник статей по истории Азербайджана. Выпуск 1, Баку, 1949, с.262

торговли, проходившей через Красное море и Персидский залив, на тот момент была блокирована португальцами, утвердившимися в акватории Индийского океана. Кроме того, завоеванием порта Баку Османская империя стремилась получить выход к Каспийскому морю, чтобы разместить здесь свой военный флот и обеспечить тем самым сношения с узбекскими ханствами Средней Азии, также периодически воевавшими в XVI веке с кызылбашской державой.¹

Однако при всей значимости вопроса азиатско-европейской транзитной торговли, он был всего лишь одной из предпосылок османосефевидского конфликта в рассматриваемый период. Обострение отношений двух государств в последней четверти XVI века следует рассматривать в контексте сложившейся в регионе международной обстановки, которая характеризовалась на тот момент главным образом политической и военной активизацией Московского государства.

Уже в процессе реализации инициированной Иваном Грозным т.н. восточной политики, имевшей целью обеспечение выхода к Каспийскому морю, Московское царство, захватив Казанское (1552) и Астраханское (1556) ханства, пришло в соприкосновение с Османской империей. Завоевание русскими Астрахани означало среди прочего, что путь коммуникации, связывавший Османскую империю с Поволжьем и государствами Средней Азии, отныне был перерезан, потому как «дорога затворилася», и мусульманам, проезжающим по этой дороге для посещения святых мест «насильство и лихо учинилось».²

Планы широкомасштабного похода против крымских ханов, появление во второй половине XVI века постоянных русских поселений на Северном Кавказе, расселение казаков у устья Дона, политика привлечения на свою сторону черкесских и кабардинских князей,³ которых русский царь рассматривал как своих подданных, и в отношении которых «была предпринята обычная в отношении присоединенных к России народов попытка обратить в христианство»,⁴ привлечение на свою сторону грузинских князей, а главное стремление Московского государства поставить под свой контроль основной северокавказский путь – все это не только свидетельствовало о появлении в регионе третьей силы с далеко

¹ Ашурбейли С.Б., Государство Ширваншахов..., с.272; Петрушевский И.П., Азербайджан в XV-XVII вв., с.262

² Кушева Е.Н., Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века, Москва, 1963, с.251-252; İnalçik H., Osmanlı-Rus rekabetinin menşei ve Don-Volga kanal teşebbüsü (1569) – Belleten, sayı 46, Ankara, 1948, с.399-402

³ Кушева Е.Н., Народы Северного Кавказа..., с.239

⁴ Смирнов Н.А., Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв., Москва, 1959, с.27-28; Тихомиров М.Н., Россия в XVI столетии, Москва, 1962, с.515

идущими целями в лице Московского государства, но самым серьезным образом подрывало позиции Османской империи в этом регионе.

Не оставаясь безучастной к такому развитию событий, Высокая Порта еще в правление султана Сулеймана Кануни разработала план захвата с помощью Крымского ханства территории между Доном и Волгой, строительства канала между этими реками и выведения своего флота в Каспий.¹ Этот план, конечно же, предусматривал утверждение на Кавказе, в том числе и в Азербайджане путем нанесения удара на Сефевидов с севера – через Дагестан и Ширван.

Астраханский поход, организованный Османской империей в 1569 году и ставший фактически первым военным столкновением в истории русско-турецких войн, оказался неудачным для османов.² После него Московское государство стало предпринимать еще более активные действия по распространению своего влияния и дальнейшему продвижению в южном направлении.

В стремлении поставить под свой контроль северокавказский путь еще в 1567 году русские начали строительство крепости на берегу Терека при впадении в него реки Сунжи «на пути, который источниками XVI и XVII веков называется обычно османовским шляхом или османовщиной» и откуда шел основной путь в Дербент и на Южный Кавказ. Снесенная в 1571 году под давлением османских властей крепость была восстановлена на прежнем месте в 1577-1578 гг.³ Можно предположить, что если строительство Терской крепости в 1567 году стало одной из причин астраханского военного похода, то последовавшее ее восстановление во многом предопределило османо-сефевидскую войну 1578-90 гг. На этот раз, при планировании предстоявшей военной кампании в Стамбуле делали ставку на завоевание Южного Кавказа, в особенности Ширванского беглярбегства, завладев которым османские власти рассчитывали отстоять свои позиции на Северном Кавказе, и поставить заслон дальнейшему продвижению русских на юг.

Как видно, активная реализация Московским государством восточной политики, приведшая к столкновению стратегических и экономических интересов трех государств региона – Сефевидского, Московского и Османского – стала одним из решающих факторов, приведших к развязыванию Османской империей в последней четверти XVI войны

¹ Махмудов Я.М., Взаимоотношения государств Аккоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами, Баку, 1991, с.185

² Смирнов Н.А., Россия и Турция в XVI-XVII вв., том 1, Ученые записки, выпуск 94, Москва, 1946, с.100-159; Садиков П.А., Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г., Исторические записки, № 22, 1947; Новичев А.Д., История Турции, том I, Эпоха феодализма (XI-XVIII века), Ленинград, 1963, с.113-114

³ Кушева Е.Н., Народы Северного Кавказа ..., с.243-244

против Сефевидского государства. Иначе говоря, причины, обусловившие османо-сефевидскую войну 1578-90-х гг., на наш взгляд, следует рассматривать в контексте взаимоотношений этих трех государств в целом.

Воспользовавшись внутренней нестабильностью в Сефевидском государстве и ослаблением центральной власти, наступившим после смерти сефевидского шаха Тахмасиба I (1524-1576), султан Мурад III (1574-1595) в 1578 году начал т.н. «Восточный поход». Поводом для развязывания этой военной кампании, известной в истории как 12-и летняя османо-сефевидская война, послужили обращения ширванской знати к турецкому султану с просьбой избавить их от сефевидской власти и посадить на трон Ширваншахов одного из потомков этой династии Абубекра Мирзу.¹ Известно, что государство Ширваншахов, на протяжении около семи столетий сохранявшее свою государственность, с присоединением в 1538 году к кызылбашскому государству в качестве беглярбегства, потеряло свою независимость. Хотя само по себе вхождение Ширвана в состав азербайджанского государства Сефевидов стало событием прогрессивного значения с точки зрения консолидации азербайджанского народа и объединения азербайджанских земель в рамках единого государства, однако ширванская знать еще долго не могла примириться со свершившимся фактом низложения власти ширваншахов и потерей своих привилегий.² Здесь были сильны сепаратистские тенденции, которые использовались османскими султанами в их попытках овладеть Ширваном.

В осуществлении этой военной кампании Высокая Порта рассчитывала на поддержку и непосредственное участие Крымского ханства, которое с самого своего основания Хаджи Гиреем (1441-1466) находилось в союзнических отношениях с Османской империей.³ Посредством крымских ханов османские султаны рассчитывали привлечь к войне и правителей северокавказских земель. Для оправдания и обоснования своих притязаний на Ширван Османская империя предпринимала определенные шаги, в частности, известно, что один из потомков династии ширваншахов Абубекр Мирза, с 1570 года находившийся в Крыму в Бахчисарае, и женатый на дочери крымского хана Девлет Гирея, пользовался покровительством султана.⁴ В составе крымской

¹ Ашурбейли С.Б., Государство Ширваншахов..., с.278-280

² Эфендиев О.А., Образование Азербайджанского Государства Сефевидов в начале XVI века, Баку, 1961, с.133

³ Босфорт К.Э., Мусульманские династии, Москва, 1971, с.211

⁴ Kütükoğlu B.S., Osmanlı-Iran Siyasi Münasebetleri (1578-1590), с. I, Istanbul, 1962, с.38; Fərzəlibəyli Ş.F., Azərbaycan və Osmanlı İmperiyası (XV-XVI əsrlər), Bakı, 1999, с.113

армии он участвовал в ширванском походе, и его присутствие создавало благоприятную обстановку для вторжения в Ширван.¹

В источниках того периода как персоязычных, так и османских содержатся многочисленные данные о нашествиях крымских татар в Азербайджан.² Используя материалы этих источников, азербайджанские и турецкие историки дали подробное описание этих войн.³

По плану османского военного командования, завоевание Ширвана должно было начаться вторжением сотысячной османской армии, выступившей из Эрзурума во главе с «завоевателем Кипра», визирем Лала Мустафа-пашой, и нашествием с севера через Дербентский проход войск крымского хана. Об этом свидетельствуют письма, адресованные османскими властями крымскому хану Мухаммед Гирей-хану. Одновременно были направлены послания черкесским и дагестанским бекам, предписывающие также принять участие в походе и подготовиться к обеспечению армии провиантом при прохождении ее через их территории.

В частности в послании султана, направленном хану 26 ноября 1578 года, после перечисления причин, вызвавших необходимость войны, крымскому хану предписывалось весной под своим личным командованием совершить нашествие в Азербайджан, либо же направить в поход калгая Гирея.⁴ Было также поручено, чтобы в походе участвовал один из беков Кафы (Феодосии) или Азака (Азова). Для предстоявшего похода по просьбе хана в помощь татарским войскам из Стамбула были отправлены 500 вооруженных винтовками янычаров, 5 пушек – шахи,^{*} 8 кючук дарбзенов,^{**} 100 винтовок, 1000 кантаров^{***} пороха и прочих боеприпасов.⁵ А выступившему из Эрзурума сардару Лала Мустафа-паше было поручено посредством своей агентуры следить за продвижением татарских войск и обеспечить совместные действия с калгаем Адиль Гиреем, под командованием которого войска крымских татар прибыли тем временем в Азак.

¹ Ашурбейли С.Б., Государство Ширваншахов..., с.279

² تهران، تأليف اسکندریبگ ترکمان، نهران، 1988; Книга Орудж-Бека Байата Дон-Жуана Персидского, Баку, 1988; Печеви Ибрахим, История, Баку, 1988; Rahimizade İ., Zafername-yi Hazret Sultan Murad Han, Istanbul Universitesi Kütüphanesi, TY 2372

³ Бакиханов А.А., Гюлистан-и Ирам, Баку, 1991; Петрушевский И.П., Азербайджан в XV-XVII вв.,; Рахмани А.А., «Тарихи алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана, Баку, 1960; Kütükoğlu B.S., Osmanlı-Iran Siyasi Münasebetleri...; Эфендиев О.А., Азербайджанское Государство Сефевидов; Kırzioğlu F., Osmanlıların Kafkas Ellerini Fethi; Fərzəlibəyli Ş.F., Azərbaycan və Osmanlı İmperiyası

⁴ Kütükoğlu B.S., Osmanlı-Iran Siyasi Münasebetleri, s.81; Kırzioğlu F., Osmanlıların Kafkas Ellerini Fethi, s.428

^{*} Шахи – крупные пушки

^{**} Кючук дарбзен – малые пушки

^{***} Мера веса, равная 100 кг.

⁵ Kütükoğlu B.S., Osmanlı-Iran Siyasi Münasebetleri, s.82

Материалы первоисточников свидетельствуют, что наступление османской армии в Азербайджан застало врасплох сефевидские власти. Первоначально разрозненные кызылбашские племена оказались перед необходимостью самостоятельно своими силами противостоять превосходящим силам османской армии. Несогласованность в действиях и несплоченность, отсутствие централизованного командования, единого плана военных действий привели к поражению кызылбашских войск в целом ряде сражений. Из-за неспособности сефевидского военного командования организовать серьезное сопротивление османам удалось за короткое время занять 9 азербайджанских городов и поселков: Ареш, Шемаху, Габалу, Сальян, Шеки, Баку, Дербент, Махмудабад, Шабран.¹ После этого сардар Лала Мустафа-паша с основной армией отбыл в обратный путь, оставив в Ширване ограниченный контингент войск под командованием Оздемироглу Осман-паши.

Тем временем сефевидский правитель Ширвана Арас-хан Румлу, готовясь отбить захваченные земли у неприятеля, подошел к Шемахе, где закрепился Осман-паша. Здесь 9 ноября 1578 г. и произошло первое сражение, в котором участвовали татарские войска. Ожесточенный бой, как сообщают источники, продолжался между османами и кызылбашами в течение 3 дней. Кызылбашы во главе с Арас-ханом делали героические усилия для овладения Шемахой, и им практически удалось сломить сопротивление противника настолько, что османы *«осознав свое поражение, впали в отчаяние»*.² Победа, несомненно, была бы на стороне сефевидских войск, но неожиданное появление подоспевшего к самому исходу сражения 15-и тысячного татарского войска полностью изменило положение. Свежие силы крымских татар во главе с Адиль Гиреем, Гази Гиреем и Саадат Гиреем не только спасли османов от неминуемого поражения, но разгромили изнуренных многодневной битвой кызылбашей. Будучи окружены османскими войсками и крымскими татарами, а также повстанческими отрядами Абубекра Мирзы, кызылбашы во главе с Арас-ханом проявили непоколебимую стойкость, *«бросив дерзкий вызов смерти»*.³ Но их сопротивление все же было сломлено, и сефевиды потерпели в этом сражении жестокое поражение. Османский летописец Ибрахим Рахимизаде, очевидец этих событий, так описывает это сражение:

¹ Rahimizade İ., Zafername-yi Hazret Sultan Murad Han, v.26 a

² Rahimizade İ., Zafername-yi Hazret Sultan Murad Han, v.33a; Эфендиев О.А., Азербайджанское Государство Сефевидов, с.159

³ تاریخ عالم آرای عباس، تألیف اسکندربیگ ترکمان، c.236; Эфендиев О.А., Азербайджанское Государство Сефевидов, с.159

*«Их (т.е. сефевидов) сардар Арас-хан, отмеченный знаком неустрашимости, и его сын Деде-хан были взяты живыми, а впоследствии казнены. Эта победа была самой значительной из всех одержанных до настоящего момента побед и [даже] превосходила их всех вместе взятых. Три дня продолжалось грандиозное пиршество, на котором чествовали прибывших [татарских ханов], каждый из них был одарен почетным кафтаном, мечами и кинжалами, усыпанными драгоценными камнями, прекрасными конями. Были устроены большие празднества».*¹

Затем татарское войско отправилось в сторону Сальян, чтобы захватить имущество и семейство Арас-хана, оставленные им на южном берегу реки Куры.

*«Татары настигли [людей Арас-хана] как внезапная смерть. Подобно тому, как зерна уносятся буйным ветром, так и их жизни были унесены внезапно налетевшим на них татарским войском... Была захвачена большая добыча, количество захваченных жемчугов, драгоценных камней, золота, акче было столько, что уступало место разве что хворосту [на земле]. Кто-то завладел чернобровыми красавицами, кто-то тканями, а кому-то досталась скотина в несметном количестве. Караваны верблюдов, нагруженные всем этим богатством, напоминали караваны господ из Хиджаза и Индии, или же купцов из Ирака и Синда...»*²

Тем временем 80-и тысячная объединенная сефевидская армия, направленная из Казвина во главе с наследником престола Хамза Мирзой и визирем Салман Мирзой, перешла Куру и подступила к Шемахе. Бои за город шли в течение 3-х дней, большая часть города была занята сефевидскими войсками, и только небольшая часть оставалась под контролем войск Оздемироглу Осман-паши. Когда из письма, перехваченного кызылбашской стороной, стало известно, что на помощь османским частям движутся татарские войска Адиль Гирея, Салман Мирза, оставив часть войска продолжать битву за город, другую отправил навстречу Адиль Гирею.³ Сражение началось 28 ноября 1578 г. в Моллахасане со столкновения передовых частей противостоящих сторон.⁴ Хотя татары и были предупреждены Осман-пашой о том, чтобы оставив где-нибудь награбленное богатство, поспешили им на выручку, «но сыновья [татарского] хана и находившиеся при них отважные бойцы в силу своей надменности и беспечности отнюдь не прислушались к этим наставлениям и пренебрегли опасностью, грозящей со стороны наступающего

¹ Rahimizade İ., Zafername-yi Hazret Sultan Murad Han, v.32b-33a

² Rahimizade İ., Zafername-yi Hazret Sultan Murad Han, v.33a

³ تأليف اسکندریگ ترکمان c.237; Fərzəlibəyli Ş.F., Azərbaycan və Osmanlı İmperiyası, s.160

⁴ Эфендиев О.А., Азербайджанское Государство Сефевидов, с.161

противника... Надменные татары не предприняли никаких мер, чтобы подготовиться к сражению и продолжали двигаться все в том же порядке: каждый из них шел сам по себе, таща с собой пленников и захваченные трофеи. В распоряжении вышеупомянутого хана (имеется в виду: Адиль Гирея) находилось всего лишь до 2000 воинов, остальная же часть разбрелась и находилась в довольно беспорядочном состоянии. Так они и брели привал за привалом, словно заигрывая с ангелом смерти... Войска безбожников (т.е. кызылбашей) словно вороны налетели на обесславленное татарское племя. От многочисленности врагов высокомерные сердца татар охватил ужас...».¹

Адиль Гирей бросился в битву, чтобы поощрить ослабевающий дух своего войска. В эту минуту он был сбит пикой и сброшен с лошади. Назвав свое имя, Адиль Гирей избежал смерти, но был взят в плен. Разбитые татары частью полегли на месте, частью рассеялись, а все имущество, захваченное в лагере Арас-хана, попало в руки победителей.²

В источниках того периода содержится весьма интересная информация о дальнейшей судьбе Адиль Гирея. Сообщается, что татарскому принцу был выделен дом рядом с Диванхане Сефевидского двора, ему оказывали приличествующие его сану почести.

«Шах Мухаммед Худабенде перестал относиться к татарскому принцу как пленному, а проявлял к нему доброту как к другу и близкому... Его намерением было выдать за него замуж одну из своих дочерей и этим династическим родством установить дружественные отношения между персидскими подданными и татарским народом», – пишет приближенный к сефевидскому двору Орудж-бек Байат.³

Сообщение о намерении сефевидского шаха посредством Адиль Гирея наладить связи с крымскими ханами с тем, чтобы в будущем застраховать страну от их нашествий, подтверждается и другими источниками. Турецкий автор Кютюкоглу Б. со ссылкой на автора «Тарих-и алам арай-и Аббаси» Искендер-бека Мюнши сообщает, что шах лично направил хану письмо, в котором обещал отпустить Адиль Гирея, если к сефевидскому двору прибудет делегация из авторитетных лиц.⁴ Однако инициатива, проявленная сефевидским двором, не имела положительного результата – хан, сохраняя верность союзническим отношениям с османским двором, переслал письмо шаха султану. В ответном послании

¹ Rahimizade İ., Zafername-yi Hazret Sultan Murad Han , v.35b-36b

² تاریخ عالم آرای عباسی، تألیف اسکندر بیگ ترکمان، c.237-238; Бакиханов А.А., Гюлистан-и Ирам, с.104; Бидлиси Ш.Ш., Шарафнаме, т.II, Москва, 1976, с.237; Эфендиев О.А., Азербайджанское Государство Сефевидов, с.161

³ Книга Орудж-Бека Байата Дон-Жуана Персидского, с.93

⁴ Kütükoğlu B.S., Osmanlı-Iran Siyasi Münasebetleri, s.98

султан призывал Мухаммед Гирея вместе с Оздемироглу Осман-пашой, находившимся в то время в Дербенте, совершить поход в кызылбашские земли и отомстить за пленение его брата.

В то время, как Мухаммед Гирей с войсками приближался к Дербенту, распространилась весть об убийстве Адиль Гирея в сефевидском плену. По поводу убийства татарского принца источники сообщают различные версии.

Орудж-бек сообщает, что придворные сефевидского двора, *«движимые мелкими чувствами зависти по отношению к татарскому принцу, опасались, что если шах сделает Адиль Гирея своим зятем, то принц приобретет влияние в Персии. Вследствие этого они, не желая, чтобы чужестранец добился власти, убили его и под предлогом его скандальной связи с царицей предали смерти и ее...»*¹ Такую же версию предлагает и Шараф-хан Бидлиси.²

У Искендер-бека Мюнши содержится другая версия убийства Адиль Гирея. Он пишет, что из-за беспокойной обстановки в стране коруджиям* было поручено перевести его в крепость. Но когда последние прибыли исполнить приказание Адиль Гирей, не поняв их истинных намерений, ослушался и стал сопротивляться, в результате чего и был убит.³

После печальной участи татарских войск в сражении при Моллахасане Осман-паша, прекрасно понимая всю опасность дальнейшего пребывания в разрушенной и осаждаемой кызылбашами Шемахе при нехватке продовольствия и питьевой воды, да еще в условиях предстоявшей зимы, поспешно выступил в сторону Дербента. Этот город привлекал османов не только своими мощными неприступными стенами и близостью находившихся с османами в союзнических отношениях северокавказских правителей, но и тем, что в случае опасности крымские татары в кратчайшие сроки могли бы подоспеть с помощью.

В Стамбуле прекрасно понимали всю серьезность положения, в котором оказались укрывшиеся в Дербенте османские войска, и чтобы не подвергать их угрозе новых сражений, «подыгрывали» дипломатическим усилиям сефевидского двора, пытаясь тем самым выиграть время. Между тем и османское военное командование готовилось к новому вторжению в Азербайджан, которое планировалось осуществить весной крымскими татарами совместно с войсками Осман-паши. В своем повелении султан призывал хана отомстить за смерть своего брата Адиль Гирея.⁴ Как видно, и

¹ Книга Орудж-Бека Байата Дон-Жуана Персидского, с.93-94

² Бидлиси Ш.Ш., Шарафнаме, с.238

* Коруджи – шахская гвардия в Сефевидском государстве, состоящая из воинов кызылбашских племен.

³ Kütükoğlu B.S., Osmanlı-Iran Siyasi Münasebetleri, s.99; Бакиханов А.А., Гюлистан-и Ирам, с.104

⁴ Kütükoğlu B.S., Osmanlı-Iran Siyasi Münasebetleri, s.99

в предстоявшем походе основную ставку османское командование делало на войска крымского хана, поскольку основные силы османской армии во главе с сардаром Лала Мустафа-пашой в это время по приказу султана были заняты строительством крепости Карс в восточной Анатолии. Однако Мухаммед Гирей-хан сильно запоздал с прибытием. Предварительно выслав в Дербент санджакбека Азака Мухаммед-бека для доставки туда казны и продовольствия в сопровождении 10.000-ного татарского войска, сам крымский хан во главе 80.000-ной армии прибыл в Дербент только лишь в середине октября.¹

В то время, как основные силы кызылбашских войск во главе с эмирами и великим визирем Салман Мирзой находились еще на пути к Карабаху, крымские татары уже достигли Ширвана. Местный кызылбашский гарнизон во главе с правителем Ширвана Мухаммед Халифа Зульгадаром вступил в неравный бой с татарскими войсками. Сам Мухаммед Халифа вместе со многими кызылбашскими воинами пал в этой битве, остальные войска отступили в южные районы. Вступив в Шемаху 23 октября 1579 года, Мухаммед Гирей-хан и Осман-паша находились здесь в течение 3 дней, посылая в различных направлениях военные отряды для изгнания и уничтожения кызылбашей. В ходе этого похода объединенные османо-татарские войска взяли Баку, перебив всех защищавших его 600 кызылбашских воинов.² Затем согласно плану, Мухаммед Гирей-хан должен был направиться в Гянджу и, соединившись там с войсками Лала Мустафа-паши, совместно выступить на взятие кызылбашской столицы – Казвина. Но сильно измотанные строительством Карсской крепости войска сардара Лала Мустафа-паши не были готовы к участию в походе, к тому же поступил приказ до завершения строительства крепости не выступать в поход. В этой ситуации сардар, нарушив предварительную договоренность, вернулся в Эрзурум, а хану поручил перезимовать в Ширване, подвергая область систематическим разграблениям. Однако Мухаммед Гирей-хан пренебрег приказом сардара и вопреки уговорам Осман-паши не пожелал остаться в Ширване. С основными войсками он выступил на родину, оставив в помощь Осман-паше немногочисленные войска во главе со своим братом Гази Гиреем и сыном Саадат Гиреем.

Впоследствии за свое самовольное возвращение на родину Мухаммед Гирей-хан был сурово наказан. В 1584 году Осман-паша прибыв в Кафу проездом из Дербента в Стамбул, по приказу султана отстранил от власти

¹ Rahimizade İ., Zafername-yi Hazret Sultan Murad Han, v.41b; Kütükoğlu B.S., Osmanlı-Iran Siyasi Münasebetleri, s.99; Kırzioğlu F., Osmanlıların Kafkas Elleri Fethi, s.333

² Kütükoğlu B.S., Osmanlı-Iran Siyasi Münasebetleri, s.101

Мухаммед Гирея, посадив на его место Ислам Гирея. Подвергшийся опале хан, не смирившись с решением султана, оказал сопротивление. После 7-и дневной осады его со стороны Осман-паши, Мухаммед Гирею удалось бежать. Однако он был настигнут и убит.¹ Согласно Узунчаршылы Х., Мухаммед Гирей-хан был задушен своим же братом Алп Арсланом.²

Что касается оставленных в помощь Осман-паше в Ширване Саадат Гирея и Гази Гирея, то первый, узнав о наступлении сефевидского визиря Салман Мирзы, также вскоре покинул Ширван, а Гази Гирей в дальнейшем участвовал во многих боевых действиях, осуществлявшихся в Азербайджане.

Сразу же после отбытия Мухаммед Гирей-хана на родину Гази Гирей-хан, оставленный в Ширване для охраны вилайета, участвовал в сражении в местечке под названием Кюре богазы, произошедшем 2 ноября 1579 года. Это сражение примечательно тем, что противниками объединенных османотатарских войск на этот раз выступали недавние их союзники в лице северокавказских племен. Описывая это сражение, османский хронист Рахимизаде пишет, что поручив охрану Дербента правителю Азака Мухаммед-беку, Осман-паша выступил против отрядов из Кума, Табасарана, Кайтага, а также кыпчаков, которые скопились в Кюре богазы. Следуя по горному ущелью, он подошел к огромному ущелью, «с двух сторон окруженному горами, вершины которых скрывались в небесном своде, а сама пропасть была настолько глубокой, что, [казалось], уносилась в преисподнюю. Внизу протекала большая река, подобная морю, а напротив разместилась большая деревня в 200 домов. Здесь и расположились отряды безбожников, намереваясь атаковать исламские войска во время их прохождения через горный проход».³

Первым в бой вступил Гази Гирей-хан во главе с 1000 татар, а вслед за ним – Осман-паша с 5000 стрелками. «В результате этого сражения 1000 безбожников (имеется в виду: северокавказских войск – Ф.Г.) было отправлено в преисподнюю, и 200 правоверных стали шехидами. Как только злонамеренные враги обратились в бегство, чтобы укрыться в горах Эльборза, в ход пошли шахи-зарбзаны. [Когда османы] с победой вернулись в Демиркапу [Дербент], их встретили старейшины вилайета. Раскаиваясь и сокрушаясь по поводу совершенных грехов, они просили о пощаде. В ответ на их просьбы [Осман-паша] сказал: Если вы согласны платить бадж-у харадж, мы дадим вам аман. Они охотно согласились на

¹ Kütükoğlu B.S., Osmanlı-Iran Siyasi Münasebetleri, s.128; İnalçik H., «Giray», İslam Ansiklopedisi, c.14, Ankara, 1996, s.77

² Uzunçarşılı İ.H., Osmanlı Tarihi, c.III, kısım II, Ankara, 1988, s.3

³ Rahimizade İ., Zafername-yi Hazret Sultan Murad Han, v.42 b

это и большинство [жителей] этого вилайета выразило верность престолу халифата...»¹

В ходе османо-сефевидской войны 1578-1590-х гг. в результате военных походов объединенных османо-татарских войск и контрнаступления сефевидских сил, стремившихся изгнать неприятеля с захваченных территорий, Ширван попеременно переходил из рук в руки. Весной 1580 года сефевидские войска, расположившись лагерем в Карабахе, готовились к отвоеванию Ширвана. По приказу Осман-паши Гази Гирей, перейдя реку Куру, ночью напал на кызылбашский лагерь, убив и пленив кызылбашских эмиров и захватив их обоз. Ответными действиями сефевидские войска во главе с наследником престола, и кызылбашским валием Ширвана Зиядоглу Каджаром вновь овладели Шемахой, вынудив Осман-пашу отступить в Дербент, а татарские войска – в Дагестан.² В одном из этих боев каджары пленили Гази Гирея, который был заточен в крепость Аламут.^{*3}

Проследивая военные события первых лет османо-сефевидской войны 1578-1590-х гг., связанных с борьбой за Ширван, нельзя не заметить, что после возвращения основного состава османской армии во главе с сардаром Лала Мустафа-пашой, военные действия, осуществлявшиеся османскими войсками на завоеванных территориях, велись в основном при активном участии крымских татар. Известно, что в ходе этой войны крымские татары осуществили четыре похода в Азербайджан.⁴ Данные источников свидетельствуют о том, что именно с появлением татарской армии происходит активизация османских войск в Ширване. Османские войска, избежавшие разгрома под Шемахой именно благодаря внезапному появлению отрядов Адиль Гирея, а после нанесения ему поражения в Моллахасане поспешившие покинуть Шемаху, с момента укрытия в Дербенте в течение нескольких месяцев не предпринимали никаких военных операций. И только летом следующего года с новым походом крымских татар возобновились их совместные военные действия в Азербайджане.

Следует отметить, что содействие, оказываемое крымскими татарами османам, определялось не только непосредственной помощью, а именно обеспечением коммуникации, доставкой необходимого вооружения,

¹ Rahimzade İ., Zafername-yi Hazret Sultan Murad Han, v.43 a

² Kütükoğlu B.S., Osmanlı-Iran Siyasi Münasebetleri, s.119

^{*} В мае 1585 г. Гази Гирею удалось сбежать из плена. В 1588 г. Гази Гирей II занял ханский престол, а в 1596 г. был смещен Фатх Гиреем.

³ Kütükoğlu B.S., Osmanlı-Iran Siyasi Münasebetleri, s.120

⁴ Рахмани А.А., «Тарихи алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана, с.71-72; Эфендиев О.А., Азербайджанское Государство Сефевидов, с.178-180

боеприпасов и денег, выделением войск, участием в военных операциях и т.д., но также и косвенной – походы крымских татар в Азербайджан пагубно отражались на экономике страны и подрывали ее обороноспособность, облегчая завоевание.

Таким образом, анализ фактического материала первоисточников, отражающих османо-сефевидскую войну 1578-1590-х гг., показывает, что участие крымских татар в этой войне на стороне Османской империи, было достаточно действенным фактором, определившим не только исход отдельных сражений, но и повлиявшим на весь ход этой войны.

Библиография:

Ашурбейли С.Б., Государство Ширваншахов (VI-XVI вв), Баку, 1983

Бакиханов А.А., Гюлистан-и Ирам. Редакция, комментарии, примечания и указатели З.М.Бунятова, Баку, 1991

Бидлиси Ш.Ш., Шарафнаме. Перевод, предисловие, примечания и приложения Е.И.Васильевой, т. II, Москва, 1976

Босфорт К.Э., Мусульманские династии, Москва, 1971

İnalçik H., Osmanlı-Rus rekabetinin meşei ve Don-Volga kanal teşebbüsü (1569) – Belleten, sayı 46, Ankara, 1948

İnalçik H., «Giray», İslam Ansiklopedisi, с. 14, Ankara, 1996

Книга Орудж-Бека Байата Дон-Жуана Персидского. Перевод с английского, введение и комментарии О.Эфендиева, А.Фарзалиева, Баку, 1988

Kırzioğlu F., Osmanlıların Kafkas Ellerini Fethi (1451-1590), Ankara, 1993

Кушева Е.Н., Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века, Москва, 1963.

Kütükoğlu B.S., Osmanlı-Iran Siyasi Münasebetleri (1578-1590), с. I, Istanbul, 1962

Махмудов Я.М., Взаимоотношения государств Аккоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами, Баку, 1991

Новичев А.Д., История Турции, том I, Эпоха феодализма (XI-XVIII века), Ленинград, 1963

Петрушевский И.П., Азербайджан в XV-XVII вв. в Сборнике статей по истории Азербайджана выпуск 1, Баку, 1949

Печеви Ибрахим, История (Извлечения по истории Азербайджана и сопредельных стран и областей периода 1520-1640 гг.), Перевод с турецкого языка и примечания З.М.Бунятова, Баку, 1988

Rahimizade I., Zafername-yi Hazret Sultan Murad Han, Istanbul Universitesi Kütüphanesi, TY 2372

Рахмани А.А., «Тарих-и алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана, Баку, 1960

Садиков П.А., Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г., Исторические записки, № 22, 1947

Смирнов Н.А., Россия и Турция в XVI-XVII вв., (в двух томах), том 1, Ученые записки, выпуск 94, Москва, 1946

Смирнов Н.А., Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв., Москва, 1959

Тихомиров М.Н., Россия в XVI столетии, Москва, 1962

Uzunçarşılı İ.H., Osmanlı Tarihi, c.III, kısım II, Ankara, 1988

Fərzəlibəyli Ş.F., Azərbaycan və Osmanlı İmperiyası (XV-XVI əsrlər), Bakı, 1999

Эфендиев О.А., Азербайджанское Государство Сефевидов, Баку, 1981

24.Эфендиев О.А., Образование Азербайджанского Государства Сефевидов в начале XVI века, Баку, 1961

(на персидском языке) تاریخ عالم آرای عباس، تألیف اسکندربیگ ترکمان، تهران، ۱۳۳۴

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ШЕЙБАНИДОВ И ОСМАНСКИХ СУЛТАНОВ
В СЕРЕДИНЕ-ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.
(В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ С СЕФЕВИДСКИМ ИРАНОМ)**

A. Vasilyev

**Interaction between Shaibanid Rulers and Ottoman Sultans
in the Mid-Second Half of the XVI Century
(In the Context of Struggle against Safavid State)**

Документы из турецких архивов свидетельствуют о том, что к XVI в. между государствами Центральной Азии и Османской империей в силу традиционных политических, экономических и культурных условий сложились обширные дипломатические и социально-культурные связи. История взаимоотношений государств Центрально-азиатского региона и государств на территории Малой Азии имеет давнюю историю. Их первые контакты начались с миграцией тюркских племен в Западную Азию в XI - XIII вв. Начало переписки между османскими правителями и династией Шейбанидов в Бухаре произошло в ходе подготовки похода на Сефевидов. В письме, датированном 15 марта 1514 г., султан Селим (1512-1520) обращается к узбекскому правителю Убейдуллаху(1533-1539)¹.

После захвата Египта Селим начинает планировать новый поход на Иран. В архиве дворца Топкапы нам удалось ознакомиться с докладами османских лазутчиков о том, что численность сефевидской армии низка, а ее основные силы заняты борьбой с узбеками на Востоке². Селим начинает строительство мостов через Евфрат, однако неудовлетворительное состояние армии и недовольство янычар заставляет его вернуться в Стамбул и отказаться от идеи дальнейшего наступления на Иран³. Однако вместо этого он вводит запрет на ввоз товаров из Ирана, установив таким образом экономическую блокаду.

¹ Feridun Bey, Münşeat-üs Salatin, C.1, s.349.

² Топкары Сарayı Arşivi, E. 11996.

³ Видимо, впоследствии он намеревался продолжить завоевательную политику на Востоке. В своем письме губернатору Диярбакыра Хюсреву Паше Селим приказывал информировать его лично обо всем происходящем в регионе и писал, что поход на Иран – лишь дело времени. См.: Feridun Bey, Münşeat-üs Salatin, C.1, s.478.

По-видимому, именно в этот период ко двору Селима приходит письмо от шейбанидского правителя Джанибека ибн Абулхайра¹. Письмо сохранилось в архиве музея дворца Топкапы². Установить точно год не представляется возможным, однако по содержанию письма можно приблизительно установить, что оно поступило между 1516 и 1520 гг. Письмо было написано от имени всех узбекских султанов Мавераннахра. Указывалось, что посланник султана по имени Мустафа Челеби накануне похода против Сефевидов доставил письмо Селима шейбанидам. Получив это письмо, шейбаниды начали подготовку к походу на Хорасан. Джанибек восхвалял победу Селима при Чалдыране и сообщал, что прибыл и второй османский посланник, Сеид Мевляна Хаджи, подтвердивший, что османские войска вышли в поход. По словам Джанибека, после этого известия был организован набег на Хорасан, и во время него некие торговцы сообщили об успешном походе султана в Египет и его намерении продолжить войну с Сефевидами. Далее Джанибек говорил, что он отправил в Стамбул своего доверенного человека Амира Сеида Хаджи, чтобы доставить данное письмо и скоординировать военные действия с Селимом³. Имена упомянутых в тексте посланников свидетельствуют о том, что для передачи августейших писем стороны использовали странствующих дервишей и паломников. Отправка двух посланников с идентичными посланиями свидетельствовала о желании гарантированно и надежно донести содержание султанских писем до адресата.

После смерти шаха Исмаила на престол взошел шах Тахмасп (1524-1576). Сменивший к тому времени султана Селима султан Сулейман Кануни (1520-1566) направил Тахмаспу письмо с напоминанием о походе, совершенном его отцом, в котором Тахмаспу рекомендовалось «не сворачивать с верного пути». Таким образом Сулейман оказывал давление на сефевидского правителя, обеспечивая себе свободу действий в Европе и относительную стабильность на восточных границах империи.

Воодушевленные османскими военными успехами Шейбаниды продолжали набеги на Хорасан. В 1524 г. узбеки безуспешно осаждали Герат. Хотя в 1525 г. похода на Хорасан не состоялось, так как узбеки вынуждены были отражать набеги Саид хана, правившего в Восточном Туркестане, но уже в 1526 г. объединенное узбекское войско перешло Амударью и захватило Балх. В 1527 г. узбеки захватили Мерв, Мешхед,

¹ Этого правителя принято отождествлять с шейбанидским султаном Джанибеком, правившим в Андижане. См.: Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965. С. 157.

² Архив музея дворца Топкапы. Е. 8358.

³ Цит. по: Э. Каррер д'Анкокс. Торговые пути Центральной Азии и попытки отвоевания Астрахани // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 140-142.

Астрабад, Нишапур, Себзевар, безуспешно осаждая Герат и Тус. В 1528 г. узбекская армия снова вторглась в Хорасан, и у города Джам встретила сефевидскими силами. Армия шаха Тахмаспа была значительно усилена огнестрельным оружием и артиллерией, приобретенными у португальцев. В результате узбеки потерпели поражение, однако Тахмасп вынужден был отказаться от продолжения похода в связи с началом антишиитского восстания в Багдаде 1528 г., которое возглавил сторонник ориентации на Порту Зульфикяр-хан, принявший османское покровительство и отправивший ключи от Багдада османскому султану¹. Такое развитие событий еще больше воодушевило узбеков и породило у них надежду на скорое начало боевых действий между Османами и Сефевидами. Однако до конца не ясно, насколько скоординированными с узбеками были события в Багдаде.

В 1529 г. Убейдуллах снова вторгся в Хорасан и захватил Герат и Мешхед. Шейбаниды приобрели важный опорный пункт в Хорасане и продолжили борьбу за наследство тимуридов. Его конечной целью был захват Исфагана и открытие безопасной трассы для хаджа². Однако османские войска были заняты осадой Вены, а Зульфикяр-хан был убит своими приближенными. В 1529 г. Тахмасп снова появился с войском в Хорасане. Убейдуллах-хан попытался на курултае в Мерве убедить узбекскую знать собрать новое войско для похода на Хорасан, но после поражения под Джамом узбекские султаны не решились вступать в открытый бой с Сефевидами и не дали Убейдуллаху своих войск. В 1530 г. умер номинальный правитель государства Шейбанидов Кучкунджи хан, и его место занял его сын Абу Саид (1530-1533). Смена власти привела к началу междоусобиц среди узбеков. Этим воспользовался Тахмасп и практически без сопротивления вернул все города, захваченные узбеками в Хорасане³.

Претензии Тахмаспа на господство над территориями Восточной Анатолии⁴, а также его попытки заключить союз с Венгрией и Священной Римской империей⁵ вызывали беспокойство султана Сулеймана Кануни. Сразу же после заключения мира с Австрией в 1532 г. Кануни начал подготовку похода на Иран. Назначенный главнокомандующим Великий визирь Ибрагим-паша отправился в Диярбакыр, чтобы на месте

¹ Uzunçarşılı, İ.H. Osmanlı Tarihi III. Cilt 2. Kısım: XVI. Yüzyıl Ortalarından XVI. Yüzyıl Sonuna Kadar Ankara: Türk Tarih Kurumu 1995, c. 2, s. 349.

² Dickson, M. Shah Tahmāsb and the Uzbeks: the Duel for Khurāsān with Ubayd Khān, 930-946/1524-1540, Princeton University, 1958, p.164.

³ Dickson, ibid., p.180-188.

⁴ История османского государства, общества и цивилизации. Под ред. Э.Ихсаноглу. М., 2006. С. 28-30.

⁵ Uzunçarşılı, ibid., C. 2, S. 348.

организовать наступление. Одновременно с этим султан Сулейман приказал собрать как можно больше сведений об узбекских владыках Центральной Азии, их родословных, военном потенциале и их государствах¹. По всей вероятности, в Центральной Азии Убейдуллах-хан знал о подготовке Османов к походу на Иран. Он решил организовать очередной поход на Хорасан, и в 1532-33 гг. захватил Мешхед, Нишапур и Астрабад и Герат. Но после смерти в октябре 1533 г. узбекского хана Абу Саида Убейдуллах, к которому переходил трон, решил вернуться в Мавераннахр, опасаясь мятежа со стороны других султанов. Сефевидская армия, воспользовавшись уходом узбеков, снова с легкостью подчинила себе Хорасан и захватила Мерв, однако в это время Тахмасп вынужден был прекратить дальнейшие действия против узбеков, поскольку получил известие о том, что армия Ибрагим-паши, воспользовавшись отсутствием шаха, заняла в Тебриз. Это свидетельствовало о том, что османские правители имели более или менее верное представление о происходящем в Хорасане, и планировали свои действия с учетом противостояния Сефевидов и Шейбанидов.

По устоявшейся традиции, перед началом боевых действий османские султаны направляли Сефевидам письма с объявлением войны и угрозами. В этот раз в письме султана Сулеймана указывалось, в частности, что он установит свой походный шатер не только в Тебризе и Азербайджане, но и в Хорасане, и даже в Самарканде и Туране². В этой обстановке в 1535 г. Убейдуллах отправил своего посланника в Стамбул. Посланник сообщает об избрании Убейдуллаха великим ханом, о войнах, которые до настоящего времени вел Убейдуллах с сефевидами. В этот период Шейбаниды были весьма близки к победе, и лишь внутренняя нестабильность и междоусобицы мешали им установить контроль над большей частью территорий, когда-то входивших в состав империи Тимура. Посланник сообщил, что Убейдуллах намеревался отправиться в поход, чтобы объединить усилия двух держав, «покончить с царством ереси и освободить путь для паломничества в Мекку». После начала боевых действий его целью будет вторжение в Хорасан³. Возможно, прав был Й.Хаммер, полагавший, что окончательное формирование военного союза Шейбанидов и Османов произошло на основании тех отношений, которые начались еще при Селиме⁴.

В Центральной Азии Убейдуллах-хан в 1535 г. во главе большой армии вступил в Хорасан и нанес поражение сефевидским войскам под

¹ Архив дворца Топкапы. Док. № Е 1291.

² Feridun Bey, Münşeat-üs Salatin, C.1, s.478-479.

³ Архив дворца Топкапы. Док. № Е. 5903.

⁴ В частности, о возможности этого упоминает Хаммер: Hammer, *ibid.*, Bd. 3, p.424.

командованием Суфи Халифе. В ходе военных действий он осадил Герат и Мешхед. Вскоре он отправил своего посланника в Стамбул с письмом, в котором объявлял своей победе и о захвате городов Бестам, Дамган, Герат¹.

Однако после возврата османской армии в Стамбул шах Тахмасп, вынуждает Убейдуллаха покинуть Хорасан и оставить все завоеванное. В 1538 г. Убейдуллах вернулся в Бухару, а в 1539 г. умер.

В Архиве музея дворца Топкапы хранится интересный документ, в котором описывается положение Хорасана в 1535 г. Сам документ был подан султану Сулейману неким Мехмед-пашой, предположительно во второй половине 30-х гг. XVI в. В нем говорилось о намерении сефевидского правителя напасть на западные территории Османской империи, и его приготовления были прерваны двойным нападением турок и узбеков².

Необходимо отметить, что между Османами и Шейбанидами, с одной стороны, и Сефевидами – с другой, на непродолжительное время прекратились боевые действия.

В 1541 г. султану Сулейману приходит письмо от правившего в Бухаре шейбанида Абдулазиза(1540-1549), сына Убейдуллаха. В послании рассказывается о походах узбеков в Хорасан. Одновременно Абдулазиз сформулировал две основных задачи, которые предстояло решить узбекским правителям Мавераннахра. Во-первых – устранить соперника в лице Сефевидов, и во-вторых – объединить территории Туркестана, подавив сепаратизм правителей Хорезма³. Документ свидетельствовал о том, что без обладания Хорезмом все попытки овладеть Хорасаном были тщетны. А начатые еще Шейбани попытки объединить под властью узбеков территорию Тимуридов оказались неудачными. Э. Каррер д'Анкосс полагала, что в 40-х гг. XVI в. туркестанские правители, как минимум, временно смирились с недоступностью империи Сефевидов для их притязаний. Только с приходом к власти Абдаллаха II (В Бухаре – с 1557 г., хан всех узбеков - 1583-1598⁴), сумевшего к концу XVI в. объединить под своей властью Туркестан, борьба с Сефевидами снова становится одним из приоритетов⁵. Фактически же после смерти Убейдуллаха в государстве Шейбанидов углубились феодальные противоречия, и установилось

¹ Архив дворца Топкапы. Док. № Е 5905.

² Архив дворца Топкапы. Док. № Е 5674.

³ Архив дворца Топкапы. Док. № Е 5489. Цит. по: Э. Каррер д'Анкосс. Торговые пути Центральной Азии и попытки отвоевания Астрахани // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 122.

⁴ Лэн-Пуль С. Мусульманские династии. Хронологические и династические таблицы с историческими введениями. М., 2004. С.199.

⁵ Э. Каррер д'Анкосс. Указ. соч. С. 123.

фактическое двоевластие: в Бухаре воцарился Абдулазиз, а в Самарканде – Абдуллатиф. Одновременно усилился сепаратизм местных султанов, что способствовало началу распада державы Шейбани-хана¹.

В 1549 г. в Стамбул прибыл посланник от самаркандского правителя Абдуллатифа (1540-1551), третьего сына хана Кучкунджи. Посланник привез жалобы Абдуллатифа на Сефевидов, и просьбу о помощи против шаха Тахмаспа. Ответное посольство было отправлено в мае 1550 г. Во главе посольства находился Ахмед Чавуш. Видимо, выбор его кандидатуры был не случайным. Судя по его нисбе, можно предположить, что он был связан с организацией хаджа, так как некоторые чавуши руководили сбором, отправлением и проводом паломнических караванов в Мекку и Медину. И Ахмед Чавуш, видимо, знал различные варианты пути в Бухару. Кроме того, его могли сопровождать и паломники, по каким-либо причинам не сумевшие вовремя отправиться домой и нашедшие временный приют в Стамбуле. Ахмед Чавуш привез Абдуллатифу письмо от султана. В нем сообщалось о захвате Грузии, множества крепостей в Азербайджане. В послании речь шла о необходимости создать военный союз против Сефевидов. Залогом успеха являлось одновременное нападение. По словам султана, Иран был в тот момент серьезно ослаблен, и переживал период наибольшего упадка. Узбекский правитель должен был, не ограничиваясь лишь словами, напасть на Иран в нужный момент².

В ответном послании Абдуллатиф сообщал, что для подготовки такого серьезного похода ему потребуется оружие и военная помощь. Сулейман в ответ отправил своему союзнику посольство, во главе которого стоял Дадаш Ильчи (Ильчи – посол). Сопровождал посольство отряд из 300 янычар и группы пушкарей с пушками, а также мастера по литью пушек³. Известно, что посольство двигалось через Азов до Астрахани, и оттуда – в Бухару. Следует отметить, что практика отправки военных контингентов в помощь союзникам в XVI в. прочно входит во внешнеполитический обиход османов. На всем пространстве тогдашнего мусульманского мира османские солдаты, умевшие не просто стрелять из огнестрельного оружия, а делать это прицельно, и затем обслуживать оружие, ценились весьма высоко. Зачастую, именно обученные военные контингенты османских солдат поставлялись мусульманским правителям Африки, Средней и особенно

¹ История народов Узбекистана. От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. Под ред. С.В. Бахрушина, В.Я. Непомнина и В.А. Шишкина. Изд-во АН УзССР. Ташкент, 1947. Т. 2. С. 52.

² Feridun Bey, Münşeat-üs Salatin, C. 1, S. 493.

³ Howorth.H.H. History of Mongols from the 9th to the 19th Century. London, 1880. P.728. Также см.: Hammer (Purgstall), Joseph. Geschichte des osmanischen Reiches (10 vols., C. A. Hartleben, Pest, 1827–1835). Bd. 3. S. 424.

Юго-Восточной Азии в качестве оплаты за поставки предметов роскоши, пряностей и эксклюзивных товаров¹. Кроме того, поставка обученных военных контингентов была важным актом политической поддержки местных мусульманских правителей Ближнего Востока, Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии.

Однако по прибытии посольства в 1552 г. в Самарканд выяснилось, что Абдуллатиф умер, а узбекские султаны начали между собой борьбу за власть. Один из претендентов, Барак-хан (1551-1556), (указанный у С. Лэн-Пуля как Науруз Ахмед)², отправил ответное посольство в Стамбул. Он сообщал, что отправленные султаном войска и пушки прибыли к нему, но поход на Иран невозможен по причине смуты среди шейбанидов. Он также писал, что практически подавил своих политических конкурентов, пока что лишь Бухара не подчиняется ему. Науруз Ахмед обещал султану, что сразу же после захвата Бухары он приступит к подготовке похода на Иран³. В 1556 г. османский адмирал Сейиди Али Реис, возвращаясь через Центральную Азию в Стамбул после неудачной военной экспедиции против португальцев в Индии, встретился с Науруз Ахмедом и изложил все увиденное в своем рассказе. Согласно его описанию, что в Бухаре продолжалась междоусобица. В Балхе независимость от Бухары объявил Пир-Мухаммед-хан, а в Бухаре – Сеид Бурхан-хан. Науруз Ахмед же вел ожесточенную борьбу с ними, используя османскую военную помощь. Из-за междоусобицы, по мнению Сейиди Али Реиса, узбеки в тот момент не могли быть османскими союзниками в борьбе с Ираном. Во время беседы с османским мореплавателем, Науруз-Ахмед предлагал ему во владение область, если тот поможет ему победить смутьянов, однако тот отказался, мотивировав отказ тем, что он находился на службе у султана и не мог без его ведома поступать на службу к другим правителям⁴. Таким образом, во время третьего османского похода на Иран государство кочевых узбеков не оказало какого-либо влияния на ход боевых действий, и не выполнило союзнических обещаний, данных Абдуллатифом.

Сейиди Али Реис рассказал о судьбе тех янычар, которых султан отправил в 1550 г. Бухару. Фактически это подразделение было использовано в междоусобном конфликте. Науруз Ахмед сумел убедить янычарского кетхуду (старосту) в необходимости участия в походах на непокорных беков. Он использовал янычар и присланных с ними пушкарей

¹ Мейер М.С. Особенности становления и развития Османской империи. С.224-225. // В кн.: BASILEUS. Сборник статей, посвященный 60-летию Д.Д. Васильева. М., ИВРАН, 2007.

² Лэн-Пуль, С. Мусульманские династии. М., 2004. С. 197.

³ Hammer, *ibid.*, Bd. 3. S. 425.

⁴ Seidi Ali Reis. Mira'atü'l-Memalik. İstanbul, 1313. S. 129-130.

и пушки в походах на Самарканд, Бухару, Шехрисябз и Каракол. Известно, что участие янычар в битве Науруз Ахмеда со своим сыном Баба Султаном под Карши сыграло решающую роль и принесло победу Науруз Ахмеду. По неподтвержденным сведениям, которые, тем не менее, приводят среднеазиатские историки, впоследствии бухарский хан Сеид Бурхан включил группу янычар в состав своего войска под названием «Лашкяр-и Рум»¹. По сообщению Сейиди Али Реиса, кетхуда янычар был убит во время осады Шехрисябза. После этого часть янычар вернулась под предводительством Ахмеда Чавуша в Стамбул, часть примкнула к сыновьям Науруз Ахмеда, а значительная часть – около 150 человек, осталась в услужении у него самого².

В феврале 1556 г. в Стамбул Ахмед Чавуш возвратился с его посланием к султану. В нем сообщалось, что Нуруз Ахмеду удалось взять под контроль большую часть территории Бухары. При условии, что султан пришлет еще войск и оружия, Науруз Ахмед был готов начать боевые действия против Ирана³.

В 1557 г. Сулейман отправил Науруз Ахмеду ответное послание. В нем говорилось о заключении в 1555 г. в Амасье мира с Тахмаспом. Необходимость в походе отпала, поэтому и отправка помощи признавалась Сулейманом неподходящей⁴. Султан писал о дружбе, которая сложилась между ним и Бухарой с правления ханов Убейдуллаха и Абдуллатифа. Необходимо было, по его словам поддерживать ее. Если же иранцы нападут на Бухару, то пусть узбеки сообщат ему об этом⁵. Однако Науруз Ахмед не успел получить это письмо, поскольку умер от пьянства в Самарканде на пиру⁶.

Причиной возобновления османско-узбекских связей в 60-е гг. XVI в. стала борьба османских принцев крови за право наследования султану Сулейману Кануни. После убийства одного из вероятных наследников престола, принца Мустафы, сын Сулеймана принц Баязид посчитал, что султан под влиянием Хюррем-султан сделает выбор в пользу ее сына Селима. Испугавшись участи своего сводного брата, он поднял восстание против отца. Однако его силы потерпели поражение от войска, направленного Сулейманом. Баязид бежал и скрылся в Иране, при дворе

¹ Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф-наме-йи шахи (Книга шахской славы). Наука. 1983. Т. 1, Ч. 2. На С. 164, 166 описано участие османского контингента в борьбе с Абдаллах ханом.

² Seidi Ali Reis. Mira'atü'l-Memalik, S.129-130.

³ Howorth H.H. *ibid.*, Vol. 2, Div. 2, P. 729.

⁴ Feridun Bey, Münşeat-üs Salatin, C. II, S. 73.

⁵ Hammer, *ibid.*, Bd. 3, S. 425.

⁶ Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф-наме-йи шахи (Книга шахской славы). Наука. 1983. Т. 1, Ч. 2. Описание кончины Науруз Ахмеда – С. 189-190. Также см.: Hammer, *ibid.* Bd. 2. S. 254.

Тахмаспа. Сулейман отправил к Тахмаспу послов с требованием либо выдать Баязида, либо убить его. Однако Тахмасп не дал четкого ответа. Тогда Сулейман начал подготовку к очередному походу на Иран. В этой связи султан с помощью странствующего паломника по имени Дервиш Мухаммед Бадахшани отправил самаркандскому правителю Пир-Мухаммеду (1556-1560) секретное письмо¹. В нем он сообщал обо всем случившемся и о том, что Тахмасп нанес ему оскорбление. Султан предложил бухарцам напасть на Иран². Однако в 1561 г. Тахмасп выдал мятежного принца Сулейману и вопрос был исчерпан³. После выдачи принца османскому посольству Тахмасп в 1562 г. попросил у Сулеймана помощи в борьбе с узбеками, которые беспокоили Хорасан постоянными набегами⁴. Сулейман отклонил просьбу Тахмаспа, мотивировав ее религиозными причинами - невозможностью войны с суннитами⁵. Несмотря на просьбу Сулеймана, масштабного узбекского нападения на Сефевидов не произошло. В 1560 г. ханом всех узбеков стал Искендер (1560-1583), а фактическая власть сосредоточилась в руках его сына Абдаллаха (с 1583 г. – хана всех узбеков). В тот момент организовать масштабный поход на Хорасан было для Абдаллаха и Искендера весьма затруднительно, поскольку Абдаллах вел активную борьбу с другими узбекскими султанами Мавераннахра⁶. Фактически, узбекские правители продолжали организовывать набеги на приграничные области Хорасана.

После смерти султана Сулеймана государство Шейбанидов продолжало играть важную роль во внешней политике Османской империи. Так, например, Й. Хаммер полагал, что в конце XVI в. в османской дипломатической деятельности первостепенное значение придавалось отношениям с Ираном, Грузией и государством узбеков с центром в Бухаре⁷.

Для исследуемой нами темы поворотным моментом стало взятие Казани в 1552 г. и Астрахани в 1556 г. русскими войсками. Захват этих ключевых пунктов на Волге позволил России выйти к северному побережью Каспийского моря, предгорьям Кавказа и Урала. Эти события повлияли и на русско-турецкие отношения⁸. Организованное вскоре после захвата Астрахани путешествие агента Московской компании Э.

¹ В частности, об этом сообщает французский посланник при дворе Сулеймана, Бусбек. Ogier Ghislain de Busbecq. *The Life and Letters of Ghiselin de Busbeq*. London, 1881 Vol.1. Pp. 360, 379.

² Hammer, *ibid.*, Bd. 3, S. 442.

³ Hammer, *ibid.*, Bd. 3, S. 445.

⁴ Hammer, *ibid.*, Bd. 2, S. 281-282.

⁵ Hammer, *ibid.*, Bd. 3, S. 453-454.

⁶ История народов Узбекистана. Т.2. С. 53-54.

⁷ Hammer, *ibid.* Bd. 3, S. 4, 136.

⁸ См.: Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004. С. 172-177.

Дженкинсона в 1558-1560 гг. в Бухару способствовало установлению дипломатических отношений между Московским государством и владениями узбекских правителей в Мавераннахре. Хотя Дженкинсон и негативно отзывался о рынках Хорезма и Бухары, посчитав их разоренными в ходе постоянных междоусобиц, именно после его путешествия были установлены постоянные торговые связи с Россией, а на обратном пути в Москву его сопровождали посланники от правителей Бухары, Балха, Ургенча¹. Поначалу отношения развивались мирно и взаимовыгодно. Последовавшие за миссией Дженкинсона в 1563 г. бухарское посольство, а в 1564 и 1566 гг. хивинские посольства получили от царя Ивана IV право торговать с Россией через Казань и Астрахань². Мавераннахр в середине XVI в. был разорен в ходе постоянных междоусобных войн, а торговые маршруты через Иран были перерезаны. Северный торговый путь через Астрахань также находился в упадке, еще со времен его разгрома Тимуром. Начало же торговых отношений с Московским государством могло несколько оживить экономическую ситуацию в Центральной Азии.

Однако уже в 1567-1568 гг. русские власти задержали нескольких узбекских купцов в Москве, а также отказались пропустить через Астрахань паломников, собиравшихся в хадж. Бухарский правитель пожаловался на это султану Селиму II (1566-1574). В ответ султан велел крымскому хану написать московскому царю о необходимости пропустить паломников, и сообщал Абдаллаху, что в ближайшее время он коренным образом решит эту проблему³. Еще одним поводом стала жалоба хана Хорезма Хаджи Мухаммеда (1558-1602)⁴, переданная им через своего посланника Бахадыхана, в которой говорилось о трудностях торговли региона с Османской империей. В частности, упоминалось о том, что шах Ирана задерживает всех торговцев, которые следуют через Иран в Турцию, а русские не дают разрешения паломникам и торговцам двигаться через Астрахань. Хан Хорезма просил у султана помощи и поддержки в решении этой важной проблемы. Султан Селим II ответил в таком духе, что он прекрасно знает сам об этих проблемах. Османская империя сделает все возможное, чтобы торговцы, задержанные в Иране, были отпущены, а Астрахань отбита. В конце XV-начале XVI в. Россия во внешнеполитической иерархии Османской империи занимала далеко не первостепенное положение. Однако

¹ Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию 1558 – 1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Пер. Ю. Готье, предисловие Г. Новицкого. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 184-186.

² Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. С. 9-10.

³ Burton, A. The Bukharans. A dynastic, Diplomatic and Commercial History. 1550-1702. P.19

⁴ BOA, Mühimme Defteri, S. 985, №2723. Перевод документа См.: Inalcik, Halil. The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry and the Don-Volga Canal. Приложение 1.

затяжные войны с сефевидским Ираном, отдаленность восточных границ и сложности передвижения и обеспечения войск во время войн с Сефевидами привели Порту к мысли о возможности доставки войск к границам Персии через систему каналов и Каспийское море. Если ранее один из торговых караванных путей с Востока на Запад пролегал по территории постордынских государств, то теперь этот маршрут оказался перекрыт. Немаловажно и то, что на некоторое время была прекращена возможность для тех, кто собирался в хадж, добраться этим маршрутом до святых мест ислама. Война в Хорасане и распри наследников Тимура вынудили мусульманских купцов использовать более продолжительный путь на Запад вокруг Каспия через Астрахань. Захват Астрахани, в которой проживала значительная по численности диаспора бухарских купцов, стал чувствительным ударом для Центральной Азии. Торговый путь через Иран был закрыт для бухарских купцов из-за враждебных отношений с Сефевидами. Открытие португальцами морского пути в Индию лишало Центральную Азию того значения международного торгово-экономического перекрестка между Севером, Югом, Западом и Востоком, которым этот регион обладал ранее. Неудачные попытки в первой половине XVI в. объединить под своей властью большую часть владений тимуридов и открыть кратчайший транспортный коридор на Запад через Иран, а также захват Казани и Астрахани вынудили шейбанидских правителей искать османской помощи в деле восстановления стабильных торговых и транспортных маршрутов, соединявших Центральную Азию с Европой.

Подготовку похода на Астрахань начал еще султан Сулейман. Он сообщал крымскому хану Девлет Гирею о необходимости тщательных приготовлений к походу. Однако крымский хан опасался превращения его ханства в рядовой вилайет Османской империи и потери собственной власти, и поэтому не желал размещения османских войск в Крыму. Согласно проекту похода, предполагалось прорыть канал между Волгой и Доном. Опыт такого рода проектов у Османов уже имелся в то время. Экспедицию сопровождали землекопы, которые должны были построить канал. По берегам канала предполагалось построить крепости и укрепления, создав вокруг него безопасную зону. Обо всем этом Девлет Гирей сообщил через русского посла в Крыму Нагого Ивану IV, используя эту информацию как угрозу¹. Этот проект был впервые задуман при Сулеймане Кануни, однако из-за его смерти при осаде Сигетвара в Венгрии реализация проекта была отложена на почти три года.

¹ Inalcik, Halil. The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry and the Don-Volga Canal. İstanbul, 1947. P.65-67.

Сын Сулеймана, Селим II, вновь вернулся к этой идее и поручил одному из наиболее выдающихся османских везирей, Мехмеду Соколлу, возобновить данный проект. По замыслу Соколлу, в случае успешного выполнения проекта, Османы смогли бы создать флот на Каспии, усилив нажим на Иран. В то же время обеспечивалась бы безопасность транспортных и торговых коммуникаций.

В то время, как Соколлу руководил приготовлениями в Стамбуле, на месте подготовку похода он поручил Касым-паше. Выбор был обоснован тем, что Касым-паша хорошо знал регион. Базой для подготовки похода стала Кафа. Там весной 1569 г. османские войска объединились с силами крымского хана и выступили на Астрахань.

Иван IV в то же время начал переговоры с Ираном о том, какой вред шаху Тахмаспу может нанести строительство канала. После начала военных приготовлений в Иране османы двинули часть войск во главе с бейлербеем Анатолии к османо-иранской границе. С другой стороны, активизировались дипломатические контакты с узбеками, от которых султан потребовал оттянуть часть иранских сил на Восток, в Хорасан. Племянник Абдаллах-хана, Узбек, во главе узбекских отрядов вторгся в Хорасан и осадил Мешхед, воспрепятствовав таким образом военным приготовлениям персов¹. Иранское войско было вынуждено оставаться в Хорасане, чтобы отразить набеги узбеков².

Поход на Астрахань планировалось завершить за два месяца. Однако из-за скрытого противодействия крымского хана поход сильно затянулся. К строительству канала османские мастера приступили только в августе. Девлет Гирей постоянно пытался убедить султана, что проект канала султану невыгоден. По его словам, в случае постройки канала русские корабли смогут выходить в Черное море³. Когда канал был уже выкопан на одну треть, началась зима. Под предлогом невозможности боевых действий зимой войска крымского хана повернули назад. В то же время войска под командованием Касым-паши подошли к Астрахани и начали осаду. Из-за отсутствия дорог осадная артиллерия серьезно отстала от основного войска. Касым-паша попытался взять Астрахань сходу, однако не сумел. Он решил провести зиму на территории старого города (поскольку русский воевода построил новую крепость в более выгодном месте) и весной возобновить осаду. Однако известие об уходе крымских войск на зимовку в Крым и

¹ Burton, A. Ibid. P.23.

² Burton, A. Ibid. P.23. Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф -наме-йи шахи (Книга шахской славы). Наука. 1983. Т. 2, Ч. 1. С. 16-25.

³ Peçevi İbrahim Efendi. Peçevi Tarihi. Kültür Bakanlığı yayınları: 1000 temel eser dizisi Kültür Bakanlığı yayınları, İstanbul Kültür Bakanlığı, 1982. C.1, s.468-470.

слухи о приближающейся огромной армии русского царя вызвали недовольство среди янычар, которое грозило перерасти в бунт. Этим обстоятельством воспользовался князь П.С. Серебряный-Оболенский, который организовал неожиданное для турок нападение на отряды, охранявшие канал, и разбил их. Ногайские мурзы, не желавшие появления турок в бассейне Волги, в ходе этого похода поддержали московских князей. В этой ситуации Касым-паша принял решение вернуться в Кафу, несмотря на приказ султана до весны оставаться в Астрахани и ждать подкреплений. В ходе зимнего перехода от голода и холода и набегов ногайских отрядов погибло более половины войска. В Кафе пашу также постигла неудача. Сильный пожар уничтожил практически все припасы для снабжения армии, в огне погибло более 1000 солдат. Османский флот, который должен был перевести остатки армии в Стамбул, по пути попал в шторм, и несколько кораблей затонуло. В итоге лишь около 7 тысяч из 50-тысячного османского войска добрались живыми до Стамбула. Касым-паша оказался неспособен претворить в жизнь этот проект. А на заседании Дивана султан в гневе потребовал от Соколлу, чтобы тот за счет личных средств покрыл расходы на организацию похода¹. В итоге проект провалился. Несмотря на это, султан и далее сносился с Иваном IV о препятствиях, чинимых бухарским посланникам и паломникам².

В начале 80-х гг. XVI в. Абдаллах-хан сумел взять под контроль территорию Мавераннахра, частично подчинил Хорезм, и в 1583 г. был избран Великим ханом. Еще будучи лишь одним из вероятных претендентов на престол, во время своего правления в Бухаре, Абдаллах вел дипломатическую переписку с Османами³. В 1575 г. Абдаллах отправил в Стамбул своего посланника Али Багатур Хаджи, который сообщил Мураду III (1574-1595) о поражении, которое потерпели соперники Абдаллаха Дервиш-султан и Баба-султан, а также о взятии Балха и Гиссара⁴. Султан Мурад в ответном письме, написанном, вероятно, между 1576 и 1577 гг., хвалил посла за красноречие, а также выразил надежду на то, что язычники-шииты будут посрамлены, и предложил совместно действовать ради общего дела борьбы с еретиками и укрепления ислама⁵.

Весной 1579 г. Абдаллах, который в это время вел борьбу с непокорными правителями из династий Суюнчидов и возглавлял поход на Андижан, принял османского посланника. Его имя не сохранилось, однако

¹ Peçevi İbrahim Efendi. Peçevi Tarihi. C.1, s.470.

² Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI - 30-е гг. XVII в.) М., 1963. С. 252.

³ Feridun Bey, Münşeat-üs Salatin, C.2, S.484.

⁴ Hammer, ibid., Bd. 4. S. 171.

⁵ Feridun Bey, Münşeat-üs Salatin, C. 2, S. 235.

Абдаллаху было предложено атаковать Сефевидов с Востока. Однако неизвестно, было ли отправлено ответное посольство, и была ли достигнута договоренность о совместном выступлении. Тем не менее, Абдаллах сообщил посланнику о своих успехах в борьбе с оппозицией и большом количестве захваченных трофеев¹. В следующем году (1580) Османы атаковали Ширван².

Мурад III был твердо настроен использовать союз с узбеками, чтобы нанести Сефевидам окончательное поражение. Для подготовки нового похода он поручил отправить Абдаллах-хану ружья и пушки, а также пушкарей и все необходимые боеприпасы. Для выполнения этой миссии был выбран один из известных османских придворных и мореплавателей – Пияле-паша. Абдаллах-хан с почетом встретил турецкую миссию. Османские воины существенно повысили мощь бухарской армии, поскольку они могли обращаться с огнестрельным оружием и обслуживать его, а также обучать приемам стрельбы местных воинов³.

Намечавшийся военный союз узбеков и османов вызывал серьезное беспокойство у индийского императора династии Великих Моголов Акбара. В случае успеха османов и узбеков расчленение Ирана и захват узбеками Хорасана могли создать угрозу его собственным планам и владениям. По этой причине в 1585-1586 гг. состоялся обмен посольствами между Акбаром и Абдаллах-ханом. Акбар писал Абдаллаху, что нападение османов на Иран не имеет никаких законных оснований. Он указывал, что, несмотря на то, что шах отступил от сунны и общины, он происходил из семьи пророка. Акбар сообщил, что он окажет поддержку Ирану в борьбе с Османами. Также Акбар пригласил Абдаллаха к участию в политическом союзе, который стал бы альтернативой альянсу с Османами⁴. Однако Абдаллах-хан не поддался на уговоры Акбара, и продолжил политику союза с Османами.

Между тем, предположительно в 1581-1582 гг. очередной посланник Абдаллаха прибыл в Стамбул, чтобы принять участие в торжествах по поводу обрезания сына султана Мурада III в июне 1582 г. В 1583 г., в конце зимы или в начале весны, посланник вернулся в Бухару, а его рассказ о празднествах, продолжавшихся шесть недель, мог оказать влияние на

¹ Burton, *ibid.*, P. 31.

² Savory, R. M. The consolidation of Safawid power in Persia // ISL, 1965, vol. 41, pp. 71–94.

³ Zeki Velidi Togan, *Bugünkü Türkili (Türkistan ve yakın tarihi)*. Arkadaş, Ibrahim Horoz ve Güven Basımevleri, 1947. S. 135.

⁴ Bayur, Yusuf Hikmet. *Hindistan Tarihi. Türk Tarih Kurumu Basımevi*, 1950. C.2. S. 144-145.

Абдаллаха, который решил впечатлить султана уже своими военными успехами¹.

В начале 1585 г. султан Мурад отправил в Бухару посланника Мустафу Чавуша. Он предлагал Абдаллаху организовать нападение на Хорасан. Абдаллах отправил посланника назад с ответным письмом, дав тому сильный эскорт, и добирался Мустафа Чавуш до Турции через северные области Ирана. К сожалению, подробностей переговоров в Бухаре не известно, сохранился лишь экземпляр письма Абдаллаха Мураду. В своем письме Абдаллах говорил о том, почему ему так долго не удавалось организовать нападение на «еретиков кызылбашей». Он упоминал о своей борьбе с правителями Самарканда, Баба-султаном и казахским правителем Тевеккелем, и заявлял, что в настоящий момент он готов был «стереть проклятых еретиков с лица земли»².

Летом 1587 г. в Стамбул прибыл еще один посланник хана Абдаллаха, который предложил совместный поход против русских, «причиняющих большой вред мусульманам». Абдаллах потребовал и от Османской империи оказать посильную помощь в его борьбе. Он выражал готовность вместе с ногайцами напасть на Астрахань с юга, в то время, как османы должны были напасть с запада³. Поводом для активизации российского направления совместной узбекско-османской дипломатии могло стать и наступление на Сибирь Московского государства с 1581 г. В 70-х гг. XVI в. Абдаллах-хан оказывал серьезную помощь Кучуму, в частности, передавал ему оружие и мастеров-оружейников, а также способствовал распространению ислама в Сибири⁴. Свою роль могло сыграть и нахождение в Мавераннахре сыновей царевича Джанибека, бежавшего из Астрахани от московских войск. Джанибек нашел приют в Бухаре у отца Абдаллаха, хана Искендера; Искендер выдал за него свою дочь, и сыновья от этого брака Дин-Мухаммед-хан, Баки-Мухаммед-хан и Вали-Мухаммед-хан впоследствии получили от Абдаллаха уделы в Хорасане⁵. Вероятно, Абдаллах мог рассматривать и возможность восстановить в Астрахани лояльную династию, хотя в переписке с Портой о такой возможности и не упоминается.

В этой связи поход на Астрахань в 1587 г. снова встал на повестке дня в Османской империи. Были разосланы специальные фирманы крымскому хану Ислам Гирею, ногайскому хану Урусу и крымскому Ширин Али-бею.

¹ Hammer, *ibid.*, Bd. 2, S. 516. Hammer J.P. Histoire de l'empire Ottoman depuis l'avenement de Mourad III, jusqu'à la conquête de Kanischa par Ibrahim-pascha 1574-1600. T. 7. 1837 Paris. P. 134-160.

² Кушева, указ. соч. С. 262. Burton A. *ibid.*, P. 51.

³ Uzunçarşılı, *ibid.*, C. 3, S. 37.

⁴ История Народов Узбекистана. Т.2. С. 57.

⁵ Там же, С. 83.

В них говорилось о подготовке нового похода на Астрахань. Во главе османских сил предполагалось поставить одного из самых опытных османских военачальников, Пияле-пашу¹. Также началась подготовка снаряжения и боеприпасов для отправки в Астрахань, а также 2000 янычар было приказано готовиться к отплытию в Крым.

Интересно, что на основе сохранившихся в османских архивах документов интересы Османской империи и шейбанидов представляются различными. Порта рассматривала захват Астрахани в контексте борьбы с Сефевидами, а угроза со стороны Московского государства представлялась второстепенной. Нет и прямых указаний на возможность возобновления торгового пути через Астрахань, а основной мотив Абдаллаха связан с устранением преграды для движения паломников. По мнению А. Беннигсена и М. Бериндея, для Порты связь с Шейбанидами должна была осуществляться через южную часть Каспийского моря. И османское завоевание Южного Азербайджана должно было стать для этого отправным пунктом².

Однако в Москве знали об османских военных приготовлениях. Был спешно усилен гарнизон Астрахани, на Дон был отправлен отряд войск, а двое стрелецких старшин Хрущев и Лихачев были отправлены к запорожским казакам, чтобы организовать нападение на османские владения в Крыму. Кроме того, посланник царя должен был предложить крымскому хану Ислам-Гирею приостановить все агрессивные действия, если хану удастся убедить султана отказаться от похода³. В результате масштабного нападения запорожских казаков в 1587-1588 гг. на Бендеры, Очаков, Килию, Аккерман, Порта вынуждена была использовать силы, предназначенные для похода на Астрахань, для борьбы с казаками. Начало боевых действий с Сефевидами со стороны османов и Шейбанидов также привели к отказу от подготовки похода⁴.

Тем не менее, султан Мурад III попытался скоординировать с узбеками совместные действия против Сефевидов и направил нескольких посланников различными путями в Бухару. Сохранились данные лишь об одном из этих посланников, по имени Салах Шах. Он отправился из Стамбула в Бухару через Индию, и добирался до места назначения в

¹ Osmanlı Tarih Encümeni Mecmuası, VIII, 1213; BOA, Mühimme Defteri, документы 226, 231 и 233, s.105-106; Tarih-i Selaniki, s.227-229.

² Беннигсен А., Бериндей М. Астрахань и политика в степях Северного Причерноморья (1587-1588 гг.) // Восточная Европа Средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С.200-201.

³ Указ. соч. С.209-210.

⁴ Kurat A.N. IV-XVII. Yüzyıllarda Karadeniz'in Kuzeyindeki Türk Kavimleri ve Devletleri. Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Cografya Fakültesi Türk Tarih Kurumu Basımevi, Ankara, 1972. S.382-385.

течение трех лет. Когда в 1590 г. он прибыл в Бухару, его послание уже потеряло свою актуальность¹. Однако несомненно, что определенная координация действий в 1588 г. была достигнута благодаря действиям других тайных посланников, имена которых не сохранились, а назначение их миссий осталось до конца не выясненным. Об их существовании упоминал в 1591 г. венецианский посол в Стамбуле Лоренцо Бернардо. Он напрямую связывал ряд военных неудач Ирана с серией практически одновременных боевых действий со стороны Османской империи и Шейбанидов Бухары. По его словам, Абдаллах, которого он называл правителем татар и владельцем Самарканда, в 1588 г. захватил Хорасан благодаря секретному обмену посланниками и информацией с турками и договоренности о времени совместного выступления².

Османское войско под командованием Ферхад-паши выступило летом 1588 г. из Эрзерума и захватило в течение лета Гянджу и Карабах, вернувшись к осени в Эрзерум³. В этой ситуации шах Аббас (1587-1629) оказался зажат в клещи между узбеками на Востоке и Портой на Западе. Он приказал умертвить сторонника активной антиосманской линии Мюршид Кулу-хана. Шах вынужден был прекратить боевые действия против турок и отправить в Стамбул послов с предложением мира.

В то же время Абдаллах-хан захватил Герат после девятимесячной осады. Следующей его целью должен был стать Мешхед. Однако в это время Абдаллах узнал о готовящемся нападении Акбара на Бухару. Это известие вынудило его завершить поход и повернуть назад, в Мавераннахр⁴. Благодаря этому шах Аббас прервал мирные переговоры с Османами и начал подготовку к походу на Багдад. Губернатор Багдада Синан-паша срочно запросил помощи у султана⁵.

Сразу же после возвращения в Бухару Абдаллах-хан отправил послов в Дели, Москву и Стамбул с известиями о своей победе над иранцами. Однако по прибытии посольства в Москву в 1589 г. выяснилось, что в письме, которое вез посланник Мухаммед Али, не было указано имя Бориса Годунова и не было полного царского титула⁶. Это обстоятельство позволяло сделать вывод, что Абдаллах «грубил» царю Федору⁷. Несмотря

¹ Burton, A. op. cit., P. 51.

² Alberti E. Relazioni degli ambasciatori veneti al senato. Firenze, 1840. serie III, volume II, 392-2.

³ Hammer J.P. Geschichte des osmanischen Reiches. Bd. 4, S. 185.

⁴ Burton A. Op. cit., P.51.

⁵ Kütükoğlu B. Op. cit., s.185.

⁶ Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. С. 10-12.

⁷ История народов Узбекистана, Т.2. С. 57.

на это, посланник получил запрошенных Абдаллахом кречетов и был освобожден от уплаты пошлин на товары, которыми торговал в России¹.

В своем письме к султану Абдаллах сообщал о том, что в скором времени вернется в Хорасан и продолжит войну против шиитов. Однако по прибытии в Стамбул в марте 1589 г. узбекский посол был встречен достаточно холодно. Встречу с султаном удалось устроить только благодаря заступничеству и покровительству венецианского посланника Басса. Такой холодный прием мог быть оказан из-за того, что султан был недоволен прекращением похода против Ирана. Возвращение Абдаллаха в Бухару ослабило нажим на Иран и создало опасность для османского господства в Закавказье и Ираке. По версии Й.Хаммера, такой прием был оказан, поскольку султан опасался конкуренции со стороны Абдаллаха². Захват узбеками Хорасана и разгром Ирана привели бы к появлению на восточных границах Османской империи нового опасного соперника в лице бухарского правителя. Кроме того, в 1588 г. посланник шаха Аббаса заявил о готовности пойти на переговоры с султаном Мурадом и запросил помощь против узбеков. В итоге, по словам Хаммера, при османском дворе политические соображения перевесили религиозную идею³.

Схожего мнения придерживалась и О. Бертон, полагая, что взятие Герата и последующий захват Хорасана укрепят для имидж Абдаллах-хана как защитника веры, и пошатнут позиции Османской империи как самой могущественной в мире мусульманской державы⁴.

Шах Аббас попытался организовать поход на Герат, однако не сумел отбить его у бухарцев. В то же время Абдаллах-хан стал готовить новый поход на Иран. Армией узбеков на этот раз командовал его сын, Абдулмумин. Целью нападения был Мешхед. В апреле 1589 г. Абдулмумин взял город в осаду, а в сентябре город пал, несмотря на ожесточенное сопротивление. После взятия Мешхеда Абдулмумин направил своего посланника, Мухаммеда Кули с письмом ко двору султана. В нем он напоминает общую заинтересованность Османов и Шейбанидов в уничтожении еретиков-кызылбашей и освобождении маршрута для паломников. Абдулмумин сообщал о взятии Герата, подавлении мятежа в Туркестане, захвате Мешхеда и многочисленных посольствах соседних правителей, прибывших по случаю этих побед. Говоря об осаде и захвате Мешхеда, Абдулмумин объяснил, что он не пощадил никого из жителей. После захвата города Абдулмумин разорил находившуюся там гробницу

¹ Жуковский С.В. Указ. соч. С. 12.

² Hammer, Histoire, T 7, P. 196.

³ Hammer J.P. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. 4. S. 201.

⁴ Burton, A. Op. cit., P.61.

шаха Тахмаспа, отомстив таким образом за убийство своего предка Шейбани-хана¹. По его словам, Сефевидам был нанесен большой урон. Он сообщил о повсеместном преследовании шиитского населения в захваченных городах, о поругании праха шаха Тахмаспа. В письме Абдулмумин говорил о взятии городов Туршиз, Исфараин, а также говорил о намерении взять Тебриз и Казвин. По его словам, Абдулмумину удалось частично освободить путь для паломников-суннитов в Мекку. Новый поход Абдулмумин планировал на весну 1590 г. с помощью узбекских владык Хорезма, которые сплотились вокруг него². Если Османская империя сможет оказать ему помощь, то он мог бы полностью открыть путь для хаджа³. По-видимому, упоминание Тебриза обеспокоило Мурада, поскольку он считал город и окрестности входящими в свою сферу влияния. Но узбекские правители не догадывались о сомнениях, которые терзали султана.

Письмо Абдулмумина к султану имело совершенно непредвиденные результаты. Оно не привело ни к усилению взаимной дружбы и доверия, ни к совместным действиям против Ирана в 1590 г. Вместо этого султан Мурад изменил свое мнение о том, что ханство и Османская империя могут быть равными игроками на международной арене, и что оба государства приобретут дополнительное влияние и славу в ходе совместной кампании. Хотя в своем письме Абдулмумин и выразил преданность султану, сказав о готовности «встать у султанского стремени» и по его приказу уничтожить шиизм, Мурад был озабочен тем, что воинственные узбеки могут стать его непосредственными соседями. Сообщение о приближении к Тебризу было опасно еще и тем, что в случае его захвата узбеками султан мог лишиться части добычи от военных походов, организованных в эту богатую провинцию под предлогом священной войны⁴.

Вскоре Абдаллах-хан направил очередного посланника с письмом в Стамбул. Описание этого посольства оставил русский посланник Г.А. Нащокин, направленный в Константинополь в 1592 г. Бухарский посланник прибыл в начале 1590 г. и передал султану ханское послание. В отличие от Абдулмумина, который обращался к султану в уважительном тоне и в общем, дружелюбно, письмо Абдаллах-хана было снисходительно-оскорбительным. Абдаллах-хан с гордостью перечислял свои победы над еретиками-шиитами. Он заявлял, что неудача османского похода на Астрахань означала унижение для всего исламского мира. Абдаллах

¹ Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история. Ташкент. АН УзССР. 1956. С. 62-67.

² Там же. С. 67-69.

³ Howorth, Op. cit., P. 736.

⁴ Burton A. Op. cit., p.65.

сообщал, что в свете неудачи султана, он сам атакует этот город. Султану он предлагал выслать для поддержки нападения на Астрахань 3000 янычар с пушками и огнестрельным оружием. Абдаллах также просил разрешения проследовать на хадж в Мекку с большим отрядом воинов из 10000 человек, и по дороге остановиться в Константинополе¹.

Нет очевидных доказательств того, почему Абдаллах именно в такой манере написал султану. Возможно, после взятия Герата и Мешхеда он посчитал себя равным или даже более могущественным мусульманским правителем, чем султан. Еще одной версией такого поступка может являться его желание оттянуть царские войска из Сибири к Астрахани, дав таким образом передышку Кучуму².

В связи с активной политикой Абдаллаха по открытию паломнических путей через Астрахань и Иран представляет интерес и вопрос о том, в какой степени были взаимосвязаны хадж и торговля, и насколько активной во второй половине XVI в. оставался караванная торговля на «Шелковом пути». По османским архивным материалам оценить количество паломников, проходивших ежегодно через территорию Османской империи, весьма сложно, поскольку отсутствуют какие-либо точные данные. Вместе с тем, в «реестрах важных дел» (Mühimme defterleri) почти полностью отсутствуют сведения о торговой деятельности бухарцев в Османской империи. Исключение составляют лишь некоторые упоминания о торговле тканями, которую бухарские купцы вели в Басре, и связанных с этой торговлей проблемах³. Тем не менее, вероятно, часто паломники могли являться и купцами одновременно: распродав привезенный из Центральной Азии товар по пути в Мекку, можно было пустить вырученные за товар средства на оплату расходов во время хаджа. Немалую роль в экономике Центральной Азии в правление Абдаллаха играли и джуйбарские шейхи. Во многом благодаря их поддержке, Абдаллаху удалось взять власть и ограничить влияние крупных феодалов. При Абдаллахе продолжало расти экономическое могущество джуйбарских шейхов, увеличивалось количество принадлежавших им земельных угодий, а многие видные шейхи, например, духовный наставник Абдаллаха и его советник Ходжа Ислам – были еще и крупными купцами, торговавшими с Московским государством⁴. Возможно, что именно эти обстоятельства оказывали влияние на внешнюю политику Абдаллаха, стремившегося

¹ Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI-XVII вв. М., 1946, с.148. См. также: Uzunçarşılı Y.H. Osmanlı Tarihi, C. 3, S. 37.

² Burton, A. loc. cit.

³ BOA, Mühimme Defterleri, XXII, №519 – в частности, о продаже тканей туркестанскими торговцами в Басре и взимании с них незаконных поборов в связи с этими сделками.

⁴ См.: Иванов П.П. Хозяйство джуйбарских шейхов. М.-Л., 1945.

наладить пришедшую после смут и междоусобиц внутреннюю и внешнюю торговлю и открыть кратчайший путь для паломников на Запад. Сохранившиеся в Центральной Азии народные предания и письменные свидетельства связывали с именем Абдаллаха улучшение социально-экономической жизни. Подчеркивались его заботы о проведении новых оросительных каналов, улучшении путей сообщения, строительстве водоемов для путников, улучшении монетного дела и пр.¹ Вместе с тем, уже к концу правления Абдаллаха наметилась тенденция к переориентации торговли Мавераннахр с Китая и Османской империи на Россию и отчасти на Индию.

Шах Аббас в условиях непрекращающихся набегов узбеков был готов любой ценой заключить мир с Османами, и направил послов к османскому главнокомандующему Ферхад-паше, чтобы заключить хотя бы перемирие². 21 марта 1590 г. в Стамбуле был подписан мирный договор, согласно которому Тебриз переходил к Османам, Ширван, Грузия, Азербайджан и Луристан признавались османскими провинциями. По условиям мира, иранские богословы обязывались не оскорблять первых трех праведных халифов и не поносить их. Кроме того, шах Аббас обязывался дать султану в качестве почетного заложника своего сына Хайдар-мирзу. Вместе с тем, в договоре ничего не говорилось о положении союзников османов – узбеков Бухары³. Такая ситуация весьма примечательна, поскольку косвенно подтверждает гипотезу о том, что султан мог ревниво относиться к успехам узбеков в Хорасане. Абдаллаха также не предупредили о заключении мира с Ираном. Договор таким образом носил характер сепаратного, выгодного исключительно османам. Иранский вопрос на тот момент был закрыт для Османской империи и снят с повестки дня.

В 1591 г. Абдаллах отправляет в Стамбул посольство, в состав которого входят двое его приближенных: Хафиз Кутай и Сайид Кули. Они везли письмо на имя Мурада III, в котором Абдаллах уверял султана в своих дружественных намерениях и рассказывал о своих последних успехах в Хорасане. Посольство, снабженное богатыми подарками, направилось в Стамбул через Ургенч и Ширван, и совершенно неожиданно для Абдаллаха, было ограблено в Хорезме Мухаммадом Ибрагимом, сыном местного правителя Хаджим Хана⁴.

В 1592 г. Хафиз Кутай и Сайид Кули привезли Абдаллаху ответное письмо. Поручение написать ответ в Бухару было дано османскому

¹ Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии. М.: Изд-во Восточная литература, 1958. С.66.

² Hammer J.P. Op. cit., C.4, S. 185.

³ Feridun Bey, Münşeat-üs Salatin, C. 2, S. 157. Письмо султана шаху с изложением условий мира.

⁴ Burton A. Op. cit., P. 65.

главнокомандующему Ферхад-паше. Это свидетельствовало об определенном негативном отношении султана и намеренном занижении международного статуса бухарского правителя. В письме не содержалось поздравлений в адрес Абдаллаха по поводу побед над Сефевидами, а лишь упоминалось о взятии Герата, и планах узбеков по захвату Казвина. Сообщалось о том, что султан решил заключить мир с шиитами после того, как шах Аббас прислал в качестве заложника своего племянника, а также потрял ряд важнейших городов. Отправляя это письмо, османское правительство как бы пыталось намекнуть узбекам, что дальнейшей помощи и совместных выступлений против Ирана не будет. В письме говорилось о том, что продолжение боевых действий не видится султану удобным в данной ситуации, а Абдаллах-хану следовало довольствоваться уже завоеванным. Указывалось, что не следует вести войну с Ираном до конца, военные действия будут возможны только в ответ на агрессию со стороны Сефевидов. Особо указывалось, что захваченные узбеками области принадлежат им по праву добычи, а в случае нападения Сефевидов Абдаллах имел полное право ответить им агрессией. И вот в таком случае султан будет готов оказать узбекам помощь¹. Таким образом, Османская империя заключила с Ираном мир на выгодных для себя условиях. Союзник Османов – Абдаллах, получил лишь обещания, не закрепленные в мирном договоре с Ираном. Также следует отметить, что территориальные приобретения Османов на Востоке были обеспечены успешными действиями узбеков, так как Османам было трудно в течение продолжительного времени удерживать контроль над Закавказьем.

Уже через несколько месяцев после получения письма Абдаллаха постигло еще большее разочарование относительно союза с султаном. Когда Гилян был занят войсками шаха Аббаса, гилянский правитель Хан Ахмад бежал в Стамбул, под защиту султана. Он надеялся вернуться в Гилян, заручившись османской военной поддержкой. Его надежды были основаны на предположении о том, что захват богатой благодаря доходам от торговли провинции Гилян станет завершающим этапом османской кампании в Азербайджане. Однако султан не пожелал отказываться от выгодного мирного договора ради призрачных завоеваний в будущем. Османы руководствовались также тем, что провинция слишком удалена от центра, и обеспечить ее безопасность будет трудно. Ситуация осложнялась слухами о том, что Абдаллах также намеревается захватить Гилян. Хотя эти слухи, по-видимому, не имели под собой серьезного основания, султан Мурад воспринял эту информацию с настороженностью. И уже в мае 1592

¹ Feridun Bey, Münşeat-üs Salatin, C.2, S. 147, S. 240-241.

г. он приказал убить Хана Ахмада. Далее, в августе 1592 г., провожая персидского посланника из Стамбула, он также пообещал, что поддержит шаха в его действиях против «узбекских татар»¹.

После заключения мира с Османами шах Аббас двинулся со своей армией на восток, где начал постепенно отвоевывать захваченные узбеками территории. Одновременно против Абдаллаха поднял восстание и начал войну хорезмский султан Хаджим-хан, который установил дипломатический контакт с шахом Аббасом². В 1593 г. Абдаллах отправил в Хорасан войска под командованием своего сына Абдулмумина, а сам решил подавить мятеж в Хорезме. В течение 1593-1594 гг. Абдаллах нанес поражение Хаджим-хану, который бросил ханство и бежал в Иран, где нашел покровительство у шаха Аббаса. В то же время Абдулмумин сумел защитить завоевания в Хорасане и даже взять назад отбитый шахом Аббасом Нишапур³.

Сразу же после своего похода в Хорезм, по-видимому, в 1593 г., Абдаллах отправляет посла по имени Ушах Бахадыр в Стамбул. Тот прибыл в Стамбул в январе 1594 г. и представил султану ценные подарки: каракулевые шкурки, сабли, шкурки горностая, (по мнению О. Бёртон, эти подарки должны были продемонстрировать султану тесные торговые связи Бухары с Россией и Сибирью⁴) и письмо от Абдаллаха султану Мураду III. Абдаллах рассказывал о захвате Хорезма, освобождении им пленных торговцев, направлявшихся на Запад, о захвате многочисленных пленников из числа хорезмской придворной аристократии. В заключение письма он подтверждал свою готовность продолжать борьбу с кызылбашами, которые не только снова закрыли пути для хаджа в Мекку, но и более того, не пускают через свои земли торговцев. Он полагал необходимым снова начать боевые действия против шиитов. В это же время один из сыновей Хаджим-хана бежал со своей семьей из Хорезма сначала в Иран, а затем в Стамбул. Свой поступок он мотивировал тем, что не может более жить среди шиитов⁵.

Письмо, вероятно, произвело нужное впечатление на султана, так как возвратившийся в Бухару Ушах Бахадыр привез богато украшенный халат и ответное письмо, в котором Мурад III сообщал, что, несмотря на мирный договор с Ираном, он решительно настроен продолжать борьбу с Ираном. Вместе с тем, султан, ссылаясь на положения заключенного мирного

¹ Hammer J.P. Histoire de l'empire Ottoman depuis l'avenement de Mourad III, jusqu'a la conquete de Kanischa par Ibrahim-pascha 1574-1600. T. 7. Paris. 1837. S. 250.

² История народов Узбекистана. Т.2. С. 55.

³ Burton A. Op. cit., P. 73.

⁴ Ibid, p. 78.

⁵ Howorth H.H. Op. cit, P. 736.

договора, указывал, что неверные уже не могут блокировать путь для хаджа. Султан также пытался впечатлить Абдаллаха, перечисляя захваченные у персов провинции: Ширван, Гюрджистан, Армения, Азербайджан. Их потеря, по его мнению, и вынудила Аббаса просить мира. В заключение султан перечислял свои заслуги как защитника ислама. Он нанес «многочисленные поражения кафирам и обратил множество церквей в мечети»¹. По-видимому, тактика нападения на Иран с двух сторон виделась Мураду достаточно эффективной. Однако из переписки с султаном следовало, что Османы после заключения мира в Стамбуле не готовы пока на решительные действия.

В то же время, в 1594 г. ко двору Аббаса прибыл посланник Бориса Годунова, кн. Андрей Звенигородский. По сведениям Андрея Звенигородского, Мурат был вынужден даже запросить помощь у Сефевидов в борьбе с венграми. В ответ шах отказал ему и подчеркнуто демонстративно сообщил, что в скором времени он намеревается отвоевать у Абдаллаха свои исконные владения в Хорасане². Прием посла был устроен таким образом, чтобы его увидело как можно больше османских и бухарских торговцев, которых Аббас, несомненно, считал и шпионами. Таким образом он хотел продемонстрировать возросшее международное значение своей державы³. Письмо, доставленное Звенигородским, обрадовало шаха, поскольку Борис Годунов в нем пытался склонить шаха к боевым действиям против турок и узбеков⁴.

В 1594 г. Абдаллах решил направить ответное посольство в Турцию, чтобы лучше прозондировать почву и подготовить новое совместное выступление против Сефевидов. В феврале 1595 г. в Стамбул прибыл его посланник Али Тарды, который по пути через Хорезм подвергся нападению⁵. Однако по прибытии Али Тарды узнал, что незадолго до его приезда султан Мурат умер, а на престол взошел султан Мехмед III (1595-1603). Одновременно началось антиосманское восстание воевод Молдавии и Валахии, и очередная австро-османская война.. Посланник Абдаллаха лишь поздравил с восшествием на престол нового правителя. Он принял участие в торжественном заседании дивана, присутствовал на церемонии

¹ Цит. по: Burton A. Op. cit., P. 79.

² Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией // Труды Восточного отделения императорского Русского Археологического общества. Под ред.: Н.И. Веселовского. Вып. XX. СПб., 1890. С. 283-284.

³ Там же, С. 257.

⁴ Достаточно подробно международный контекст данного посольства рассматривает в своей книге И. Магилина, хотя и не уделяет должного внимания шейбанидам. См.: Магилина И.В. Россия и проект антиосманской лиги в конце XVI – начале XVII вв. Волгоград, 2012. С. 114-118.

⁵ Hammer J.P. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. 4, S. 219.

возведения Мехмеда на престол¹. Известие о том, что на посольство напали на территории, ранее подконтрольной ханству, несколько подорвало имидж Абдаллаха в глазах Мехмеда III. И в ответном письме, которое Али Тарды повез в Бухару, содержался призыв к Абдаллаху принять самые жесткие меры против злонамеренных правителей². В 1595-1596 г. Абдаллах совершил еще один поход в Хорезм, в результате которого был взят Хазарасп. В качестве повода для похода служили претеснения, которым подвергались следовавшие в Мекку и Османскую империю посольства³.

В 1597 г. султан Мехмед III получил известие о том, что шах Аббас собирает большое войско, чтобы «заполучить голову его врага, бухарского правителя». Шах Аббас отказался оказать помощь Османам против венгров, а также объявил о своем намерении отбить Хорасан у Абдаллаха, а затем – отбросить Османов на Запад⁴.

Мехмет III никак не отреагировал на эти заявления. Кроме того, никаких просьб о помощи из Бухары не поступало. Очередное посольство, прибывшее в 1598 г. из Бухары в продолжение миссии 1594-1595 гг., лишь привезло соболезнования по поводу кончины Мурада III и поздравления Мехмеду III⁵.

В последние годы правления Абдаллах-хана началась междоусобная война с его сыном Абдулмумином, в которой приняли участие представители местных узбекских племен. Ставка Абдулмумина находилась в Балхе, и он официально был признан отцом «младшим ханом». Современники описывали его как безжалостного и склонного к авантюрам правителя⁶. Воспользовавшись промахами Акбара, Абдулмумин захватил Бадахшан, ранее принадлежавший Моголам. Кроме того, он планировал распространить свою власть на весь Мавераннахр и Хорасан. У него начались конфликты с наместником Герата - Кул Баба Кукельташем, который от имени Абдаллаха вел дипломатическую переписку с шахом Аббасом. В обмен на заключение мира Абдаллах хан просил помощи в междоусобной борьбе с сыном⁷. Однако Аббас подчеркнуто отказал⁸. Еще в

¹ Feridun Bey, Op. cit., C. II, S. 237-238. Hammer J.P. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. 2, S. 599.

² Feridun Bey, Op. cit., C. II, S. 237-239.

³ Там же.

⁴ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией // Под ред. Н.И. Веселовского. Труды Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. XX-XXII, СПб., 1890-1898. С. 447-448.

⁵ Feridun Bey, II, s.241-243. Hammer, Geschichte, II, 636-637.

⁶ Howorth H.H. Op. cit. P. 737.

⁷ Kütükoğlu, Bekir. Osmanlı-İran siyasi münasebetleri, İstanbul Üniversitesi Edebiyat fakültesi yayınları (Cilt 888), Edebiyat Fakültesi Matbaası, 1962. S. 219.

⁸ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией // Труды Восточного отделения императорского Русского Археологического общества. Под ред.: Н.И. Веселовского. Вып. XX. СПб., 1890. С. 238, 440-442.

в 1595 г. Абдулмумин попытался захватить Бухару, воспользовавшись тем, что его отец отлучился на охоту. Однако Абдаллах узнал об этом и вернулся в город, опередив своего сына. Тот вынужден был вернуться назад в Балх¹.

Другой опасностью для власти Абдаллаха стали племена казахов, которые под предводительством хана Тевеккеля совершили поход на Ташкент. Абдаллах хан начал собирать войска для ответного похода, в однако в феврале 1598 г. неожиданно умер².

Практически сразу же после смерти Абдаллаха от его владений отпал Хорезм, а на севере казахские племена под начальством Тевеккеля совершили ряд набегов на Мавераннахр. Сын Абдаллаха Абдулмумин(1598) начал систематически истреблять всех узбекских ханов, которые могли бы составить ему оппозицию. В результате мятежа узбекской знати Абдулмумин был убит.

Воспользовавшись смутой среди узбекской знати, шах Аббас вернул себе практически все территории, захваченные ранее Абдаллахом. Об этом он сообщил султану Мехмеду III, в подтверждение своих слов прислав ключи от 24 захваченных им городов. Все это привез в османскую столицу его посланник, Карахан-ага. По сведениям османских историков, посол поднес султану эти ключи на серебряном и золотом подносах³. Посол был встречен с большими почестями, в ответ на письмо Аббаса султан отправил поздравительное письмо и подарки с ответным посланником Арапгирли Мехмед Кулы-беком⁴. Пришедшая к власти в Бухаре новая династия Аштарханидов не смогла восстановить могущество государства Абдаллаха II. Трансконтинентальная торговля между Востоком и Западом постепенно приходит в упадок, уступая морской торговле. Идея военно-политического союза с Османской империей теряет актуальность и для турецких султанов, и для правителей династии Аштарханидов.

Список сокращений:

BOA – Başbakanlık Osmanlı Arşivi (Османский архив при Премьер-министре ТР.)

¹ Ibid.

² Искандер-Бег Мунши. Аббасова мироукрашающая история // Материалы по истории туркмен и Туркмении, Том II. XVI-XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. М.-Л. АН СССР. 1938. С. 90-91. Существует три версии смерти Абдаллаха: 1) он умер от нервного расстройства из-за ссоры с сыном; 2) он умер после обильных возлияний на торжестве в его честь, устроенном диванбеги Музаммедом Баки Би; 3) он был отравлен диванбеги.

³ Selaniki Mustafa Efendi. Tarih-i Selaniki. C. 2, s. 814.

⁴ Hammer J.P. Geschichte des osmanischen Reiches. Bd..4, S. 270.

Библиография:

- BOA, Mühimme Defteri, S. 985, № 2723.
BOA, Mühimme Defteri, S.105-106, Документы № 226, 231 и 233,
BOA, Mühimme Defterleri, S. XXII, Док. № 519;
Архив дворца Топкапы. Док. № E 1291.
Архив дворца Топкапы. Док. № E 5905.
Архив дворца Топкапы. Док. № E 5674.
- Alberti E. Relazioni degli ambasciatori veneti al senato. Firenze, 1840.
serie III, volume II.
- Bayur, Yusuf Hikmet. Hindistan Tarihi. Türk Tarih Kurumu Basımevi,
1950.
- Burton, A. The Bukharans. A dynastic, Diplomatic and Commercial
History. 1550-1702. Curzon Press, Surrey, 1997.
- Peçevi İbrahim Efendi. Peçevi Tarihi. Kültür Bakanlığı yayınları: 1000
temel eser dizisi Kültür Bakanlığı yayınları, İstanbul Kültür Bakanlığı, 1982. C.1,
Hammer (Purgstall), Joseph. Geschichte des osmanischen Reiches (10
vols., C. A. Hartleben, Pest, 1827–1835).
- Howorth.H.H. History of Mongols from the 9th to the 19th Century.
London, 1880.
- Inalcik, Halil. The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry and the Don-
Volga Canal.
- Kurat A.N. IV-XVII. Yüzyıllarda Karadeniz'in Kuzeyindeki Türk
Kavimleri ve Devletleri. Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Cografya Fakültesi
Türk Tarih Kurumu Basımevi, Ankara, 1972.
- Kütükoğlu, Bekir. Osmanlı-İran siyasî münasebetleri, İstanbul Üniversitesi
Edebiyat fakültesi yayınları (Cilt 888), Edebiyat Fakültesi Matbaası, 1962.
- Ogier Ghislain de Busbecq. The Life and Letters of Ghiselin de Busbeq.
London, 1881 Vol.1.
- Osmanlı Tarih Encumeni Mecmuası, VIII, 1213;
Savory, R. M. The consolidation of Safawid power in Persia // ISL, 1965,
vol. 41, pp. 71–94.
- Selaniki Mustafa Efendi. Tarih-i Selaniki. Matbaa-ı Âmire, 1864, İstanbul,
C. 2.
- Seidi Ali Reis. Mira'atü'l-Memalik. İstanbul, 1313.

Uzunçarşılı İ.H.. Osmanlı Tarihi III. Cilt 2. Kısım: XVI. Yüzyıl Ortalarından XVI. Yüzyıl Sonuna Kadar Ankara:Türk Tarih Kurumu. 6. Baskı. 1995.

Zeki Velidi Togan, Bugünkü Türkili (Türkistan ve yakın tarihi). Б.м., Arkadaş, İbrahim Horoz ve Güven Basımevleri, 1947.

Беннигсен А., Бериндей М. Астрахань и политика в степях Северного Причерноморья (1587-1588 гг.) // Восточная Европа Средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009.

Бухари, Хафиз-и Таныш. Шараф-наме-йи шахи (Книга шахской славы). М., Наука. 1983. Т. 1, Ч. 2.

Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию 1558 – 1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Пер. Ю. Готье, предисловие Г. Новицкого. М.: Соцэкгиз, 1937.

Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915.

Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004.

Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии. М.: Изд-во Восточная литература, 1958.

Иванов П.П. Хозяйство джуйбарских шейхов. М.-Л., 1945.

История народов Узбекистана. От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. Под ред. С.В. Бахрушина, В.Я. Непомнина и В.А. Шишкина. Изд-во АН УзССР. Ташкент, 1947. Т. 2.

Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI - 30-е гг. XVII в.) М., 1963.

Лэн-Пуль С. Мусульманские династии. М., 2004.

Магилина И.В. Россия и проект антиосманской лиги в конце XVI – начале XVII вв. Волгоград, 2012.

Мейер М.С. Особенности становления и развития Османской империи. С.224-225. // В кн.: BASILEUS. Сборник статей, посвященный 60-летию Д.Д. Васильева. М., ИВРАН, 2007.

Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история. Ташкент. АН УзССР. 1956.

Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией // Труды Восточного отделения императорского Русского Археологического общества. Под ред.: Н.И. Веселовского. Вып. XX. СПб., 1890.

Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI-XVII вв. М., 1946.

**СУЩЕСТВОВАЛИ ЛИ ИЗВЕСТИЯ О КРЫМЕ
В ТРУДАХ АРАБСКИХ ГЕОГРАФОВ IX–X ВВ.**

T. Kalinina

**Was There any News About the Crimea
in the Writings of Arab Geographers in IX–X Centuries.**

Известия средневековых арабских авторов о Крыме привлекли внимание ученых около 200 лет тому назад. Известнейший востоковед А.Я. Гаркави на IV археологическом съезде в Казани дал почти исчерпывающий для своего времени обзор ранних свидетельств восточных авторов о Крыме¹. С тех пор интерес к письменным памятникам о Крыме, его названии, его городах, его политическом положении не ослабевает. Исследователи, привлекавшие информацию средневековых арабо-персидских источников, не всегда правильно её истолковывали ввиду ненадежности и запутанности сведений памятников. Случается, что исследователи, предлагая возможные интерпретации таких данных, не принимают во внимание особенности арабской литературы, когда тот или иной книжник привлекал более ранние известия, не упоминая об этом; не учитывают общие воззрения географов на ойкумену; не исследуют личность, окружение, взгляды автора, мотивы его обращения к тем или иным сюжетам, и т.д.

Впервые арабские географы упоминали Таврику вслед за Клавдием Птолемеем (II в. н.э.), александрийским ученым, чьи труды по астрономии, математике, географии являлись непререкаемым авторитетом для арабских ученых.

В «Доме мудрости» (*Байт ал-Хикма*), созданном халифом ал-Ма'муном (813–833) ученые из разных стран переводили научные трактаты с других языков на арабский, занимались астрономическими, математическими, географическими вычислениями. Там работал Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми (ок. 783–ок. 850), участвуя в измерении градуса

¹ Гаркави А. Я. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе// Труды Археологического съезда в России. Казань, 1891. Т. II. С. 239–248.

земного меридиана, по следам Эратосфена и Птолемея и, как считают современные исследователи, участвуя в составлении «Проверенных мамуновских таблиц» с координатами населенных пунктов (утрачены) и составлена карта мира (утрачена)¹.

Опираясь на «Географическое руководство» Птолемея, ал-Хорезми создал свою книгу картины Земли» (возможно, для мамуновских таблиц). Там внутри семи «климатов» (широтных зон) были расположены топонимы, гидронимы, ойконимы и проч. по точкам координат современных ему данных, используя данные долгот дня и солнцестояния. Ал-Хорезми в основном пользовался названиями из книги Птолемея, но переданы они были в искаженной или арабизированной форме. Так, среди шестого, седьмого и «заокраинного» «климатов» им были перечислены среднеазиатские, прикавказские, приазовские и причерноморские города, выбранные из труда Птолемея по принципу упоминания самого длинного или самого короткого дня или ночи².

По координатам ал-Хорезми ученые составили реконструкцию его изображений частей Земли, нанеся на плоскость (сначала на миллиметровку, а позднее при помощи компьютера)³. При издании «Книги картины Земли» ее исследователь Х. фон Мжик пронумеровал все встречающиеся в труде ал-Хорезми точки координат оронимов, береговых линий морей, озер, течений рек и топонимов, показав их в круглых скобках⁴. Все встречающиеся в данной статье номера тех или иных пунктов, как и в реконструкции части карты ал-Хорезми, соответствуют издательским.

Ал-Хорезми в основном пользовался названиями из книги Птолемея, но переданы они были в искаженной или арабизированной форме. Так, среди шестого, седьмого и «заокраинного» «климатов» им были перечислены среднеазиатские, прикавказские, приазовские и причерноморские города, выбранные из труда Птолемея по принципу

¹ Однако есть мнение, что карта мира в сочинении ал-‘Умари (1301–1349) воспроизводит карту ал-Ма’муна ([Sezgin], 2003. P. 9, 11. 24). Аналогичная карта показана: Атлас: Българските земи в средновековната арабописмена картографска традиция (IX—XIV век). Под ред. С. Кендеровой, А. Стаматова. София, 2011. С. 268, хотя публикаторы не связывают ее с именем ал-Ма’муна.

² Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избр. соч. М.; Л., 1959. Т. IV. С. 94–97; Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, пер., комментарий. М., 1988. С. 12–14.

³ Mžik H. v. Osteuropa nach der arabischen Γεωγραφικὴ ὑφήγησις des Kl. Ptolemaios von Muhammad ibn Musa al-Huwarizmi // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien, 1936. Bd. 43, H. 3–4. S. 165–166; Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, пер., комментарий. М., 1988. С. 105; Daunicht H. Der Osten nach der Erdkarte al-Huwarizmi's. Bonn, 1968–1970. Bd. I – II; Wieber R. Nordwesteuropa nach der arabischen Bearbeitung der Ptolimäischen Geographie von Muhammad B. Musa al-Huwarizmi. Walldorf; Hessen, 1974; Крюков В.Г. Ал-Хуваризми про «Сарматію — землю бурджанів» та сусідні з нею «країни». Луганськ, 2009. С. 67/68).

⁴ Das Kitāb Šūrat al-arḍ des Abū Ġa‘far Muḥammad Ibn Mūsā al-ḤPouwārizmī / Hrsg. von Mžik. Leipzig, 1926.

упоминания самого длинного или самого короткого дня или ночи. Большой части этих городов уже не существовало (таких, как *Борисфен*, *Евпатория*, *Тирамба*), другие названия со временем изменились (как античная *Гермонасса* – *Матраха* IX в.). Однако известные во время жизни ал-Хорезми топонимы – такие, как *Константинополь*, *Гераклея* и некоторые другие переданы автором в привычной арабизированной форме (*Кустантинийа*, *Харакла* и т.п.).

Несмотря на использование множества топонимов, гидронимов, оронимов из книги Птолемея, ал-Хорезми не называл имен «Понт» и «Меотис», хорошо известные античным географам и Птолемею.

Озеро, соответствующее Меотису, именуется в книге ал-Хорезми словом *ал-Батиха* – «русло потока, усеянное камешками; низменность, заливаемая водой; болото». Так ал-Хорезми называл многие озера, хотя в данном случае оно является калькой с греческого *Меотис* – «болото»¹. Это озеро имело связь двумя водными потоками с Северным Внешним морем. В тексте ал-Хорезми эти реки фигурируют под номерами (2375–2376) и (2377–2378). Часть реки (2375–2376) может быть идентифицирована с рекой Ликос Птолемея, начинающейся в горах Бодин и впадающей в Меотис. Вторая часть этой реки соответствует Турунтусу Птолемея, которая начиналась в Рипейских горах и впадала в Сарматский океан (Северное море ал-Хорезми). Соединив эти потоки, ал-Хорезми показал одну реку, текущую от Меотиса (ал-Батихи) в Северное Внешнее море через Рипейские горы. Аналогичным образом он поступил с двумя частями реки (2377–2378), соответствующие птолемеевым Турунту и Хесину, показав их как единый поток, соединяющий ал-Батиху и Северное Внешнее море через Рипейские горы. Горы же Бодин – у ал-Хорезми (913–914) – расположены несколько западнее, чем у Птолемея, что исключает их из направления течения этих рек². На рисунке, который не имеет координат и сохранился в единственной рукописи, ясно показаны эти две реки, соединяющие, как было сказано, Северное Внешнее море и Батиху, т.е. Меотис. Таким образом, это озеро, в отличие от данных античных географов, имело связь двумя водными потоками с Северным Внешним морем. Представления о Меотиде как части Внешнего (Северного) океана и о течении рек от этого Океана в Понт или Меотиду существовали как в античности, так и в раннее

¹ Гиргас В.Ф. Словарь к арабской хрестоматии и Корану. Казань, 1881. С. 65.

² Mžik H. v. Osteuropa nach der arabischen Γεωγραφικὴ Ὑφήγησις des Kl. Ptolemaios von Muhammad ibn Musa al-Huwarizmi // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien, 1936. Bd.43, H. 3–4. S.185; Калинина Т.М. Указ. соч. С. 104.

средневековье¹. В книге Птолемея также есть известия, что реки Хрон, Рудон, Турунт и Хесин впадали в Балтийское море (Ptol. III, 5)², что могло повлиять на воззрения ал-Хорезми. При этом координаты книги ал-Хорезми, в отличие от птолемеевых, показывают, что Меотис не имеет никакой связи с Черным морем. Как у большинства арабских географов, карты и схемы ориентированы на юг, но на рисунке ал-Батихи ал-Хорезми север расположен наверху. Вместо пролива Боспор Киммерийский Птолемея показана крупная река с нечитаемым названием, идущая по направлению к ал-Батихе, но завершающаяся неким безымянным озером (Рис. 1).

Черное море, если следовать координатам ал-Хорезми, являло собой восточную часть огромного водного массива, простирающегося от Гибралтара до Лазики, восточной части побережья Черного моря, и называлось, по именам побережий, «морем Барики (Барки?) и Лазики»³. В перечне городов по климатам отсутствует название такого крупного центра черноморской торговли, как Херсонес Таврический. Однако в разделе о «пределах стран» книги ал-Хорезми имеются координаты для полуострова *Таукийя* (1598), который имел свой центр, граничащий, по данным координат, с землей *ал-Йатиз* (1597). *Ал-Йатиз* – это искажение названия «языги», а название *Таукийя* весьма напоминает имя «Таврика». Координаты при описании Черного моря («моря Барики и Лазики») чётко показывают этот полуостров, который обозначен береговой линией от крайней точки (1072) на востоке, где показан замкнутый залив, не соединенный с *ал-Батихой*, т.е. Меотидой, до крайней точки (1075) на западе. Полуостров значительно искажен в пропорциях, по сравнению с птолемеевскими, а координата для центра представляет, скорее всего, Херсонес, хотя названия этого наш автор не знает (Рис. 2).

Итак, ал-Хорезми не показывал, а скорее не знал о связи Азовского и Черного морей, изменив таким образом данные Птолемея.

Черное и Азовское моря были известны другим арабским географам, зачастую под античными наименованиями: Понт (*Бунтус* или, с искаженной диакритикой, *Нитас*, и Меотис (*Майутис* или *Майтас*). Так, арабский ученый Абу 'Абдаллаха ал-Баттани (ок. 858–929) в «Книге сабиевых

¹ Подосинов А.В. Гидрография Восточной Европы в античной и средневековой геокартографии // Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007. С.38–45.

² Подосинов А.В. Указ. соч. С. 32.

³ Mžik H.v. Ibidem. S. 191–193. Czeglédy K. Die Karte der Donaulandschaftsgruppe nach al-Huwarizmi // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. I, fasc. I. Budapest, 1950. S. 259–260; Калинина Т.М. Указ. соч. С. 87–88.

астрономических таблиц» пользовался античными названиями для Черного и Азовского морей: «Море Понт (*Бунтус*) простирается от Лазики до великого Константинополя. Длина его 1060 миль, а ширина 300 миль. В него впадает река, называемая Танаис, течение его со стороны севера от озера, которое называется Меотис. Это большое море, хотя и называется озером. Длина его с востока на запад 300 миль, а ширина 100 миль. У Константинополя отделяется от него пролив, который течет подобно реке и впадает в море Египта (*бахр ал-Миср* – так называлась часть Средиземного моря – *Т.К.*). Ширина его у Константинополя величиной в 3 мили, и Константинополь [расположен] на нем»¹.

Отметим, что Меотис представлен в этом описании озером, расположенным где-то на севере, откуда вытекала река Танаис и впадала в Понт, хотя в античной географии Танаис – вполне реальный Дон, впадавший в Меотиду. Почти аналогичное описание, заимствованное либо у самого ал-Баттани, либо у посредников, можно встретить в сочинениях арабских ученых разных жанров: географа Ибн Русте [нач. X в.), церковного историка Агапия Манбиджского [X в.), секретаря и ученого Кудама ибн Джа'фара [X в.), и других.

Таким образом, по ал-Баттани, море Понт и озеро Меотис были связаны Танаисом, а не Боспором Киммерийским, а озеро находилось где-то на севере,.

Наиболее подробно, с учетом текста ал-Баттани, писал энциклопедист ал-Мас'уди, цитату из книги «Золотые копи и россыпи самоцветов приводят очень часто: «Море Нитас соединяется с морем Майтас, и от него [отходит] Константинопольский пролив (*халидж ал-Кустантинийа*), который впадает в море Рума и соединяется с ним, по моему мнению... А море Нитас и море Майтас должны быть одним морем, и они стесняются сушей в [одном] месте и образуют между двумя водами [морей] как бы пролив. Название тех вод, что широки и велики – Майтас, а тех, что узки и малы, – Нитас. Не возбраняется смешивать имена Майтас и Нитас. И если мы просмотрим [целый] ряд книг, и нам скажут [про] Майтас и Нитас, то мы найдем это значение и для широкого, и для узкого моря»². В последнем высказывании ал-Мас'уди следует усомниться, поскольку такое утверждение не встречается у других арабских географов, однако можно

¹ Al-Battani sive Albatanii Opus Astronomicum. Mediolani, 1899. Pt. 1. P. 27; Крачковский И.Ю. Указ. соч. С. 103; Калинина Т.М. Указ.соч. С. 144–145. В переводе И.Ю. Крачковского водный поток, соответствующий Босфору, назван заливом (поскольку арабское слово *халидж* имеет оба значения). Я предпочитаю значение «пролив» как более точное в данном случае.

² *Maçoudi. Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1861.Т. I. P. 272–273; Бейлис В.М. Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX–X вв.// Ближний и Средний Восток. М., 1962. С. 62.*

полагать, что в упоминании пролива между двумя морями подразумевается Керченский, хотя никаких подробностей о нем наш автор не знал¹.

О Танаисе ал-Мас'уди, как и ал-Баттани, поведал, что эта река вытекает из некоего великого озера, «из источников и гор» далеко на севере. Далее, по мнению автора, Танаис «рассекал» море Меотис и впадал в море Понт². В последней своей «Книге предупреждения и пересмотра» наш автор развил эту тему: «К числу великих и знаменитых рек, впадающих в это море, относится огромная река под названием Танаис. Ее исток – на севере, и на ней множество поселений ас-Сакалиба и прочих народов, обосновавшихся далеко на севере»³. Итак, ал-Мас'уди истоком Танаиса считал безымянное озеро на севере и полагал, что Танаис на своем пути течет через Меотис и впадает в Понт. Не исключено, что основой таких воззрений послужило описание ал-Баттани (см. выше).

Подобные взгляды арабских географов восходят к весьма древним географическим представлениям. Античные авторы (Геродот, Аристотель, Страбон, Плиний Старший, Помпоний Мела и др.) хорошо знали, что Танаис впадает в Меотиду⁴. Еще Юлий Гонорий (IV–V вв.) говорил, что река Танаис рождается на горе Гипербореи Рипеи; впадает же она в море Меотиду. Однако этот же географ упоминал отдельно море Меотиду, море Босфор, море Киммерийское, море Понт. Два отдельных моря – море Босфор и море Киммерийское – показывает, что пролив между Меотидой и Черным морем воспринимался как два отдельных моря и не изображался на карте, как и полуостров Крым⁵. Большая часть римских и раннесредневековых карт также не показывали Крым; такая традиция, по-видимому, восходила к утраченной карте Марка Випсания Агриппы (I в. до н.э.), служившей образцом для последующих карт⁶.

Однако существовали и другие точки зрения⁷. Так, Флавий Арриан, живший во II в. н.э., отмечал: «Некоторые (ученые) говорят, что этот Танаис является границей между Европой и Азией; по их мнению, Меотийское

¹ См. подробнее: *Тортика А.А.* Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков, 2006. С. 236–239.

² *Maṣūdī*. Op. cit. P. 260–261.

³ *Kitab at-tanbih wa'l-ischraf* auctore al-Masudi.../ M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894. P. 66–67.

⁴ *Амелькин А.О.* Керченский пролив в древности и средневековье // Восточная Европа в древности и средневековье. VIII XVIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР. В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2006. С. 3–4.

⁵ *Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, пер., комментарии. М., 2002. С. 124; *Калинина Т.М., Подосинов А.В.* Азовское море в античной, средневековой европейской и в арабской картографии // AD FONTEM/У ИСТОЧНИКА. Сб. статей в честь С.М. Каштанова. М., 2005. С. 110.

⁶ *Калинина Т.М., Подосинов А.В.* Азовское море. С. 111.

⁷ *Амелькин А.О.* Керченский пролив в древности и средневековье // Восточная Европа в древности и средневековье. VIII XVIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР. В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2006. С. 3–6.

озеро выходит из глубин Эвксинского моря, и в это озеро и впадает Танаис, разделяющий Азию и Европу...»¹. В «Перипле Черного моря» тот же Арриан утверждал, что Танаис «вытекает из Меотийского озера и впадает в Понт Эвксинский»², таким образом отделив Меотиду и Понт руслом Танаиса. Подобные представления фигурировали у других поздних античных, византийских и латинских авторов (Евагрий Схоластик, Прокопий Кесарийский, ирландский ученый-монах Дидуил, король Альфред в «Орозии», Рубрук)³. Некоторые средневековые *mapae mundi* также сохранили изображение Танаиса как протекающего через Меотийские болота и впадающего в Черное море⁴.

Воззрения тех средневековых ученых, по которым течение реки Танаис проходило внутри Меотиса и впадало в Понт, были восприняты и арабами. Возможно, отсутствие знаний о Керченском проливе отчасти стало причиной того, что Крым не был известен арабским географам.

Однако помимо теории, Крымский полуостров не был известен арабам, поскольку находился в сфере политики и торговли Византии.

Ибн Хордадбех, занимавший высокую должность начальника почт в сев. Иране, близкий ко двору халифов и имевший доступ к информации государственных канцелярий, составил дорожник, передававший уникальные сведения о торговых и почтовых путях своего времени в «Книге путей и стран» (40-е или 80-е гг. IX в.). Он не писал специально о Черном море и едва ли имел практические знания о нём. Тем не менее Ибн Хордадбех оперировал понятиями «море Понт» (*Бунтус*), «море ал-Хазар», «море ар-Рума» (Средиземное) и залив (или пролив) Константинопольский. Описывая пути вокруг Константинополя, Ибн Хордадбех утверждал: «...Затем [пойдешь] в Абидос⁵, расположенный на берегу пролива (*мадик*),

¹ Arrian. Anabasis. III, 30, 8.

² Arrian. PPE. 19,4.

³ Амелькин А.О. Указ. соч. С. 4–5; Подосинов А.В. Указ. соч. С. 142. Примеч. 70; Procop. Caes. BG. IV, 4, 21.

⁴ Чекин Л.С. Картография христианского средневековья. VIII–XIII вв. Тексты, пер., комментарий. М., 1999. С. 122–123; илл. № 38; № 39; №48; №49; №50.

⁵ Речь идет об укрепленном городе Абидос на малоазийском берегу пролива Дарданеллы. В описании Константинопольского пролива в книге ал-Мас'уди «Золотые копи и россыпи самоцветов», в общем аналогичном приведенному в его же «Книге предупреждения и пересмотра», «вместо названия Абуду в рукописях встречается Андалус (или Абдалус). Под этим названием описывается гористая местность, известная своей водой (как видно, целебной). Ввиду локализации Абдалус – Андалус на берегу пролива одна из исследовательниц предположила, что ал-Мас'уди и другие авторы употребляли название Андалус для обозначения Анатолии (Бейлис В.М. Ал-Мас'уди о русско-византийских отношениях в 50-х гг. X в. // Международные связи России до XVII в. Сб. статей. М., 1965. С. 21, имея в виду статью Н.К. Нефедовой Куда ездили древние русы — в Андалусию или Анатолию? // Советское востоковедение. 1958. № 4. С. 113–115; ее поддержал Рыбаков Б.А. Русь и страна «Андалус» в IX–X веках // Советское востоковедение. 1958. № 4. С. 116–119). В действительности здесь ошибка рукописной традиции, на что указывали, еще до В.М. Бейлиса, крупнейшие востоковеды: Минорский В.Ф. Куда ездили древние русы? // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Москва, 1964. С. 19–28, Беляев Е.А., Новосельцев А.П. К сожалению, ошибочная интерпретация снова появляется в работах

затем [доберешься] до Константинопольского залива. А это море, которое называют *Бунтус* (курсив мой – *Т.К.*), является [частью] моря *ал-Хазар*. Ширина входа в [пролив] тут 6 миль. У входа [в пролив] – город, называемый *Мусанна*¹ (курсив мой – *Т.К.*). *Ал-Халидж* (залив) (курсив мой – *Т.К.*) тянется в западном направлении и проходит, минуя Константинополь, в 60 милях от его входа»... Ширина залива у [Константинополя] 4 мили; когда он доходит до местности, называемой Абидос, что в теснине между двумя горами, то сужается настолько, что становится равным расстоянию стрелы. Между Абидосом и Константинополем 100 миль по прямой линии по земле. В Абидосе находится источник (мечеть?) Масламы ибн ‘Абд ал-Малика, [который был назван так] во время осады Константинополя»².

Бунтусом здесь названо Мраморное море (Пропонтида античных авторов)³. Морем *ал-Хазар* Ибн Хордадбех называл Черное море, что явствует из описания им военных округов Византии. Эти материалы, вероятно, были взяты из книги византийского пленника Муслима ал-Джарми, который был выкуплен в 845 г.⁴

Фрагмент из сочинения Ибн Хордадбега в переводе В.Ф. Минорского: «Описывается дорога из Северной Сирии в Константинополь, которая доходит до теснины Абидоса (*Абдӯ*, *Абдус*) (курсив мой – *Т.К.*) и до Константинопольского пролива». «А этот пролив есть море (?), называемое *Бунтус* (Понт) (курсив мой – *Т.К.*), которое идет из моря хазар, и ширина его устья в этом месте 6 миль. При входе в него стоит город (*мадина*), называемый **Мусаннат* (курсив мой – *Т.К.*), и пролив идет током на запад и в 60 милях от входа проходит у Константинополя, имея здесь ширину в 4 мили. А когда он достигает места, именуемого *Абдус* (Абидос), он течет между двух гор и суживается до расстояния полета стрелы. Между Константинополем и **Абидосом* [курсив мой – *Т.К.*] 100 миль по ровной земле. У **Абидоса* [курсив мой – *Т.К.*] находится источник [курсив мой – *Т.К.*] Масламы ибн ‘Абд ал-Малика, [названный так], когда Маслама

современных авторов, не учитывающих ни описание Абидоса и пролива арабскими учеными в целом, ни полное отсутствие какой-либо информации о набегах русов на побережье Малой Азии, ни указанной выше существующей критической литературы по этому поводу (так, не обращает внимания на критику точки зрения Н.К. Нефедовой, например: Шумилов Е.Н. Северное побережье Малой Азии как объект экспансии и торговли русов в IX–X вв. // Европа: Международный альманах. Том XIII/1-2. Тюмень, 2014. С. 28–33. В интернете встречаются множество дилетантских, спекулятивных работ на эту тему).

¹ «Мусанна – название города у входа в пролив, зафиксированное ал-Идриси в его карте на противоположном от Константинополя – азиатском берегу» (Ибн Хордадбех. Указ. соч. С. 279. Примеч. 72).

² Kitāb al-Masālik wa’l-Mamālik P. 103–104; Ибн Хордадбех. Указ. соч. С. 97.

³ Ибн Хордадбех. Указ. соч. С. 279. Примеч. 70.

⁴ Kitāb al-Masālik wa’l-Mamālik. P. 105–109; Ибн Хордадбех. Указ. соч. С. 97–100.

осаждал Константинополь. Пролив продолжается, пока не выйдет в Сирийское (Средиземное) море»¹.

В двух сохранившихся трудах ал-Мас'уди встречается с схожая информация. Перевод А. Я. Гаркави по парижской рукописи «Книги предупреждения и пересмотра» ал-Мас'уди был таков: «Шестой пролив известен под названием *Абада* (курсив мой – *Т.К.*). Это устье рукава, изливающегося в Египетское и Сирийское море. Начало его от моря *Майотас* (курсив мой – *Т.К.*), называемого Хазарским морем (Мовское море). Ширина его при начале – около десяти миль. Здесь находится румский (византийский) город *Масиа* (или *Мисиа*), который удерживает проходящих этим морем корабли *Кудакана* и других племен руссов – их называют также *аль-Русия*, что означает “толпа”². Имя византийского города А. Я. Гаркави переводит как Мисия и полагает, что под ним «кроется имя римской провинции Мизии (*Moesia*) к северу от Балканских гор (*Naemus*), где ныне Болгария и Сербия»³.

Через несколько лет А. Я. Гаркави изменил текст перевода: «Здесь находится румский город под названием *Харсана* (в рукописи искажено *Масия*) (курсив мой – *Т. К.*), который удерживает от нападения проходящих по этому морю на кораблях *Куябана* (*Киевлян*, искаженно *Кудкана* (курсив мой – *Т. К.*) и других русских племен»⁴.

Й. Маркварт тоже обращался к фрагменту и из «Книги предупреждения и пересмотра» ал-Мас'уди: «Der sechste Übergang (von Klenasien nach Konstantinopol) heist Abydos. Dies ist die Mündung des Kanals der sich ins ägyptische und syrische Meer ergiesst und von Maiotismeer, welches Chazarenmeer genannt wird seinen Antang nimmt. Seine Breite beträgt beim Beginn gegen 10 Mielen. Hier (d.h. beim Beginne des Kanals) ist eine Stadt der Römer namens Musannat (*Wellenbrecher*), welche die Schifte der Kuðkana und anderer Russentstämme, die durch jenes Meer herabfahren, abwehrt». В примечании к фрагменту Й. Маркварт, со ссылкой на М. де Гье, отметил, что форма «*Musannat*» встречается в схожем тексте «Книги путей и стран» Ибн Хордадбеха на странице 103»⁵.

Перевод В. М. Бейлиса из «Книги предупреждения и пересмотра»: «Шестая переправа [через Константинопольский пролив] известна под

¹ Минорский В. Ф. Куда ездили древние русы? // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. С. 20. Заметим, что указанное описание совершенно исключает имя *ал-Андалус*.

² Гаркави А.Я. Неизданное свидетельство Масуди о походе русских на Цареград // ЖМНП, 1872. № 4 (апрель). С. 222–223.

³ Там же. С. 224.

⁴ Гаркави А.Я. Крымский полуостров. С. 244.

⁵ Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. S. 342.

названием *Абуду* (курсив мой – *Т. К.*) (Абидос). Это устье пролива, впадающего из моря *Миср* и *аш-Шам* (курсив мой – *Т.К.*) (Средиземное море). Начало пролива из моря *Майутис* (Азовское море), называемого морем ал-Хазар, и ширина пролива в начале около десяти миль. Там [т. е. в начале пролива] имеется город, принадлежащий *ар-Рум* (Византии), который называется *Мисийа* и преграждает путь приходящим в это море кораблям *ал-Кудкана* и иных племен *ар-Рус* (русов)»¹. В. М. Бейлис, вслед за А. Сейппелем, принял вариант названия византийского города Мисийа, несмотря на то, что, как сам В. М. Бейлис писал, Мисия – не город, а область на малоазиатском побережье². Однако издатель текста «Книги предупреждения и пересмотра» М. де Гье предпочёл форму *Мусанна*, оговорив, что форма *Харсана*, предложенная А.Я. Гаркави, весьма сомнительна³. Ту же форму *Мусанна* выбрал позднее В. М. Бейлис в переводе на русский язык этого труда ал-Мас‘уди (в печати).

В труде «Золотые копи и россыпи самоцветов» ал-Мас‘уди имеется схожий фрагмент, который тоже переводил А. Я. Гаркави (в его время это сочинение называлось «Золотые луга и рудники драгоценных камней»): «Протяжение рукава Кустантини – 350 по другим же – меньше этого. Ширина его в том месте, где он выходит из моря Майотас – около 10 миль. Здесь находятся жилища и румский (византийский) город *Харсана*, который удерживает приходящие этим морем корабли Русов и других» (курсив мой – *Т. К.*)⁴. Отметим, что в этой работе А. Я. Гаркави упоминал, что издатели прочитали название города как *Масна* или *Мосна*, по-французски – *Mosnat*, но не отметил, что его форма *Харсана* – конъектурная.

В. Ф. Минорский тоже обращался к этому отрывку из «Золотых копей»: «Константинопольский пролив выходит из моря *Майтас* (курсив мой – *Т. К.*), вода в нем идет током и изливается в Сирийское (Средиземное море). Длина пролива 350 миль, а говорят, и менее. Ширина его в том месте, где он начинается у моря *Майтас* (курсив мой – *Т. К.*), около 10 миль, и здесь находятся населенные места и принадлежащий Византии [*ал-Рум*] город, который называется **Мусаннат** (курсив мой – *Т. К.*) и удерживает проходящие сюда корабли русов и другие корабли»⁵.

¹ Бейлис В.М. Ал-Мас‘уди о русско-византийских отношениях в 50-х гг. X в. // Международные связи России до XVII в. Сб. С. 21.

² Бейлис В.М. Там же. С. 23. Seippel A. Rerum normannicarum fonts arabici. Christianiae, 1896. P. 66.

³ Kitab at-tanbih wa-l-ischraf auctore al-Masudi... / M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1894. P. 140–141, Nota P.

⁴ Гаркави А.Я. Дополнение к сочинению «Сказания мусульманских писателей о славянах и рууских. СПб., 1871. С. 18.

⁵ Минорский В.Ф. Куда ездили древние русы... С. 20.

А.Я. Гаркави, а позднее некоторые другие ученые¹ предположили, что слово *Мусанна* в книгах арабских географов Ибн Хордадбеха и ал-Мас'уди – это искаженное имя *Харсана*, т.е. Херсонес. Вслед за М. Де Гье, Й. Марквартом, В. М. Бейлисом, В. Ф. Минорским и другими исследователями было отмечено, что основой указанных фрагментов из обоих трудов ал-Мас'уди послужила «Книга путей и стран» Ибн Хордадбеха, информацию которой, как писал сам ал-Мас'уди, он привлекал. Возможно, она восходит к несохранившейся книге о Византии и соседних народах Муслима ал-Джарми.

Отметим также, что ал-Мас'уди в рассказах о византийских императорах, когда упоминал о событиях, связанных с бегством Юстиниана II, писал только о том, что последний был сослан на какой-то остров (или полуостров, арабское слово *джазира* имеет оба значения), не называя ни Таврики, ни Херсонеса, поскольку ничего не знал о них².

Эта старая традиция описания Босфора отразилась и в труде знаменитого географа ал-Идриси (1100–1164): «Ширина этого канала у города *ал-Кустандина* [составляет] шесть миль, а длина от *ал-Кустандины* до слияния с заливом *ан-Нитаси* – шестьдесят миль. В том месте, где канал сливается с морем *Нитаси*, находится город, называемый *Мусанна*». *Ал-Кустандина* – это Константинополь, залив *ан-Нитаси* – Босфор, море *ан-Нитаси* – Черное море³. Сходство с вышеприведенными описаниями очевидно.

Что касается названия *Мусанна*, то М. де Гье, а за ним В.Ф. Минорский, Б. Ньдков, Н. Велиханова и другие ученые толковали этот топоним в сочинении Ибн Хордадбеха как арабское слово «плотина или водорез»; греческое же наименование этого города было Иерон – византийский порт, контролировавший подступы к столице на азиатском берегу Константинопольского пролива, у выхода из него в Черное море⁴.

¹ Гаркави А. Я. Указ. соч. С. 244; Могаричев Ю. М. Забытый источник по истории средневекового Херсонеса // АΝΑΧΑΡΣΙΣ. Памяти Юрия Германовича Виноградова. Севастополь, 2001. С. 129–131; Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VII – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. С. 91, 1195–1196, 1198.

² Калинина Т.М. Сведения ал-Мас'уди и других восточных писателей о пребывании Юстиниана II у хазар и болгар // Калинина Т.М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников) М.,

³ Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М., 2006. С. 114–115.

⁴ Домановский А. Н. Візантійське місто Авідос на торговельних шлях-ах руських мореплавців X ст. (історичний та історіографічний аспект) // IX Сходознавчі чи-тання А. Кримського. – Тези доповідей міжнародної наукової конференції. – Київ, 1–2 червня 2005 р. К., 2005. С. 28–31; Його ж. Візантійське місто, що перепиняє шлях кораблям русів: Херсон чи Іерон? (до інтерпретації даних ал-Масуді) // Боспорские чтения. – Вып. 6. – Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилиза-ций, катастроф. Сборник материалов конференции. – Керчь, 2005. – С. 82–86; Його ж. Візантій-сько-руська торгівля у творах арабських письменників IX–X ст.: елементи нової інтерпретації старих даних// Іслам і сучасний світ: Роботи учасників другого та третього Всеукраїнського конкурсу ісламознавчих досліджень молодих учених імені А. Кримського– К., 2009. – С. 153–157.

Именно арабская форма именования города и присутствовала в сочинениях ал-Мас'уди в искаженной или непонятой издателями форме *М(а)исийа*, *Ми(а)сна* вместо *Мусанна(т)*.

Итак, никто, кроме А. Я. Гаркави, не исправлял при переводе фрагментов из «Книги путей и стран» Ибн Хордадбега и «Книги предупреждения и пересмотра» ал-Мас'уди формы *Мисия*, *Масия*, *Мусанна* на *Харсана*. Имя *Харсуна* или *Харсана*, предложенное А.Я. Гаркави, было всего лишь произвольной конъектурой, не поддержанной последующими исследователями. Сведений о городе Херсон в книгах Ибн Хордадбега и ал-Мас'уди нет. Нет данных о нём и в других трудах арабо-персидских авторов IX–XI вв., как и каких бы то ни было сведений о Крыме¹.

Учеными так называемой «классической школы» арабских географов X в. исследователи считают Абу Зайда ал-Балхи, Абу Исхака ал-Фариси ал-Истахри, Абу-л-Касима Ибн Хаукала ан-Насиби. Труды этих ученых содержали круглые карты мира, названные исследователями «Атласом ислама»². Основоположником этой географической школы был Абу Зайд ал-Балхи (ок. 850 – 934), написавший около 920 г. трактат «Изображение семи климатов», хотя в источниках встречаются и другие названия³.

Ал-Истахри, описывая моря Земли, начиная от Гибралтара и далее, писал: «Здесь начинается море *ар-Рума* (по арабскому названию Византии), течет до Сирии и Египта, поворачивает к стране *ар-Рум*, затем становится проливом *ал-Кустантинийа* (т.е. Константинопольского)»⁴. На карте этот пролив проходит мимо страны *ар-Рум* и *Рима*, достигает Константинополя, проходит посередине области славян (*ас-сакалиба*) и впадает на северо-западе в северную часть Атлантики («Окружающего моря»). Черного и Азовского моря ал-Истахри не знает, соответственно Крыма тоже. При рассказе о Средиземном море и его ответвлениях ал-Истахри подробнее, чем показано на его схематичных картах, описал берега этого водного бассейна: упомянуты прибрежные города Испании, областей франков, Сирии, Египта, Византии. В книге ал-Истахри дважды упоминается «пролив *ал-Кустантинийа*»: первый раз – что после *Антакийи* (Антиохии в сев. Сирии) и близлежащих мест море течет к западу и становится проливом *ал-Кустантинийа*; другой – после упоминания *Анталии* как укрепленного

¹ Калинина Т.М. Херсон в арабской географической литературе // Нартекс. Byzantina Ucrainensis. Т. 2.

‘Ρωμαϊος: сборник статей к 60-летию проф. С.Б. Сорочана. Харьков, 2013. С. 192–195

² Watt W. M. Abū Zayd al-Balkī // Enzyklopaedia Iranica. 1983. Vol. I. Fasc. 4. P. 399–400; Крачковский И.Ю. Указ. Соч. С. 194–218; The Balkhī School of Geographers // The History of Cartography. Vol. 2. Pt. 1. Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward. Chicago University Press Home, 1992. P. 108–129.

³ Крачковский И.Ю. Указ. соч. С. 195–196; Watt W. M. Ibidem.

⁴ Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisí al-Istakhrí. Lugduni Batavorum, 1870. P. 68

процветающего пункта Византии: «Затем (море) переходит к (побережью) солёного пролива, он известен как пролив (*халидж*) *ал-Кустантинийа*, и в него утоплена длинная цепь, чтобы помешать кораблям, проходящим из моря или других мест, без разрешения (пройти) через преграду, и впадает море *ар-Рума* из моря Окружающего позади *ар-Рума*»¹. Сохранившиеся поздние карты (самая ранняя XII в.) весьма схематично отражают Константинопольский пролив, тем не менее там отчетливо прорисованы основные хоронимы и ойконимы вокруг моря Рума и Константинопольского пролива (Рис. 3).

Последователь ал-Истахри Ибн Хаукал поведал, что встретившись с ал-Истахри и познакомившись с его трудом, он не согласился в некоторых случаях с материалами его книги и, договорившись с ним, написал на основе его сочинения своё, внося иную информацию².

По карте Ибн Хаукала, начальная часть изображения моря Рума почти совпадает с данными ал-Истахри: из Окружающего океана (т.е. части Атлантики) показаны соединяющиеся между собой моря, начиная от Гибралтарского пролива. Далее следует водный бассейн, описанный более подробно, чем ал-Истахри. Он проходит мимо Андалусии, областей франков и галисийцев, лангобардов, огибает Калабрию, минует Венецию, течет вокруг Пелопоннеса. Далее широким полукругом доходит до Сирии и уходит на север (не забудем, что он находится внизу карты). С этого места начинается громадный Константинопольский пролив. Ибн Хаукал повторяет данные ал-Истахри о цепи, перегораживающей этот пролив. Изображений и описаний Черного и Азовского морей на карте тоже нет. Пролит далее полукругом огибает Константинополь, видимо, показав Золотой Рог; ниже на противоположном берегу пролива указана сторона (*нахва*) Трапезунда. По обеим сторонам пролива далее показаны славяне (*ас-сакалиба*). В этом месте, в отличие от сведений ал-Истахри, показан пролив, соединяющийся с потоком, который связывает его с морем *ал-Хазар* (Каспием) – как одним из рукавов реки Итиль. Далее пролив проходит мимо мест обитания народов *йаджудж* и *маджудж*, мимо пустынного севера и впадает в северную часть Окружающего океана.

При описании северной части пролива как идущего с севера на юг (в обратном направлении) Ибн Хаукал писал: «Константинопольский пролив...[течет] от самого севера до пустынных окраин, которые не посещают из-за холода, и уходит он [пролив на севере] в бедную из бедных

¹ *Viae regnorum*. P. 68–71.

² *Opus geographicum auctore Ibn Haukal (Abū'l-Kāsim ibn Haukal al-Nasībī)... «Liber imaginis terrae»* / Ed. collatio textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J.H.Kramers. Lugduni Batavorum, 1938–1939. P. 235–236.

землю *йаджудж* и *маджудж*»¹. Имена этих народов происходят от библейских имен Гог и Магог, но в арабской традиции они связывались с легендой об Александре Македонском (Зу-л-Карнайном), который запер этих жестоких людей за железной стеной, а разрушиться эта стена должна только перед концом света, когда выйдут народы Гог и Магог, принеся разрушение миру². Народы *Йаджудж* и *Маджудж* фигурируют как жители дальнего востока ойкумены в сочинениях ал-Хорезми, Ибн Хордадбега, Ибн ал-Факиха и др., но по материалам ал-Истахри, Ибн Хаукала и Ибн Фадлана, они обитали на севере.

Итак, Ибн Хаукал внес существенные коррективы в представления ал-Истахри. Последний писал о море *ал-Хазар* (т.е. Каспии): «Это море не соединяется ни с одним из морей на поверхности земли, и если человек объедет вокруг моря, то вернется к тому месту, с которого начал (путь) без помех, разве только пресная река впадает в него... (имеется в виду Итиль)³. Ибн Хаукал же соединил море *ал-Хазар*, посредством одного из рукава реки *Итиль*, названной им рекой *русов*, с проливом *ал-Кустантинийа*: «Это море не соединяется ни с одним из морей на поверхности земли ни способом смешения, ни способом связи, кроме того, что входит в него из реки *ар-Рус*, известной как *Итиль*, и оно [море] связано ответвлением, ведущим от него к проливу, [который] выходит из земли *ал-Кустанинийа*, с морем Окружающим. И если человек объедет вокруг этого моря... [далее – как у ал-Истахри]»⁴. (Рис. 4).

Как на карте, так и в тексте Ибн Хаукала восточноевропейские водные пути представлены одним водным потоком, связывающим малоазиатские и византийские земли с севером. Ибн Хаукал выразил таким образом полученную информацию о торговых связях северных земель (Руси, Хазарии, Волжской Булгарии, Скандинавии) с Византией и Востоком. То обстоятельство, что представители «классической школы» географов не знали о существовании Черного и Азовского морей, а тем более о Крыме, показывает преимущественный интерес их к областям ислама и Поволжья.

Таким образом, Крымский полуостров не был известен арабским писателям вплоть до XII в., когда маршруты вдоль ее побережья подробно описал ал-Идриси (1100–1165), хотя сам полуостров не был показан на его

¹ Ibidem. P. 202.

² М.П[иотровский]. Йаджудж и Маджудж // Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. ; Калинина Т.М. Легендарные народы на краю Ойкумены (по данным арабских средневековых ученых) // История наук о Земле. Сб. статей. М., 2011.

³ *Viae regnorum*. P. 218.

⁴ *Opus geographicum*. P. 288.

карте¹. После ал-Идриси города Крыма, как и само имя «Крым» (не Таврика), стали упоминаться уже в связи с монгольским завоеванием.

Библиография:

Атлас: Българските земи в средновековната арабописмена картографска традиция (IX—XIV век). Под ред. С. Кендеровой, А. Стаматова. София, 2011.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., комм., исследование, указатели и карты Наили Велихановой. Баку, 1986.

Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, пер., комментарий. М., 1988.

Al-Battani sive Albatanii Opus Astronomicum. Mediolani, 1899. Pt. 1.

Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kâsim 'Obaidallah ibn 'Abdallah Ibn Khordâdhbeh... / de Goeje M.J. Lugduni Batavorum, 1889.

Das Kitâb Şûrat al-arḍ des Abū Ġa'far Muḥammad Ibn Mūsâ al-Ḥuwârizmî / Hrsg. von Mżik. Leipzig, 1926.

Kitab at-tanbih wa'l-ischraf auctore al-Masudi.../ M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894 .

Maçoudi. Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1861.T. I.

Opus geographicum auctore Ibn Haukal (Abū'l-Kâsim ibn Haukal al-Nasībī)... «Liber imaginis terrae» / Ed. collatio textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J.H.Kramers. Lugduni Batavorum, 1938–1939.

Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishâk al-Fârisî al-Istakhrî / Leiden, 1870.

Амелькин А.О. Керченский пролив в древности и средневековье // Восточная Европа в древности и средневековье. VIII XVIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР. В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2006.

Бейлис В.М. Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX–X вв.// Ближний и Средний Восток. М., 1962.

Бейлис В.М. Ал-Мас'уди о русско-византийских отношениях в 50-х гг. X в.//Международные связи России до XVII в. Сб.

¹ Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. Текст, перевод, комментарий. М., 2006. С. 63

Гаркави А. Я. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе // Труды Археологического съезда в России. Казань, 1891. Т. II.

Гаркави А.Я. Дополнение к сочинению «Сказания мусульманских писателей о славянах и рууских. СПб., 1871.

Гаркави А.Я. Неизданное свидетельство Масуди о походе русских на Цареград//ЖМНП, 1872. № 4 (апрель).

Гиргас В.Ф. Словарь к арабской хрестоматии и Корану. Казань, 1881.

Домановский А. Н. Візантійське місто Авідос на торгівельних шляхах руських мореплавців Х ст. (історичний та історіографічний аспект) // IX Сходознавчі чи-тання А. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції. – Київ, 1–2 червня 2005 р. Київ, 2005.

Домановский А. Н. Візантійське місто, що перепиняє шлях кораблям русів: Херсон чи Ієрон? (до інтерпретації даних ал-Масуді) // Боспорские чтения. Вып. 6.: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. Сборник материалов конференции. Керчь, 2005.

Домановский А. Н. Візантійсько-руська торгівля у творах арабських письменників IX–X ст.: елементи нової інтерпретації старих даних// Іслам і сучасний світ: Роботи учасників другого та третього Всеукраїнського конкурсу ісламознавчих досліджень молодих учених імені А. Кримського. Київ., 2009.

Калинина Т.М. Легендарные народы на краю Ойкумены (по данным арабских средневековых ученых) //История наук о Земле. Сб. статей. М., 2011.

Калинина Т.М. Херсон в арабской географической литературе // Нартекс. Byzantina Ucrainensis. Т. 2. 'Ρωμαϊος: сборник статей к 60-летию проф. С.Б. Сорочана. Харьков, 2013. С. 192–195

Калинина Т.М. Сведения ал-Мас'уди и других восточных писателей о пребывании Юстиниана II у хазар и болгар // Калинина Т.М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников) М., 2015.

Калинина Т.М., Подосинов А.В. Азовское море в античной, средневековой европейской и в арабской картографии // AD FONTEM/У ИСТОЧНИКА. Сб. статей в честь С.М. Каштанова. М., 2005.

Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М., 2006.

Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избр. соч. М.; Л., 1957. Т. IV.

Крюков В.Г. Ал-Хуварізімі про «Сарматію — землю бурджанів» та сусідні з нею «країни». Луганськ, 2009.

Минорский В.Ф. Куда ездили древние русы? // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Москва, 1964.

Могаричев Ю. М. Забытый источник по истории средневекового Херсонеса // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Памяти Юрия Германовича Виноградова. Севастополь, 2001.

Нефедова Н.К. Куда ездили древние русы — в Андалусию или Анатолию? // Советское востоковедение. 1958. № 4.

Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, пер., комментарии. М., 2002.

Подосинов А.В. Гидрография Восточной Европы в античной и средневековой геокартографии // Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007.

Рыбаков Б.А. Русь и страна «Андалус» в IX–X веках // Советское востоковедение. 1958. № 4.

Сорочан С. Б. Византийский Херсон(вторая половина VII – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005.

Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков, 2006.

Чекин Л.С. Картография христианского средневековья. VIII–XIII вв. Тексты, пер., комментарий. М., 1999.

Шумилов Е.Н. Северное побережье Малой Азии как объект экспансии и торговли русов в IX–X вв. // Европа: Международный альманах. Том XIII/1-2. Тюмень, 2014.

Czeglédy K. Die Karte der Donaulandschaftsgruppe nach al-Huwarizmi // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. I, fasc. I. Budapest, 1950.

Daunicht H. Der Osten nach der Erdkarte al-Huwarizmi's. Bonn, 1968–1970. Bd. I – II

The History of Cartography. Chicago; London, 1992. Vol. II. Book I.: Cartography in the traditional Islamic and South Asian Society.

Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. S. 342.

Mžik H. v. Osteuropa nach der arabischen Γεωγραφικὴ ὑφήγησις des Kl. Ptolemaios von Muhammad ibn Musa al-Huwarizmi // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien, 1936. Bd. 43, H. 3–4.

[Sezgin Fuat]. Wissenschaft und Technik im Islam. Bd. III. Katalog der Instrumensammlung des Institutes für Geschichte der Arabisch-Islamischen

Wissenschaften von Fuat Sezgin in Zusammenarbeit Eckhard Neubauer. 2. Frankfurt am Main. 2003. S. 1–32.

Tibbetts G.R. The Balkhī School of Geographers // The History of Cartography. Vol. 2. Pt. 1. Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward. Chicago University Press Home, 1992.

Watt W. M. Abū Zayd al-Balkī // Enzyclopaedia Iranica. 1983. Vol. I. Fasc. 4. P. 399–400.

Wieber R. Nordwesteuropa nach der arabischen Bearbeitung der Ptolemäischen Geographie von Muhammad B. Musa al-Hwarizmi. Walldorf; Hessen, 1974.

**КРЫМСКАЯ ССР В СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ (1921- 1923 ГОДЫ).**

G. Kondratyuk

**Crimean SSR in Soviet Foreign Policy
in the Middle East (1921-1923).**

Создание Крымской ССР было обусловлено комплексом факторов и проходило в обстановке острых дискуссий как в Москве, так и Симферополе. На первом этапе своего существования в Крыму была создана союзная, а не автономная республика. Это потенциально открывало возможности внешнеполитической активности в Турции для целей коммунистической революции на Ближнем Востоке. В статье второй Конституции Крымской ССР отмечалось, что «Отныне Крымская ССР становится в ряды тех федераций Великой Советской России, которые всем своим существованием провозглашают: только в условиях диктатуры рабочего класса и беднейшего крестьянства можно решить национальные противоречия»¹. Но в тексте Конституции подчёркивалась связь с Россией, Крымская ССР объявлялась частью РСФСР. Следующая статья - третья указывала, что «КССР, вместе с тем осознаёт, что она является только одним из отрядов великой пролетарской армии, и, что без тесного союза с рабочими и крестьянами крепкой Советской Федерации невозможно успешное завершение построения новой свободной жизни в Крыму. КССР заявляет о своей твёрдой решимости остаться одной из составных частей общей Федерации Великой Российской Республики на основе наитеснейшего политического и экономического объединения для совместной борьбы за победу коммунистической революции»². Внешнеполитический фактор отмечался во многих выступлениях докладчиков съезда. Так, 10 ноября перед принятием Конституции с докладом выступил будущий заместитель председателя СНК Крымской АССР Сахиб Гирей Саид-Галиев. Он был направлен в Крым из Уфы по

¹ ГАРК. Ф. Р.1188, оп.3, д.68, л.231об.

² Там же.

решению Оргбюро ЦК РКП(б). В частности, С.Г. Саид-Галиев отмечал, что «Крымский полуостров, который находится на границе, является пунктом, который играет важную роль в международных взаимоотношениях. Насколько нам удастся тут построить наше хозяйство, насколько верной будет наша политика, - настолько благоприятно скажется это влияние на Ближнем Востоке, на турецких рабочих и крестьянах. Если же мы отклонимся в ту или иную сторону, то можем навредить тем великим завоеваниям, за которые мы проливаем кровь уже на протяжении четырёх лет»¹. В Крымской партийной организации РКП(б) по поводу создания автономии развернулась очень острая дискуссия. Её задачи и характер русской и крымскотатарской частями коммунистов виделись различно. Достаточно показательной являлось заявление в областной комитет партии большевика Г. Шидарева от 16 июля 1921 года. Он для обсуждения в крымской партийной организации предложил тезисы доклада с показательным названием «Методы подхода к устройству Крымской ССР, как факела Российской социалистической революции на Ближнем Востоке». В этой работе Г. Шидарев писал: «Крым является всероссийским окном в Турцию, в значительно большей степени, чем кавказские республики, потому что нет народа более тесно связанного с турками, чем крымские татары...Крым должен стать притягательным для мусульман центром, доступным для наблюдения всему Востоку и Крым может стать таким только при условии использования предоставленной ему автономии»². Таким образом, в данном подходе к созданию советской республики находился международный фактор. Служение внешней политике РСФСР – вот центральное звено в формировании советской государственности. В последующем, при создании автономии эта установка нашла отражение в выступлении на съезде представителя Наркомнаца Б.Монатова: «Крым для РСФСР имеет особое значение. Ваша Крымская республика является окном, сквозь которое смотрят на Советскую Россию много народностей Ближнего Востока и Юга Европы, а также Севера Африки. Несмотря на то, что Крым обладает небольшой территорией, он обладает большим политическим значением. Он является показательным примером для наших друзей и врагов, которые ждут, какую политику мы будем проводить тут, в Крыму»³. Крымскотатарская часть обкома партии видела создание автономии, прежде всего как инструмент решения насущных задач крымских татар. Данный

¹ Бюллетень I Всекрымского Учредительного съезда Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Флотских депутатов. – Симферополь, 1921. №4 11 ноября (пятница). С.33.

² ГАРК. Ф. П.1, оп.1, д.63, л.325.

³ Брошеван В.М., Форманчук А.А. Крымская республика: год 1921 й. – Симферополь, с.24.

подход нашел отражение в докладе одного из первых крымских татар-коммунистов С. Меметова «К вопросу о государственной форме Крыма». Автор указывал, что в Крыму необходимо создать автономную республику с учётом международных, революционных, национальных факторов, где удовлетворение национально-культурных и образовательных потребностей крымских татар должно занять центральное место в деятельности автономии на полуострове. В частности, С. Меметов писал, что в Крыму необходимо создать такой «образцовый советский уголок» который служил бы агитацией для всего Востока и притягивал бы ориентацию Востока к себе. Создать республику и проводить всемерно в жизнь программу большевиков по национальному вопросу в Крыму. По мысли автора этого требовали интересы революции¹. Вопрос создания государственности обсуждался и на пленуме Крымского областного комитета партии, проходившем в Симферополе 7 мая 1921 года. Доклад носил название «О государственной форме Крыма». В итоговом документе отмечалось, что необходимо провести ряд мероприятий для «окончательного государственного устройства Крыма для обеспечения действительно революционного влияния на Востоке»². Необходимо отметить, что в 1921 году предполагалось провести такие мероприятия, которые станут основой коренизации после её официального провозглашения на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 года. Среди них применение крымскотатарского языка в органах власти и управления, формирование советских служащих из числа представителей различных национальностей, проведение земельной реформы. Комиссии, прибывавшие в Крым, для участия в подготовке образования Крымской ССР особое внимание уделяли проблеме работы среди крымских татар. Так, 16 июня 1921 года состоялся пленум крымского областного комитета РКП(б). На пленуме выступил Ш. Ибрагимов с докладом «О заданиях полномочной комиссии ЦК РКП(б) и ВЦИК». Докладчик отметил, что Крымская ССР должна быть такой республикой, где крымские татары были бы надёжным фундаментом советской власти и распространять коммунистические идеи на Ближний Восток³. Комиссия под руководством Ш.Ибрагимова пробыла в Крыму порядка трёх месяцев. 18 июля 1921 года состоялось совместное заседание членов обкома партии и представителей Полномочной комиссии. Ш. Ибрагимов ещё раз подчеркнул важность привлечения крымских татар в органы власти и управления, с тем, что бы республика была жизнеспособной и реализовала необходимые

¹ ГАРК. Ф. П.1, оп.1, д.102, л.73.

² ГАРК. Ф. П.1, оп.1, д.55, л.6-6об.

³ ГАРК. Ф. П.1, оп.1, д.55, л.11.

задачи в сфере внешней политики. Таким образом, создание Крымской ССР было обусловлено комплексом факторов, среди которых международному и национальному принадлежала важнейшая роль. Крымская автономия была создана в форме союзной республики, а её содержание во многом определялось политической борьбой во властной крымской элите.

Список сокращений:

ГАРК – Государственный архив Республики Крым

Библиография:

ГАРК. Ф. Р.1188, оп.3, д.68, л.231об.

Бюллетень I Всекрымского Учредительного съезда Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Флотских депутатов. – Симферополь, 1921. №4 11 ноября (пятница). С.33.

ГАРК. Ф. П.1, оп.1, д.63, л.325.

Брошеван В.М., Форманчук А.А. Крымская республика: год 1921 й. – Симферополь, с.24.

ГАРК. Ф. П.1, оп.1, д.102, л.73.

ГАРК. Ф. П.1, оп.1, д.55, л.6-6об.

ГАРК. Ф. П.1, оп.1, д.55, л.11.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ПОМЕЩИКОВ И КРЫМСКИХ ТАТАР В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.¹

Denis V. Konkin

On the Problem of the Interactions of Russian Landowners and Crimean Tatars in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries

Крымский полуостров в современном восприятии большинства россиян – это, прежде всего, колыбель русского православия, героико-патриотический исторический центр, наконец, просто любимый курорт, с замечательным морем и многочисленными достопримечательностями. Но двести с лишним лет назад Крым для Российской империи являлся абсолютно чуждой территорией, населенной извечными военными противниками. Несмотря на очевидный антагонизм двух государств, присоединение Крымского ханства к России стало одним из первых опытов мирного освоения православной империей мусульманской окраины. Через Крым происходило «открытие» мусульманского Востока западноориентированным российским светским обществом². Огромная цивилизация ислама со своими традициями, правилами, философией стала объектом познания и интеграции, а не подавления российской властью³. На изучение новообретенного края были направлены усилия государственными деятелями, чиновниками, исследователями⁴. Различные проявления традиционной культуры исламского мира через Крым и в Крыму открывались теперь и для столичного «высшего света», представители

¹ Исследование выполнено в рамках базовой части госзадания Минобрнауки РФ № 33.5763. 2017/БЧ по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».

² См.: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкин. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 199–204; Dickinson S. Russia's First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002. Vol. 3. № 1. P. 3–25.

³ См.: Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / Под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Симферополь: Альбатрос, 2017.

⁴ См.: Ена В. Г., Ена Ал. В., Ена Ан. В. Открыватели земли Крымской. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007; Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002; Конкин Д.В. Экономические «открытия» в Крыму в работах В. Ф. Зуева и К. И. Габлица: «дефект описания» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 378–399.

которого все чаще появлялись в южной провинции, и для рядовых чиновников, помещиков, оказавшихся здесь по долгу службы или в поисках «лучшей жизни».

После 1783 г. едва ли не главной проблемой, с которой столкнулась российская власть в Крыму, стала малонаселенность региона. Логичным ее решением являлись мероприятия по привлечению на полуостров новых жителей. Одним из важных элементов переселенческой программы были массовые бесплатные раздачи крымских земель помещикам из внутренних российских губерний и местным чиновникам под обязательства их заселения рабочими людьми. Взаимоотношения новоприбывших помещиков с местным мусульманским населением выстраивались различными способами и зависели от многочисленных сопутствующих факторов. Пожалуй, наиболее конфликтогенной зоной взаимодействия можно назвать сферу земельных отношений. Российская власть изначально задекларировала неизблемость традиционных прав и обычаев местного населения¹. В то же время раздачи наделов в Крыму происходили без качественного учета фонда земель крымскотатарских собственников, в число которых в 1794 г. были законодательно включены и лично свободные крымскотатарские крестьяне-общинники («татары-поселяне»)². Между новоприбывшими помещиками и старожилым населением возникали взаимные претензии в отношении прав на земли, границ земельных наделов и возможностей ими пользоваться³.

В ходе решения имущественных споров, при доказательстве новоприбывшими землевладельцами своих прав на полученные наделы неизбежно проявлялись различные фобии и предрассудки в отношении местного мусульманского населения. Это, прежде всего, были «архетипичные» фобии в отношении татар в целом, как захватчиков русских земель, традиционных военных противников, авторов многочисленных разорительных набегов. Часто подобные широко распространенные в российском обществе стереотипы таврические помещики использовали в качестве важного аргумента в защиту своих собственнических прав в письменных обращениях к имперскому правительству. Хотя, казалось бы, бывшие когда-то в прошлом набеги татар на российские территории напрямую никак не были связаны с проблемами

¹ См.: Манифест от 8 апреля 1783 г. [ПСЗРИ-1. Т. 21. № 15708. С. 897–898]; именной указ Г. А. Потемкину от 28 июля 1783 г. [ПСЗРИ-1. Т. 21. № 15798. С. 985–986]; сенатский указ от 2 февраля 1784 г. «Об учреждении Таврической области» [ПСЗРИ-1. Т. 22. № 15920. С. 17–18].

² Сенатский указ от 9 ноября 1794 г. [ПСЗРИ-1. Т. 23. № 17265. С. 585–589].

³ Конкин Д. В. Законодательное оформление земельной собственности в Крыму (1783–1796 гг.). // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч. 2. С. 627–640; Конкин Д. В. Некоторые аспекты земельных отношений в Крыму в последнем десятилетии XVIII в. // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 483–501.

крымского землеустройства, возникшими после присоединения Крыма к России.

Так, местные помещики Федор Поляков и Евстафий Сарандинаки, получившие наделы в Крыму еще в 80-х гг. XVIII в.¹, в 1802 г. были выбраны депутатами от дворян Таврической губернии христианского исповедания в землеустроительную комиссию, которая должна была решать земельные конфликты в Крыму. Свои взгляды и общую позицию местных помещиков-христиан они оформили в виде прошения к имперскому правительству². В самом начале своего обращения «напоминали», что *«нет нужды здесь говорить о кровопролитии, грабительствах и разорении в российских пределах набегами жителей Крымского полуострова издревле наносимых. Сие известно всему свету»*³. Далее в документе, который должен был убедить правительство в законности помещичьих владений, депутаты продолжили исторический экскурс во времена существования Крымского ханства. В 1772 г., писали они, татары силой русского оружия были побеждены и присягли российской короне. Но быстро стали нарушать присягу (*«...в нарушении таковой не замедлили»*), и где было возможно найти малочисленные команды российских войск, убивали их (*«...забыв клятву свою, не только открыли воинское действие во многих частях Крыма против войск российских, делая повсюду набеги большими толпами, с причинением великого кровопролития, но и бывших при посланнике Веселичком чиновников и служителей вырезали»*)⁴. Эти провокации прекратились после заключения Кучук-Кайнарджийского договора, согласно которому ханство получило независимость. Но крымские татары были недовольны правлением сначала Сахиб-Гирея II, затем Шагин-Гирея, началось *«внутреннее смятение»*, и тогда последний крымский хан обратился за помощью к России, в результате чего мятеж был подавлен. Но в 1782 г. произошло новое волнение и тогда Россия, *«яко соседственная держава»*, снова ввела войска в Крым. Татары, *«не видя в злых своих начинаниях успеха»*, и чтобы спасти себя *«от справедливого наказания»* решили окончательно *«покориться в подданство»* России. Хан же не захотел управлять таким *«буйным народом»* и остался жить внутри империи (самоустранился). Последовавшая затем присяга стала ни чем иным, как *«предметом заглаждения прежних их поступков»*, и причиной *«Монаршего*

¹ Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымскотатарского землевладения. (Продолжение) // ИТУАК. 1896. № 25. С. 99, 153.

² Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымскотатарского землевладения. (Окончание) // ИТУАК. 1897. № 26. С. 46–52; ГАРК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 306. Л. 1–6.

³ Лашков Ф. Ф. Сборник документов // ИТУАК. № 26. С. 47.

⁴ Имеется в виду эпизод с мятежом в Крыму и высадкой турецкого десанта на полуостров в июле 1774 г. См.: Мальгин А. В. «Покоренье Крыма» 1768–1774. Симферополь: СОНАТ, 2016. С. 126–146.

*попечения об их наравне с природными подданными»*¹. Однако, по мнению авторов прошения, благосклонность со стороны Екатерины II не подействовала на крымских татар, и как только началась очередная война с Турцией (1787–1791 гг.), стало очевидным пренебрежение их к присяге христианскому государству, в крымских мечетях начались молитвы *«о изощрении меча на погубление христиан»*². В конце прошения Поляков и Сарандинаки весьма вольно, но логично для себя формулировали цель Екатерины II при раздаче земель в Крыму: *«цель воли Августейшей Монархини была крымские земли раздать по предмету неверности татар...»*³.

Таким образом, исходя из логики авторов прошения, массовые раздачи земель осуществлялись в Крыму исключительно с целью государственной безопасности, а следовательно, не было необходимости возвращать крымским татарам изъятую землю, не стоило правительству привлекать к ответственности местных российских помещиков за неисполнению своих обязательств по заселению полученных наделов и т. д. Все эти нарушения меркли по сравнению с озвученной миссией безопасности державы, гарантом которой в Крыму являлись новоявленные землевладельцы-христиане. Обращаясь к правительству нового императора Александра I, внуку и последователю политики Екатерины II, крымские помещики напоминали о всех негативных проявлениях татар в далеком и не очень прошлом, и призывали не принимать решения *«к удовольствию такого народа, который менее заслуживает уважения»*⁴. То есть, очевидно, происходила подмена идей и понятий. Вместо правовых доводов, фактических подтверждений, планов, документов на земли, конструктивных предложений по решению земельных конфликтов, мы видим, как аргументация одной из сторон намеренно уводилась в эмоциональную плоскость, экономическая и правовая оценка событий заменялась идеологическими обоснованиями. Депутаты-помещики специально концентрировали негативные оценки крымскотатарского населения, чтобы вопросы прав собственности рассматривались не в юридическом контексте, а в политическом, имевшем значение для «государственной безопасности» и внутривнутриполитической стабильности в регионе, с надеждой найти, прежде всего, эмоциональный отклик со стороны властей на эти известные и широко распространенные в русском обществе стереотипы в отношении татар и Крымского ханства.

¹ Лашков Ф. Ф. Сборник документов // ИТУАК. № 26. С. 47.

² Лашков Ф. Ф. Сборник документов // ИТУАК. № 26. С. 48–49.

³ Там же. С. 49.

⁴ Там же. С. 52.

Еще один депутат от «помещиков христианского закона», но в составе другой, действовавшей в Крыму в 1800 г. землеустроительной Комиссии, Александр Таранов, также считал крымских мусульман народом *«во многих политических отношениях вредным»*¹. Предлагал не имевших подтверждающих документов на собственность татар Горного и Южнобережного Крыма переселить на казенные земли в степной части полуострова. Благодаря чему, по мнению Таранова, *«из ленивых тунеядцев, питавшихся продажей плодов, там изобилующих, и беззаконным опустошением лесов, необходимость может сделать их добрыми хлебопашцами и хозяевами полезного скотоводства, состоящего из лошадей, рогатого скота и овец»*².

Примерно таким, по-видимому, был общий взгляд рядовых российских помещиков, который они открыто демонстрировали и использовали в качестве аргумента, способного убедить правительство в своей правоте. Сделать это было тем легче, что негативная оценка татар, ислама в целом была весьма распространенной в данное время. Известный российский востоковед Марк Батунский отмечал, что в русской литературе XVIII века обобщенный образ «Татарина» имел стабильно отрицательный контекст, стал символом злобы, уникального коварства и жестокости. И если среди российских авторов порой находились сочувственные слова в отношении таких, в общем-то, отдаленных от России представителей мусульманского мира, как арабы и персы (см. «Тамира и Селим» М. В. Ломоносова; «Тахмас Кули-хан» Н. А. Плавильщикова), то подобные оценки нивелировались бескомпромиссным негативным образом татар и турок, которых неизменно представляли в качестве «бывших» (татары) или «нынешних» (турки) врагов³. Причем крымские татары, как мы видели выше из оценок российских помещиков, всегда имели потенциальную возможность стать врагами «будущими»⁴. Что говорить, если даже идеологи

¹ Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения. (Продолжение) // ИТУАК. 1896. № 24. С. 68.

² Там же. С. 69.

³ Батунский М. Ислам и русская культура XVIII века. Опыт историко-эпистемологического исследования // Мир ислама. 1999. № 1/2. С. 204-205; см. также: Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян: Монография. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

⁴ Эти опасения (кстати говоря, в отношении, как минимум, крымских татар, чрезвычайно устойчивые до сих пор) в Российской империи, в общественном дискурсе или официальных документах, высказывались постоянно, в особенности, накануне или во время частых русско-турецких конфликтов. Пожалуй, в наибольшей концентрации подобные негативные отклики проявились в период Крымской войны, когда даже предельно осторожные в данном вопросе высшие администраторы империи, включая императора Александра II, поддались распространенному общественному мнению и, например, полуофициально или вполне открыто поддерживали, а порой поощряли эмиграцию крымских татар. См.: Бекирова Г. Проблема эмиграции крымских татар у російської історичної літератури XIX ст. – 30-х років XX ст. // Studia Turkologica. Воронежский тюркологический сборник. Вып. 4. С. 45–46]. Впрочем, такая государственная позиция продержалась недолго, и в дальнейшем власти стали принимать меры по прекращению

европейского просвещения, непререкаемые модные авторитеты западной образованной публики рассматривали турок и татар в качестве источника постоянных угроз. Вольтер, как известно, старательно и последовательно пытался внедрять в сознание Екатерины II мысль о необходимости борьбы с мусульманской Турцией, рассматривая войну России с ней, как борьбу между варварством и цивилизацией¹. Жан-Жак Руссо вообще апокалиптически предсказывал гибель России, а затем и всей Европы от татар (в широком смысле): *«Российская держава пожелает покорить Европу, и сама окажется покоренной, ее подданные – татары – и ее соседи станут сначала ее хозяевами, а потом и нашими: этот переворот мне кажется неизбежным»*, – писал философ в своем знаменитом «Общественном договоре»².

И хотя публикация писем Вольтера Екатерине равно как и русские переводы «Общественного договора» Руссо появились значительно позже рассматриваемых событий, тем не менее в конце XVIII – начале XIX вв. просветительская западная литература в оригинальных изданиях быстро распространялась даже в российской провинции. В. О. Ключевский писал, как один из малороссийских дворян, гвардеец Винский, за беспорядочную жизнь в столице был осужден и сослан в Оренбург и к своему удивлению обнаружил в библиотеках местного светского общества подлинные произведения Руссо, Монтескье и Вольтера. От скуки занялся переводом этих книг, которые пользовались большой популярностью среди провинциальных помещиков³.

Проецируя все вышесказанное на крымскую ситуацию, можно предположить, что сложно было простому обывателю, в общем-то, малообразованному таврическому помещику, сохранить объективность и непредвзятость в отношении своих соседей, будучи подвергнутым такой мощной интеллектуальной атаке, как со стороны российских «властителей дум», так и западных интеллектуалов. Поэтому ничего удивительного, что читатели, потребители художественной, философской литературы (а она была широко распространена даже среди провинциального мелкого

эмиграционного потока. См.: [Воронцов С. М.] О выселении татар из Крыма. Всеподданнейшее донесение генерал-адъютанта князя С. М. Воронцова // Русский архив. 1906. № 7. С.439–444.

¹ См.: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. С. 314–328; Зорин А. Л. Вольтер и восточная политика Екатерины II // Вольтер и Россия. М.: Наследие, 1999. С. 106–116; Зорин А. Л. «Кормя двуглавого орла...». Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 39–45; Проскурина В. Империя пера Екатерины II: литература как политика. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 165–167.

² Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения / Изд. подгот. Б. Бернарди, С. В. Занин; отв. ред. И. А. Исаев. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013. С. 153–154.

³ Ключевский В. О. Собрание сочинений в 9 т. Т. 5: Курс русской истории. Ч. 5 / Под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль, 1989. С. 158–159.

дворянства¹) часто воспринимали и оценивали «инородцев», отталкиваясь от уже сформированных представлений и образов. И пусть, как правило, окружающая действительность расходилась с литературными портретами, тем не менее, крымским помещикам было выгодно в своих практических интересах не замечать эти несоответствия, а в публичных высказываниях тиражировать, подтверждать негативный стереотип, распространять его среди неподготовленной столичной публики, которая никогда не бывала в Крыму, но с легкостью соглашалась с отрицательными характеристиками и описаниями мусульманского населения полуострова, удачно вписывавшимися в их устоявшиеся представления по данному вопросу.

Наиболее известным и влиятельным выразителем подобного мнения можно назвать адмирала Николая Семеновича Мордвинова, крупнейшего крымского землевладельца. В своих многочисленных обращениях, мнениях, заметках и письмах относительно Крыма он также неоднократно заявлял, что местные татары неблагонадежны, «привержены» туркам, с которыми Россия всегда враждует, не соблюдают присягу и «нисколько не способны» к хлебопашеству и садоводству, считал, что переселение и расселение крымских татар было бы лучшим решением для экономики полуострова². Небезлюбопытно, что при всей резкости высказываний, взгляды адмирала на крымских татар не имели исключительно исламофобской, антитатарской направленности. Первопричина его возмущения находилась в области экономических отношений и фундаментальных прав и привилегий российских помещиков, риски которым он усмотрел в крымском деле. Помимо того, что он пытался защитить от изъятия свои крымские владения, Мордвинов полагал, что возврат крымскотатарским крестьянам земель в собственность угрожал общероссийским правилам землеустройства, правам помещиков на земельную собственность. В 1818 г., уже будучи известным и авторитетным государственным, общественным (светским) деятелем, либеральным «гуру», к мыслям которого прислушивались первые лица империи, которому император поручил разработать правила по освобождению крестьян, Мордвинов писал своим коллегам по Госсовету, влиятельным сановникам Александру Семеновичу Шишкову, Ивану Васильевичу Туттолмину, Василию Степановичу Попову и графу Юлию Помпеевичу Литте, что разрабатываемые в это время специально учрежденным Таврическим комитетом правила землеустройства Крыма разрушают права собственности и *«со временем послужат примером для*

¹ Ключевский В. О. Собрание сочинений. Т. 5: Курс русской истории. Ч. 5. С. 158–159.

² РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 13. Л. 2–3; Мордвинов Н. С. Мнение относительно Крыма // Русская старина. 1872. Т. 5. Вып. 2 (Февраль). С. 201, 211–214.

всех областей Российских», и тогда «...российское дворянство делается низшим сословием, а паны будут крестьяне ваши. В крымском деле я усматривал в самом начале оно не частный вред, но всеобщий для России, и все подаваемые мною мнения заключали в себе защиту прав собственности и личной свободы...»¹. Таким образом антитатарская риторика была на самом деле только лексическим приемом с помощью которого Мордвинов пытался повлиять на политику правительства в Крыму, угрожавшую, по его мнению, правам всех российских дворян².

Не все крымские помещики разделяли столь радикальные взгляды в отношении местного мусульманского населения. Губернский секретарь Василий Чернов, которому крымские землевладельцы-христиане поручили представлять свои интересы в Новороссийском Комитете, заседавшем в Санкт-Петербурге в начале XIX в., в обращении к генерал-прокурору А. А. Беклешову в 1801 г. заметно меняет риторику в отношении крымских татар, и уже не прибегает к использованию откровенно враждебных вербальных конструкций. Хотя он считал, как и предыдущие депутаты, что «*вообще примечено, что татары не способны к хозяйству...*»³, и «*ябеда и алчность к корыстолюбию овладели татарами*»⁴, которые «*легко поддаются увещеваниям*» (с. 66). Тем не менее, полагал, что крымские татары, равно как и добропорядочные таврические помещики, стали «жертвами обстоятельств». Главными же виновниками в сложившейся тяжелой и противоречивой ситуации в землеустройстве Крыма, конфликтах между старожилами и новоприбывшим населением Чернов считал местных коррумпированных чиновников («*явно несправедливые и законопротивные тамошнего начальства поступки*»⁵).

Такого же мнения придерживался и представитель от крымскотатарского дворянства Мехмет-бей, которого для получения объективной картины также вызвали в Санкт-Петербург и заслушали в Новороссийском Комитете. Он ничего не говорил о религиозной дискриминации мусульманских жителей Крыма, а источником земельных конфликтов считал нечистоплотных местных чиновников, которые «для

¹ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 1484. Л. 25–26 об.

² Следует заметить, что в искренности Мордвина сомневались еще современники, которые видели в его активности по защите частной собственности в России, прежде всего, заботу о собственном благосостоянии (Иконников В.С. Граф Н.С. Мордвинов. Историческая монография. СПб.: Типография и литография А. Граншеля, 1878. XXIV + 578 + X с., с. 55). «Славны бубны за горами», – так иронично отозвался император Александр I о «правозащитной» деятельности адмирала, когда в Крыму непосредственно столкнулся с жалобами крымских татар на нарушение их прав со стороны Мордвина [см.: Михайловский-Данилевский А. И. Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. 1818 г. Гл. I–III // Русская старина. 1797. Т. 91. Вып. 7 (Июль). С. 100].

³ Лашков Ф. Ф. Сборник документов // ИТУАК. № 26. С. 63.

⁴ Там же. С. 65–66.

⁵ Там же. С. 52–56, 65–66

собственной корысти стали рассылать слухи между простыми татарами о принадлежности им всех земель в полуострове имеющихся...и посеяв таким образом злобу между помещиков и татар и ходатайствуя будто за последних, вовлекли их в бесконечные тяжбы, к крайнему разорению обеих сторон»¹.

Несмотря на негативные настроения в отношении крымских татар, распространенные в российском обществе, которые находили подтверждения в обращениях российских помещиков «с мест», из Крыма, нужно отдать должное высшей имперской власти, которая шла наперекор общественному мнению, и последовательно настаивала на исполнении законов, гарантировавших защиту имущественных прав старожильского населения полуострова. На самом высоком уровне российской власти к началу XIX века сложилось мнение, что именно местное население, крымские татары должны стать основой будущего экономического благосостояния полуострова. На состоявшемся 17 апреля 1802 года заседании Непременного совета – формально высшего совещательного органа Российской империи, в состав которого входили ключевые государственные деятели державы, было отмечено, что причиной *«настоящего упадка сей некогда процветавшей страны»* стало *«стеснение прежних ея жителей, понудившее их к переселению из отечества, и настоящее положение оставшихся...»²*. Только *«оставшиеся жители»* (то есть, крымские татары) уберегли *«сей край от совершенного его опустения»*. Поэтому *«для восстановления сей страны»* необходимо было поставить их *«в независимости от притязаний помещиков»*. По заключению членов Непременного совета, предпочтение в решении земельных споров необходимо было отдавать именно татарам, *«яко древнейшим и для блага общаго³ полезнейшим»⁴*.

К вопросам же переселения, отселения крымских мусульман в Санкт-Петербурге подходили крайне осторожно, поскольку право собственности, владения, пользования крымских татар землями гарантировались еще манифестами Екатерины. И российская власть в дальнейшем очень внимательно относилась к этим документам и их содержанию. Антитатарская позиция части российских помещиков в Крыму не находила сочувствия и поддержки в итоговых решениях имперской власти, что достаточно хорошо доказывается при анализе законодательных актов

¹ РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.

² «Мнение» Непременного Совета от 17 апреля 1802 г. См.: Архив Государственного совета: в 5 т. СПб.: Тип. Второго Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1869–1904. Т. 3. Ч. 1. Стлб. 852–853.

³ Одно из ключевых понятий в идеологии «просвещенного абсолютизма».

⁴ Архив Государственного совета: в 5 т. СПб.: Тип. Второго Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1869–1904. Т. 3. Ч. 1. Стлб. 853.

рассматриваемого периода, в которых не обнаруживается ни одного откровенно дискриминационного (как, например, в отношении евреев) по отношению к крымским мусульманам документа¹.

В целом можно сделать вывод, что случавшиеся в конце XVIII – начале XIX вв. конфликты между старожильческим населением Крыма и российскими помещиками имели в первую очередь экономическую, хозяйственную основу и лишь в качестве дополнительной аргументации переносились в конфессиональную или этническую плоскость. Применяемая российскими помещиками антитатарская риторика служила главным образом средством убеждения правительства в сохранении спорной собственности, и, как показала практика, не имела воздействия на конечные решения имперской власти.

Список сокращений:

ГАРК – Государственный архив Республики Крым

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

ПСЗРИ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е.

РГИА – Российский Государственный исторический архив.

Библиография:

Архив Государственного совета: в 5 т. СПб.: Тип. Второго Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1869–1904.

Батунский М. Ислам и русская культура XVIII века. Опыт историко-эпистемологического исследования // Мир ислама. 1999. № 1/2. С. 191–224.

Бекирова Г. Проблема еміграцій кримських татар у російській історичній літературі XIX ст. – 30-х років XX ст. // Studia Turkologica. Воронежский тюркологический сборник. Вып. 4. С. 37–52.

[Воронцов С. М.] О выселении татар из Крыма. Всеподданнейшее донесение генерал-адъютанта князя С. М. Воронцова // Русский архив. 1906. № 7. С.439–444.

¹ Никифоров М. А. О проблемах интеграции Крыма в состав Российской империи в правление Екатерины II // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2015. № 1(67). С. 38–47.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкин. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

ГАРК. Ф. 24. Комиссия для разбора споров по землям и для определения повинностей на Крымском полуострове.

Ена В. Г., Ена Ал. В., Ена Ан. В. Открыватели земли Крымской. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007.

Зорин А. Л. Вольтер и восточная политика Екатерины II // Вольтер и Россия. М.: Наследие, 1999. С. 106–116.

Зорин А. «Кормя двуглавого орла...». Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Иконников В. С. Граф Н. С. Мордвинов. Историческая монография. СПб.: Типография и литография А. Траншеля, 1878.

Ключевский В. О. Собрание сочинений в 9 т. Т. 5: Курс русской истории. Ч. 5 / Под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль, 1989.

Конкин Д. В. Законодательное оформление земельной собственности в Крыму (1783–1796 гг.). // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч. 2. С. 627–640.

Конкин Д. В. Некоторые аспекты земельных отношений в Крыму в последнем десятилетии XVIII в. // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 483–501.

Конкин Д. В. Экономические «открытия» в Крыму в работах В. Ф. Зуева и К. И. Габлица: «дефект описания» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 378–399.

Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения. (Продолжение) // ИТУАК. 1896. № 24. С. 35–71.

Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымскотатарского землевладения. (Продолжение) // ИТУАК. 1896. № 25. С. 89–158.

Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымскотатарского землевладения. (Окончание) // ИТУАК. 1897. № 26. С. 24–154.

Мальгин А. В. «Покоренье Крыма» 1768–1774. Симферополь: СОНАТ, 2016.

[Михайловский-Данилевский А. И.] Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. 1818 г. Гл. I–III // Русская старина. 1797. Т. 91. Вып. 7 (Июль). С. 69–102.

Мордвинов Н. С. Мнение относительно Крыма // Русская старина. 1872. Т. 5. Вып. 2 (Февраль). С. 199–214.

Никифоров М. А. О проблемах интеграции Крыма в состав Российской империи в правление Екатерины II // Ученые записки

Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2015. № 1(67). С. 38–47.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. СЕИВ Канцелярии, 1830.

Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / Под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Симферополь: Альбатрос, 2017.

Проскурина В. Империя пера Екатерины II: литература как политика. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

РГИА. Ф. 994. Мордвиновы, графы; Ф. 1307. Комитет об устройстве Новороссийской губернии. 1801–1807 гг.

Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения / Изд. подгот. Б. Бернарди, С. В. Занин; отв. ред. И. А. Исаев. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013.

Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян: Монография. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002.

Dickinson S. Russia's First “Orient”: Characterizing the Crimea in 1787 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002. Vol. 3. № 1. P. 3–25.

**Меньшиков М.Ю.,
Волошинов А.А.,
Гинькут Н.В.,
Лесная Е.С.**

**КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ КЫРК-АЗИЗЛЕР.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР.**

**M. Menshikov
A. Voloshinov
N. Ginkut
E. Lesnaya**

**The Pottery from the Golden Horde Settlement Kyrk-Azizler.
Preliminary Review.**

В рамках археологических работ, проводимых ИА РАН в связи со строительством и реконструкцией автомобильной дороги Керчь – Феодосия – Белогорск – Симферополь – Бахчисарай – Севастополь (трасса «Таврида»), были проведены археологические исследования выявленного объекта культурного наследия XIV–XV вв. «Могильник «Кырк-Азизлер» (Сорок святых). На общей площади 10500 кв. м был исследован некрополь и открыто ранее неизвестное поселение¹.

Объекты расположены на северо-западной окраине г. Бахчисарай. В результате работ 2018 г. на поселении был исследован участок площадью около 4000 кв. м. Поселение занимало небольшую ложбину и опоясывало территорию могильника с юго-запада и северо-востока. Культурный слой здесь оказался практически полностью уничтожен распашкой. В ходе исследований были открыты хозяйственные и столбовые ямы, два колодца, глиняный карьер, а также получен обильный археологический материал.

¹ Волошинов А.А., Меньшиков М.Ю., Резниченко И.А., Юнкин Ж.А., Брызгалов В.В. Раскопки мусульманского могильника Кырк-Азизлер в 2018 г. // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. Том II. Москва. 2019. 210–211

Коллекция массовых находок насчитывает около трех тысяч единиц, включая фрагменты керамики, изделия из камня и металла. Всю керамическую коллекцию можно разделить на несколько хронологических групп: единичными фрагментами представлен период IX – X вв., большинство материала относится к концу XIII – XIV вв., некоторое количество соотносится со временем господства на полуострове Османской империи (XVI – XVIII вв.), также присутствуют находки начала XIX столетия.

Основной, доминирующий пласт материала соотносится с ордынским периодом и датируется в пределах конца XIII – XIV вв. Среди керамических сосудов представлены все типы, характерные для поселений. В коллекции присутствует небольшое число находок строительной керамики: фрагменты керамид – традиционной формы для поздневизантийского периода XIII – XIV вв.; т.н. черепицы калиптерного типа (черепицы-татарки) с несколькими видами глиняного теста, и некоторое количество фрагментов плинфы с толщиной стенок до 4 см. Находки керамид прямоугольной формы с высокими бортами, сформованные из хорошо промешанной глины известны по раскопкам на синхронных городских и сельских структурах Крыма¹.

Крупная стационарная тара представлена фрагментами **пифосов** трех типов. В первую очередь, это сосуды из оранжево-коричневой глины с примесью песка, иногда черепок с серым закалом. Венчик плоскосрезанный, имеет подтреугольное сечение, его верхняя поверхность декорирована врезной зигзагообразной линией (рис. 1.1). Такие пифосы относятся к группе I, типу 2 по И.Б. Тесленко, они появляются ещё в IX – X вв. и бытуют до XV в.² Второй тип пифосов широко распространен на памятниках Крымского полуострова, расположенных от Херсона на юге до Каффы на востоке. Он включает сосуды, покрытые красноватым ангобом, изготовленные из оранжево-красноватой глины, насыщенной кварцевым песком и слюдянистыми примесями. Некоторые стенки украшены «лентой медальонов». Эти пифосы можно соотнести с группой II по И.Б. Тесленко и

¹ Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // МАИЭТ. 2009. Т. XV. С. 394; Воронин Ю.С., Майко В.В., Кутайсов В.А. Археологические раскопки Сюрейнского укрепления 1978–79 гг. Раскоп I // История и археология Крыма. 2014. Вып. I. С. 460–461; Моисеев Д.А. Новые средневековые гончарные центры на южной периферии Мангупского городища (округа г. Илька: предварительные результаты // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тез.докл. и сообщ. Бахчисарай, 2012. С. 46–48.

² Тесленко И.Б. Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV–XV вв. // Генуэзская Газария и Золотая Орда // Stratum Plus, 2015. С. 133–135, рис. 6–7; Воронин Ю.С., Майко В.В., Кутайсов В.А. Археологические раскопки Сюрейнского укрепления 1978–79 гг. Раскоп I // История и археология Крыма. 2014. Вып. I. С. 459, рис. 8.1.

датировать в пределах XIII – XV вв.¹ Среди керамических находок встречаются и фрагменты тарных пифоидных сосудов, близких к типу III по И.Б. Тесленко, для которых характерны слегка отогнутый подтреугольный венчик, высокое горло и резкий переход к тулову². Однако, на одном из наших фрагментов сохранился прилеп ручки овального сечения, что позволяет отнести этот сосуд скорее к группе корчаг (рис.1.2).

Значительное число находок составляют **амфоры** и амфоровидные сосуды нескольких производственных центров. Присутствуют традиционные для конца XIII – первой половины XIV вв. амфоры с дуговидными ручками типа Gusenin IV (производство Ганос) (рис. 1.3)³. Это самая многочисленная группа амфор для XIII в.⁴ На некоторых стенках частично сохранились граффити. Также в комплексах встречаются фрагменты амфор с дуговидными ручками и с мелким рифлением в верхней части тулова. Они сформованы из коричнево-серой глины с содержанием песка (?). (рис.1.4) Подобные сосуды известны в Херсоне и на памятниках Подонья, где датируются второй половиной XIII – серединой XIV вв. Исследователи выделяют несколько центров их производства⁵. Наряду с классическими амфорами (по форме и структуре черепка), встречаются и фрагменты сосудов, отличающиеся составом керамического теста, но повторяющие форму амфор с т.н. «дуговидными ручками». (рис.1.5)

Группа тарных сосудов включает также находки стенок и доньев плоскодонных сосудов-амфор Класа 52 по Херсонесской классификации 1995 г.⁶. Они широко представлены на большинстве крымских памятников XIII – XIV вв. Следующая достаточно представительная выборка включает сосуды, изготовленные в технике спирально-жгутового налёпа, имеющих двух- трёхслойный черепок, и украшенных полосатым лощением. (рис.

¹ Тесленко И.Б. Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV–XV вв. // Генуэзская Газария и Золотая Орда // Stratum Plus, 2015. С. 133–135, рис. 6–7.

² Тесленко И.Б. Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV–XV вв. // Генуэзская Газария и Золотая Орда // Stratum Plus, 2015. С. 139–140, рис 11.6, 12.3.

³ Günsenin N. Ganos, centre de production d'amphores a Fepooue Byzantine//Anatolia antique (EskiAnadolu). Vol. 2.Paris, 1993. P. 193–201.

⁴ Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов Византийского Херсона. – Екатеринбург, 1995. С. 75-76; Зеленко С.М. Итоги исследований подводно-археологической экспедиции Киевского университета имени Тараса Шевченко на Черном море в 1997–99 гг. // Vita Antiqua. 1999. № 2. С. 225–227; Волков И.В. О происхождении и эволюции некоторых типов двух амфор // Донские древности. Вып. 1. Азов, 1992. С. 145–150; Масловский А.Н. Керамический комплекс поселения Мартышкина Балка (Койсугское) (вторая половина XIII в.) // Вестник южного научного центра РАН. Т. 5, № 3. 2009. С. 62–63.

⁵ Волков И.В. О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. К, 2001. С. 138–140, рис. 7,8; Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов, 2006. С. 319, рис. 4.7–9; Масловский А.Н. Керамический комплекс поселения Мартышкина Балка (Койсугское) (вторая половина XIII в.) // Вестник южного научного центра РАН. Т. 5, № 3. 2009. С. 61, рис.1.1–22.

⁶ Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов Византийского Херсона. – Екатеринбург, 1995. С. 75–76.

2.11) По мнению А.Н. Масловского, такие сосуды принадлежат производству Азака и могут быть связаны с пост-салтовской ремесленной традицией¹. Видовой ассортимент наших материалов включает в основном кувшины и тарные сосуды. Кроме того, к т.н. пост-салтовской традиции можно отнести и немногочисленные фрагменты горшков с орнаментом из линейно-волнистых лент, выполненных мелкой гребенкой. (рис. 1.6) Близкими аналогиями здесь могут служить сосуды из раскопок поселения конца XIII в. Мартышкина Балка².

Стоит отметить и стабильное присутствие в коллекции стенок, ручек и плоских доньев, которые принадлежат сосудам закрытого типа, покрытых плотным красным ангобом – обмазкой. (рис.2.10) Такие сосуды известны по раскопкам генуэзских центров в Крыму³. К азакским прототипам, вероятно, восходит плоскодонный кувшин с шарообразным туловом и сливом, покрытый красным ангобом и декорированный линейным орнаментом, выполненным гребенкой (рис.2.9)⁴. Возможно, к производству Азака относится и небольшая группа кухонных кувшинов с бороздчатым туловом, изготовленных на быстровращающемся гончарном круге⁵.

С производством Хорезма можно связывать фрагмент стенки штампованного сероглиняного сосуда (фляги или кувшина). (рис.2.12) Находки таких сосудов хорошо известны из раскопок золотоордынских памятников⁶.

Традиционная для крымских памятников XIV – XV вв. керамика т.н. группы производства Юго-Западного Крыма представлена тарными двуручными плоскодонными горшками, кухонными горшками с вертикальным венчиком с бороздками и с шарообразным туловом, полусферическими крышками с горизонтально-отогнутым краем, а также упомянутыми выше пифосами. (рис. 1.7-8) Некоторое количество сосудов было декорировано росписью белым ангобом – ёлочным орнаментом и

¹ Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов, 2006. С. 311–317, рис. 1–3; Масловский А.Н. Керамический комплекс поселения Мартышкина Балка (Койсугское) (вторая половина XIII в.) // Вестник южного научного центра РАН. Т. 5, № 3. 2009. С. 64, рис. 4. 1–3.

² Бырня П.П., Русеев Н.Д. О неполивной керамике XIV в. из Пруто-Днестровья // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII – XVI вв. Ростов-на Дону, 1989. С. 103.

Масловский А.Н. Керамический комплекс поселения Мартышкина Балка (Койсугское) (вторая половина XIII в.) // Вестник южного научного центра РАН. Т. 5, № 3. 2009. С. 64, рис. 3.17.

³ Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. Хронология слоев генуэзской Каффы // Причерноморье в средние века. Вып. 2. М., Изд-во МГУ, 1995. С. 126.

⁴ Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов, 2006. С. 321, рис. 6.12–13.

⁵ Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов, 2006. С. 341, рис. 13. 7–9.

⁶ Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов, 2006. С. 412–416, рис. 43.

вертикальными полосами. Рассматриваемая керамика встречается практически на всех крымских памятниках этого времени. Она известна в Подонье и на территории Поднепровья¹. В комплексах памятников Крыма находки этой группы керамики фиксируются со второй четверти XIV в.²

Поливная керамика из раскопок поселения Кырк-Азизлер в количественном отношении немногочисленна и представлена как изделиями крымских центров, так и единичными находками импорта. Группа крымского производства отличается составом формовочной массы – это плотное, хорошо promешанное глиняное тесто с визуально различимыми включениями небольшого количества извести, шамота и органики. Выделяются аптечные сосуды с петлевидными ручками, кувшины со сливом, куманы, штампованные кувшины, покрытые поливой зеленого тона по белому ангобу (рис. 2.13)³. Открытые формы представлены чашами-мисками с вертикальным бортом и полусферическим туловом. Сосуды покрыты как зеленой поливой, так и лимонно-желтой, нанесённой на светлую ангобную подгрунтовку. Орнаментация выполнена в технике «sgraffito», встречаются и простые окружности, и сложный композиционный рисунок. (рис.2.14-15). Например, фрагмент стенки чаши с вертикальным краем и полусферическим туловом – внутри по ангобной подгрунтовке поверхность покрыта светло-жёлтой поливой лимонного тона, по внешней поверхности края – светло-зеленой. Орнаментация исполнена в технике «sgraffito» – в медальоне из тройной линии заключена растительная композиция из крупных цветов и, вероятно, стилизованных плодов. (рис.2.14) Наиболее близкие аналогии происходят из раскопок золотоордынских центров⁴. Среди находок поливной керамики отметим также фрагменты стенок и венчика сосудов группы *Zeuxippos ware*

¹ Тесленко И.Б. Одна из гончарных традиций Таврики XIV–XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма) // История и археология Крыма. 2014. Вып. I. С. 495–504; Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре. – Киев, 1986. С. 49; Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов, 2006. С. 383–385; Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // МАИЭТ. 2009. Т. XV. С. 395, рис. 17.4–5; Полевой Л.Л. Поселение XIV в. у с. Костешты // Записки Одесского археологического Общества. Т. II (35). Одесса, 1967. С. 125.

² Тесленко И.Б. Одна из гончарных традиций Таврики XIV–XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма) // История и археология Крыма. 2014. Вып. I. С. 502.

³ Мыц В.Л. Укрепления Таврики X–XV вв. – Киев, 1991. С. 91, рис. 40.2–5; Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов, 2006. С. 364, 366, 368, 371, рис. 23.1, 25.6, 12.

⁴ Полевой Л.Л. Поливная керамика из раскопок гончарного района на поселении XIV в. у с. Костешты // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев, 1964. С. 169, табл. II.8–9, III.10; Белый А.В., Волошинов А.А., Карлов С.В. Поливная керамика из районов Эски-Юрта // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005. С. 185, рис. 3.1; Масловский А.Н. Восточнокрымский поливной импорт в золотоордынском Азаке. Вопросы хронологии // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Том 2. Казань-Кишинев, 2017. С. рис.13.5, 20.5.

derivatives, датирующихся в пределах второй половины XIII – первой половины XIV вв. (рис.2. 16)¹.

Таким образом, предварительные исследования керамического комплекса поселения Кырк-Азизлер указывают на то, что время существования поселения приходится на конец XIII – середину XIV столетий. Наиболее близкие аналогии нашим находкам происходят из раскопок поселений Крыма, Подонья, и Поднестровья золотоордынского времени. Присутствие в коллекции фрагментов импортной византийской тары и поливной керамики из средиземноморского региона свидетельствует о взаимоотношениях с итальянскими колонистами, которые активно занимались посреднической торговлей на полуострове.

Библиография:

Белый А.В., Волошинов А.А., Карлов С.В. Поливная керамика из районов Эски-Юрта // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005. С. 183–189.

Бырня П.П., Русеев Н.Д. О неполивной керамике XIV в. из Пруто-Днестровья // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII – XVI вв. Ростов-на Дону, 1989. С. 100–108.

Волошинов А.А., Меньшиков М.Ю., Резниченко И.А., Юнкин Ж.А., Брызгалов В.В. Раскопки мусульманского могильника Кырк-Азизлер в 2018 г. // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. Том II. Москва. 2019. С. 210–237.

Герцен А.Г., Наumenко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // МАИЭТ. 2009. Т. XV. С. 389–431.

Воронин Ю.С., Майко В.В., Кутайсов В.А. Археологические раскопки Сюрейньского укрепления 1978–79 гг. Раскоп I // История и археология Крыма. 2014. Вып. I. С. 458–479.

Волков И.В. О происхождении и эволюции некоторых типов двух амфор // Донские древности. Вып. 1. Азов, 1992. С. 143–157.

Волков И.В. О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. К, 2001. С. 130–146.

¹ Vroom J. Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. 7-th to 20-th century. An introduction and field guide. Bijleveld: Parnassus Press, 2005. P. 110–111.

Зеленко С.М. Итоги исследований подводно-археологической экспедиции Киевского университета имени Тараса Шевченко на Черном море в 1997–99 гг. // *Vita Antiqua*. 1999. № 2. С. 223–234.

Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре. – Киев, 1986.

Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов, 2006. С. 308–473.

Масловский А.Н. Керамический комплекс поселения Мартышкина Балка (Койсугское) (вторая половина XIII в.) // Вестник южного научного центра РАН. Т. 5, № 3. 2009. С. 59–68.

Масловский А.Н. Восточнокрымский поливной импорт в золотоордынском Азаке. Вопросы хронологии // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Том 2. Казань-Кишинев, 2017. С. 455–489.

Моисеев Д.А. Новые средневековые гончарные центры на южной периферии Мангупского городища (округа г. Илька: предварительные результаты // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тез.докл. и сообщ. Бахчисарай, 2012. С. 46–48.

Мыщ В.Л. Укрепления Таврики X–XV вв. – Киев, 1991.

Полевой Л.Л. Поселение XIV в. у с. Костешты // Записки Одесского археологического Общества. Т. II (35). Одесса, 1967. С. 119–130.

Полевой Л.Л. Поливная керамика из раскопок гончарного района на поселении XIV в. у с. Костешты // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев, 1964. С. 166–181.

Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов Византийского Херсона. – Екатеринбург, 1995.

Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. Хронология слоев генуэзской Каффы // Причерноморье в средние века. Вып. 2. М., Изд-во МГУ, 1995. С. 117–130.

Тесленко И.Б. Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV–XV вв. // Генуэзская Газария и Золотая Орда // *Stratum Plus*, 2015. С. 125–163.

Тесленко И.Б. Одна из гончарных традиций Таврики XIV–XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма) // История и археология Крыма. 2014. Вып. I. С. 495–512.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. – Ленинград, 1979.

Günsenin N. Ganos, centre de production d'amphores a Ferpooue Byzantine// *Anatolia antique (EskiAnadolu)*. Vol. 2. Paris, 1993. P. 193–201.

Vroom J. Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. 7-th to 20-th century. An introduction and field guide. Bijleveld: Parnassus Press, 2005.

**ИСТОРИЯ КОНТАКТОВ КАРАИМОВ КРЫМА
И КАРАИМСКИХ ОБЩИН БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА
(ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ И МУЗЕЙНЫМ КОЛЛЕКЦИЯМ)¹**

D. Prohorov

**History of Contacts of Karaims of Crimea
and Karaim Communities of the Middle Eastern Region
(on Archival Materials and Museum Collections)**

В средневековом Крыму караимские общины существовали в Солхате (с XIII вв.), а затем появились в Кырк-Йере (Чуфут-Кале; между 1342 и 1357 гг.), Карасубазаре (ныне – Белогорск), Мангупе (во второй половине XV в.), Гёзлёве (Евпатория; в конце XVII – начале XVIII вв.), а также в ряде других населенных пунктах Крымского полуострова. Проблема их появления в этом регионе традиционно вызывает полемику среди исследователей разного уровня и компетенции.

В академических кругах принято полагать, что караимские общины возникают в Восточной Европе уже в послехазарское время. Основанием для этого утверждения могут служить сведения, содержащиеся в ряде источников. Первые наиболее достоверные свидетельства о существовании караимских общин на Крымском полуострове относятся к середине XIII в. О караимах средневековые авторы сообщают как об искусных торговцах и ремесленниках; можно предположить, что они попали в Крым в первой половине XIII в., и впоследствии осели на его территории². Путешественник рабби Петахья (Птакия) бен Иаков га-Лабан из Регенсбурга, посетивший Северное Причерноморье в XII в., сообщал, что среди кочевников-половцев он встретил евреев-сектантов, сходных по обычаям с караимами-ананитами:

¹ Статья выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5763.2017/БЧ по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».

² Шапира Д. Евреи в Северном Причерноморье от древности до раннего Средневековья // История еврейского народа в России: от древности до раннего Нового времени / Под ред. А. Кулика. Т. 1: От Древности до раннего Нового времени. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2009. С. 19–21.

«Настоящих евреев нет в земле кеदारов¹, а живут там только *миним* (Еретики) <...> Накануне субботы они нарезают весь хлеб, который едят в субботу, едят его впотьмах и сидят весь день на одном месте»². «И сказал им рабби Петахия: “Почему вы не верите в слова мудрецов?” И они сказали: “Потому что не изучали их отцы наши” <...> И нет у них молитв, кроме псалмов. А когда сообщил им рабби Петахия нашу молитву и благословение пищи – это им понравилось. И сказали они: “Мы никогда не слышали, что такое Талмуд”»³.

По мнению П.В. Марголина, в приведенном фрагменте, по всей видимости, речь идет не о караимах, а о евреях, поселившихся в этой области, не имевших связей с Палестиной и Вавилонией и не знавших о талмудическом иудаизме⁴. Как предположил В.Л. Вихнович, рабби Петахья мог встретиться с остатками продолжавших соблюдать иудаизм хазар⁵. В свою очередь, исследователь Цви Анкори утверждает, что этими сектантами могли быть предки современных караимов, проживавшие среди кочевников-половцев⁶. В пользу этого аргумента, по мнению Цви Анкори, говорит и знание сектантами древнееврейских псалмов, использовавшихся ими в соответствии с караимской литургической практикой⁷. Однако по предположению С. Барон, сходство некоторых обычаев все же не дает повода считать собеседников рабби Петахьи караимами, и может быть объяснено простым незнанием ими талмудических правил⁸. К сожалению, сообщение средневекового путешественника не дает однозначного ответа на вопрос, кем же были встреченные рабби Петахьей еврей-сектанты.

Принимая во внимание все указанные обстоятельства, а также тот факт, что со времени основания поселения и его развития должно было пройти три или четыре поколения, можно предположить, что караимская община на Крымском полуострове могла появиться не ранее второй половины XII в.⁹ В других источниках упоминание о пребывании караимов

¹ *Кедар* (или *Кидар*) – второй (после Небаиот) сын Исмаила (Быт. 25, 13; I Хрон., 1, 29). Очевидно, что рабби Петахия назвал библейским именем «кедары» половцев (или куманов, кипчаков), которые в XI в. кочевали в причерноморских степях.

² Кругосветное странствие Рабби Петахии Регенсбургского (пер. П.В. Марголина) // Три еврейских путешественника. М.: Мосты культуры, 2004. С. 266, 267.

³ *Ankori Z. Karaites in Byzantium: The Formative Years, 970–1100. New York-Jerusalem, 1959. P. 60, 61; Анкори Цви. Крымские караимы и хазары (из книги «Происхождение караимов в Византии») // Вихнович В.Л. Караим Авраам Фиркович: Еврейские рукописи. История. Путешествия. 2-е изд. СПб.: Академия исследования культуры, 2012. С. 282.*

⁴ Кругосветное странствие Рабби Петахии Регенсбургского. С. 266, 267.

⁵ *Вихнович В.Л. Евреи страны Кедавр // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1996. № 10. С. 198.*

⁶ *Ankori Z. Karaites in Byzantium: The Formative Years, 970–1100. New York-Jerusalem, 1959. P. 61–64; Анкори Цви. Крымские караимы и хазары. С. 260, 261.*

⁷ *Ankori Z. Karaites in Byzantium. P. 63; Анкори Цви. Крымские караимы и хазары. С. 261.*

⁸ *Барон С. Социальная и религиозная история евреев; пер. Гопман В. Т. III: раннее Средневековье (500–1200): наследники Рима и Персии. М.: Текст, 2014. С. 213–215.*

⁹ *Анкори Цви. Крымские караимы и хазары. – С. 259, 260.*

на полуострове датируется второй половиной XIII в. По свидетельству византийского караимского законоведа, философа, врача и литургического поэта Аарона I бен Йосефа га-Рофе (по некоторым сведениям, он родился в Солхате ок. 1260; остальные годы прожил в Константинополе, ум. ок. 1320), между общиной караимов и евреев-раввинистов Солхата в 1278 г. состоялась дискуссия относительно догматическо-календарной проблемы, а именно, о том, какой день следует считать началом месяца «Тишри»¹. В своем догматическом сочинении «Сэфер га-Мивхар» («Книга избранных трудов», комментарии к Пятикнижию) Аарон I бен Йосеф га-Рофе в частности, пишет: «Было это со мной 14 лет тому назад, то есть в 39 году по счету [1278 г.], и видели раввинисты новомесячие месяца тишри, а мы увидели старый месяц около захода солнца и показали его раввинистам, находящимся там, в месте, называемом Солхат»². Это свидетельство позволяет утверждать, что караимская община в Солхате существовала как минимум с середины XIII в.; состояла она из переселенцев из Персии, Кавказа и Средней Азии³.

В XIV в. в Солхате проживал некий Авраам Къырыми (т. е. «из <города> Крыма» – как полагает Д. Шапира, прозелит общины евреев-раввинистов)⁴. Авраам Къырыми является автором теологического трактата «Сефат а-эмет» («Язык истины», 1358 г.), написанного по просьбе его ученика, главы караимской общины Езекии (Хизкиягу) бен Эльханана⁵. Помимо всего прочего, упоминания в караимских преданиях о переселении в Крым караимов также могут косвенно свидетельствовать о том, что они появились на территории полуострова в XIII в.⁶

Уже в период существования Крымского ханства крымские караимы, находившиеся в статусе подчиненной категории населения, «зимми», активно контактировали с единоверцами, проживавшими на территории Турции, Персии, Сирии, Египта и других стран Ближнего Востока, причем эти связи носили не только общинно-религиозный характер, но и были взаимовыгодны с экономической точки зрения. В соответствии с караимской устной традицией также принято считать, что, например,

¹ Тишри, или Тишрей – седьмой, а в позднейшей традиции – первый месяц еврейского года. Соответствует обычно сентябрю-октябрю.

² *Ankari Z.* Karaites in Byzantium. P. 60; *Анкори Цви.* Крымские караимы и хазары. С. 281.

³ *Шапира Д.* Евреи в Северном Причерноморье. С. 22; *Кизилов М.* Крымская Иудея: Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен и до наших дней. Симферополь: Доля, 2011. С. 115.

⁴ *Шапира Д.* Евреи в Северном Причерноморье. С. 21.

⁵ *Кизилов М.* Крымская Иудея. С. 124.

⁶ *Кептен П.* О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических (Крымский сборник). СПб.: тип. Императорской Академии Наук, 1837. С. 289, 290; *Ахизер Г.* Потерянные колена, фарисеи и потомки хазар. Истоки современной караимской идентичности в Восточной Европе // *Saraimica: Quarterly Review / International Institute Of The Crimean Karaites.* Слиппери-Рок, США – Симферополь, Украина, 2008. Вып. 5. С. 48–53.

общину Мангупа составили выходцы из Солхата (Эски-Крыма) и Таш Иргана (Таш Джаргана); частично она пополнилась караимами, эмигрировавшими из районов метрополии Османской империи в середине XV в.¹

В период существования Крымского ханства близкое соседство с крымскими татарами не могло не оказать воздействие на быт и повседневную жизнь караимов, которые вскоре переняли их язык в качестве разговорного, однако сохранив при этом библейский иврит, или «*лашон а-кодеш*» («святой язык») в качестве языка, на котором велось богослужение, осуществлялась деловая переписка; составлялись научные, теософские труды и поэтические произведения, а также надгробные эпитафии. В XIII–XIV вв. караимы попали в Западную Украину и Литву, где затем сформировались галичско-луцкая и тракайская (трокская) группы караимского этноса. До настоящего времени караимы этих регионов, проживая вне тюркоязычного окружения, сохранили свой родной язык, который ряд авторов относят к кипчакской группе тюркских языков².

О тесных контактах крымских караимов с Ближневосточным регионом могут свидетельствовать книги, использовавшиеся в богослужебной практике в караимских кенасах Крымского полуострова на протяжении нескольких веков. Например, в книжном собрании «Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника» (ГБУ РК «БИКАМЗ») содержится книги XVI в., которые представлены, в основном, венецианскими караимскими молитвенниками, изданными в XVI в. в типографии Даниэля Бомберга (КП-9975/676, 677, 679; КП-9977/678 8022; КП-9981/682, 683; КП-9985/686; КП-9988/689; КП-9992/693; КП-9993/694), а также несколькими изданиями ТаНаХа из типографий Бомберга и Дидигаро (например, КП-9979/680, 1566 г.; КП-9996/697, 1529 г.; КП-9997/698, 1568 г.). На экземпляре венецианского молитвенника КП-9988/689 имеется оттиск печати: «Моше бар Йосеф Ерушалми» (т. е. Моше сын Йосефа из Иерусалима) (Рис. 1), а на одной из страниц экземпляра КП-9990/691 рукописным способом добавлен рассказ некоего караима Йосефа о путешествии в Иерусалим в 1645 г. (а на

¹ Кизилов М.Б. Свидетельства путешественников как источник сведений по изучению этнической истории, традиционной культуры и быта крымских караимов в 18–19 вв. // Материалы Седьмой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2000. С. 290; Ахизер Г. Завоевание Крыма Российской Империей глазами караимских хронистов. Иерусалим; М.: Гешарим/Мосты культуры, 2015. С. 25.

² Миреев В.А., Абрагамович Н.Д. Язык караимов Западной Украины. Ч I. Краткий очерк. Симферополь – Полевской – Слиппери Рок: 2008. 99 с.; Миреев В.А., Абрагамович Н.Д. Язык караимов Западной Украины Ч. II. Караимско-русско-украинско-английский словарь. Симферополь – Полевской – Слиппери Рок: 2008. б/п; Мусаев К.М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964. 344 с.

молитвеннике КП-4979/29 приписка гласит: «писал Исмаил, сын уважаемого Йосефа Йерушалми»).

Что касается рукописей в коллекции ГБУ РК «БИКАМЗ», то они представлены шестью свитками Торы (Пятикнижия). Из них: полных свитков – 2 (КП-№ 731, 735), фрагментов – 4 (КП-№ 732, 733, 734, 5036/86). Свитки и фрагменты разнообразны по формату, происхождению и возрасту. Два свитка имеют ашкеназское происхождение, два – сефардское, из них один имеет особенности Хабадского (хасидского) варианта сефардского способа письма (*нусаха*). Все свитки, по заключению, составленному И.В. Баркусским, Е.Р. Олешкевич и Лисицыной (г. Москва), атрибутировавшими их в 2015 г., написаны в XVIII–XIX вв. на территории Центральной и Восточной Европы. Самый ранний из них (КП-731), возможно, относится к XVII в. При этом два полных свитка имеют аутентичные футляры (*ковчеги*) и палки (*эцей хаим*), которые, судя по их внешним особенностям, могли быть изготовлены в еврейских общинах Крыма – как евреями-крымчаками, так и караимами¹. Что же касается палеотипов, то наиболее ранние из сохранившихся в собрании ГБУ РК «БИКАМЗ» текстов ТаНаХа напечатаны в Венеции в 1528–1529 г. в издательстве Бомберга (КП-5049/99; КП-9963/664).

Характерно, что первая типография в Крыму была основана в Чуфут-Кале около 1731 г. на средства караимского мецената Исаака бен Моше Синана-Челеби, и принадлежала она выходцам из Турции, караимам, братьям Афда и Шаббатаю Эрака; они же сами работали печатниками в типографии. Спустя три года, в правление хана Каплан-Герая I здесь была напечатана первая книга на древнееврейском языке – молитвенник, изданный «стараниями крымчака Моше Коккоза <...> по порядку, принятому в обществах Кефе, Карасу и их окрестностей в земле Крым»². В период с 1734 по 1741 гг. в типографии было издано несколько литургических книг на иврите; некоторые из них содержали перевод молитв и библейских книг на караимский язык (ивритским алфавитом)³. Например, в сборнике «Меккабеч» (ГБУ РК «БИКАМЗ» КП-4974/24), напечатанном в типографии в 1734 г. на библейском иврите, имеются вставки и перевод избранных молитв на караимский разговорный язык (караимский этнолект крымскотатарского языка). Что касается караимского молитвенника, изданного в той же типографии в 1804–1805 гг. (ГБУ РК «БИКАМЗ» КП-

¹ Аннотация подготовлена при участии И.В. Баркуского, Е.Р. Олешкевич, А.В. Лисицыной.

² Кая И.С. По поводу одной крымчакской рукописи // ИТОИАНЭ. – Симферополь: 1-я Гостиполитография «Крымполиграфтреста», 1927. Т.1 (58). С. 102.

³ Акчокраклы О. Новое из истории Чуфут-Кале. С. 159, 160; Szapszał S. Słów kilkao książętach karaimskich Czelebi i ich działalności oświatowej // Myśl Karaimska. Wilna, 1936. Z. II (1935–1936). S. 10.

4997/47), то в нем присутствуют маргиналии, позволяющие установить владельца(-ев) книги: так, на ее нахзаце имеется владельческая надпись «Шмуэль из Гезлевы» (т.е. из Гёзлёва). Среди многочисленных вставок и приписок в книге, между прочим, имеется следующая: «Исмаил сын равви Йосефа Йерушалми [восполнил текст рукописным]; Яков» (перевод В.А. Ельяшевича). Это означает, что предок ее обладателя, или же он сам были выходцами из Иерусалима. (Рис. 2).

В 1741 г., после издания трех караимских и одной крымчакской литургических книг, типография, по невыясненным причинам, перестает функционировать. Возобновление книгопечатания в Чуфут-Кале относится к 1804 г., когда по инициативе местного газзана Йицхака бен Шломо была учреждена типография, где руководство делами осуществлял Биньямин бен Шмуэль Ага, бывший управляющий финансами и заведующий монетным двором последнего крымского хана Шагин-Герая¹. Специализировалась типография на печатании молитвенников. Интересно, что уже после присоединения Крыма к России, во время торжественной встрече императрицы Екатерины II в Бахчисарае, прибывшей в «полуденный край» в 1787 г., ей был представлен ханский казначей Биньямин бен Шмуэль Ага. В беседе с августейшей монархиней он, между прочим, просил соизволения себе и нескольким караимским семьям на выход из русского подданства с перспективой покинуть Крым и поселиться в Турции. По словам очевидцев, присутствовавших при встрече, эта просьба вызывала неудовольствие Екатерины II, однако она заметила: «Смотрите! Вот человек, верный своему государю: при всех бедствиях и невзгодах, которые вы терпели под властью мусульман, но все-таки готов снова покориться им»².

В конце XVIII – первой половине XIX караимы, стремясь избежать сравнения их с евреями-раввинистами, к которым в Российской империи было применено двойное налогообложение, направляют в вышестоящие инстанции прошения и ходатайства об освобождении их от налогового гнета. Активно развивая тезис о принципиальных отличиях, существовавших между караимами и евреями-раввинистами, караимские религиозные лидеры сообщали, что «между этими народами существует во всех отношениях

¹ С.П. [Познанский С.] Ага, Вениамин бен-Самуил // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем; Под ред. Каценельсона. СПб.: изд-ие Общ-ва для научных еврейских изданий и изд-ва Брокгауз и Ефрон. Т. I: А–Алмебар. Стлб. 382–383.

² *Пигит С.Ш.* Дни минувшие... Кн. 8–9, январь–февраль, С. 60, 61; *Леви [Леви-Бабович] Т.С.* Вениамин-Ага // Караимское слово. Вильна: тип. Бр. Яловцер, 1914, декабрь. № 6. С. 10. Любопытно, что австрийский император Иосиф II, наблюдая за торжественной встречей Екатерины II в Бахчисарае, заметил: «Что, впрочем, ни делает Императрица для здешнего населения, и какие льготы она им ни предоставляет, нет ни одного, особенно из стариков, кто не был бы рад уйти из-под новой власти» [Письма императора Иосифа II к фельдмаршалу графу Ласси во время путешествия в Херсон и Крым в 1787 году // Русский архив. 1880. Кн. 1. С. 362, 363].

большая разница <...> хотя называют нас караимскими евреями, мы собственно караимы и вовсе не евреи, ни жидовствующие евреи и ни сектанты евреев – талмудисты или раббинисты»¹. Большинство из подобных прошений властями были удовлетворены, и караимы, получив налоговые преференции, активно занялись укреплением своего правового статуса и улучшением материального благосостояния. Они постепенно втягивались в развивающиеся торгово-экономические связи Крымского полуострова с городами юго-западных и центральных губерний России. В результате коммерческой деятельности уже в начале XIX в. среди членов крымских караимских общин появляется определенное число состоятельных землевладельцев, в распоряжении которых имелись обширные земельные участки и сады, приносившие немалый доход.

В справочных изданиях начала XIX в. приводятся сведения о том, что крымские (и, в частности, евпаторийские) караимы занимались «внутреннею и заграничною торговлею, имея постоянные связи с Константинополем и пользуясь там особенным приемом»². О том, что коммуникация между караимами Крыма и Османской империи не прерывалась и после 1783 г., могут свидетельствовать и изданные в Стамбуле переводы Пятикнижия караимский язык (турецкий диалект) в 1833 г., в период правления султана Махмуда II. Экземпляры этих книг, привезенные в Крым в XIX в., ныне хранятся в составе книжного собрания ГБУ РК «БИКАМЗ» (КП-5043/93; КП-5043/94; КП-9983/684).

Подтверждаются контакты крымских караимов с их ближневосточными единоверцами многочисленными архивными документами. Наиболее объемным и информативным в контексте заявленной темы является фонд 241 «Таврическое и Одесское караимское духовное правление Таврического губернатора» (ТОКДП) Государственного архива Республики Крым (г. Симферополь). В делах фонда имеется переписка правления с подведомственными общинами по различным вопросам как религиозного, так и общественного характера. Весьма важным источником по указанной теме является переписка ТОКДП с караимскими общинами как в самой России, так и за ее пределами.

По некоторым сведениям, в начале 70-х гг. XIX в. в Иерусалиме проживало 8 караимских семей, а в Египте, Сирии и Бухаре насчитывалось до 300 семей караимов³. Среди материалов фонда имеются такие дела, как:

¹ Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 99, 99 об., 100.

² А.Ш. О караимах, преимущественно живущих в Евпатории // Новороссийский календарь на 1839 год. Одесса, 1838. С. 180, прим. 1.

³ Ливанов Ф.В. Чуфут-Кале (иудейская крепость) в Крыму. С присоединением малоисследованной еще в России секты караимов. Составлено и издано для путешественников. М.: тип. «Современные известия», 1874. С. 64.

«Приходно-расходная книга Иерусалимской синагоги. Переписка Иерусалимского общества с Духовным правлением о Иерусалимской синагоге, о караимах в Дамаске, Багдаде. Исторический материал о караимах» (ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1873; 1832 г.); «Переписка Константинопольских караимов с Духовным правлением по вопросам, касающимся жизни караимов в Иерусалиме, о выборных лицах в Египте и об их функциях, о школе и учащихся» (ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1866; 1804-1912 гг.); «Переписка Духовного правления с обществами о приезде египетского газзана в Константинополь» (ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1867; 1868 г.); «Переписка Армянского караимского общества с Духовным правлением о помощи беднякам караимам, проживающим в Иерусалиме» (ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1628; 1863 г.); «Переписка ученого Фирковича из Дамаска-Сирии с Духовным правлением и о его открытии по вопросам о происхождении караимов и о своем путешествии» (ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1868; 1836 г.); «Переписка Духовного правления с обществами о подаче пособия караимам, страждущим от голода, живущим в Хите» (ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1871; 1894 г.); «Переписка Иерусалимского общества с Духовным правлением о количестве семей караимов, о содержании их, о состоянии имущества, принадлежащего караимам» (ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1874; 1875 г.); «Переписка Иерусалимского общества с Духовным правлением о постройке жилого дома для караимов» (ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1875; 1878 г.); «Переписка Духовного правления с обществами о Иерусалимской синагоге» (ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1876; 1843 г.); «Переписка Духовного правления с обществами о выдаче паспорта Моше Абрамовичу Иерушалми и переписка о караимах Константинополя, Египта, Дамаска» (ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1880; 1877–1899 гг.) и т.д. (Рис. 11, 12).

В 1870-х гг. неоднократно предпринимались попытки возродить жизнь караимской общины «пещерного города» Чуфут-Кале, который его жители покинули к середине XIX в. В частности, планировалось пригласить караимов из других регионов (в частности, из губерний Северо-Западного края Российской империи, а также субботников из Бакинской губернии). В фонде 241 ГАРК также имеется дело № 1532, озаглавленное «Заявление караимов, проживающих в Хите (Персия) о переселении их в Иерусалим или Чуфут-Кале», и датированное 1871 г., где собраны документы по указанному вопросу. Ценность этих документов состоит и в том, что большинство из них освещают малоизвестные эпизоды жизни караимских общин России и Османской империи, и до сих пор не введены в научный оборот, что открывает пред специалистами определенные исследовательские перспективы.

В 1837 г. российский император Николай I изъявил желание посетить Крым вместе с семьей. В связи с этим было принято решение провести в Бахчисарайском дворце ремонтные работы, которые производились под наблюдением Таврического и Одесского караимского гахама Симхи бен Шломо Бабовича. По поручению Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова гахам специально ездил в Стамбул для приобретения необходимых материалов для восстановительных работ, покупки мебели, ковров, тканей, утвари и украшений. Причем, по словам современников, активное содействие в этом вопросе Симхе Бабовичу оказывал великий визирь Османской империи Иваззаде Халил-паша (Галиль-бей) (1724–1777)¹. За проявленные деловые качества при подготовке дворца к визиту императора Симха Бабович «удостоился неоднократно получать лично одобрение и благодарность Государя Императора и всей Императорской фамилии»².

Вообще представители влиятельного караимского рода Бабовичей регулярно бывали с деловыми и частными визитами в странах Ближнего Востока, в том числе, и в Турции. Например, перед очередной поездкой «в турецкие пределы» гахам и купец 1-й гильдии Симха бен Шломо Бабович в январе 1837 г., находясь в Одессе, даже составил завещание с той целью, что обстоятельства, заставлявшие его «воображать о смерти внезапно иногда воспоследовать могущей», вынудили позаботиться об оставленном им в Крыму движимом имуществе, недвижимости и состоянии³. Кстати, свое прозвание «Хаджи-Ага» гахам получил после совершенного им паломничества в Святую Землю. Сменивший на посту духовного главы караимов умершего в 1855 г. Симху Бабовича его родной брат Бабакай «Нагаму» Бабович 27 января 1869 г. напрямую обратился к императору Александру II с прошением: «Желая воспользоваться отпуском за границу в Иерусалим для поклонения по религии нашей Соломонову Храму, сроком на четыре месяца, с женою моею Султан Ароновою, весною сего 1869 года, с передачей должность моей, согласно § 11, п. ст. 1097 Тома XI части 1-й Устава Иностранных исповеданий издания 1857 г. Свода Законов [Российской империи] старшему газзану и члену Таврического и Одесского караимского духовного правления Якову Шамашу»⁴. Необходимое разрешение на поездку вскоре последовало.

¹ [Сафонов С.В.] Описание пребывания императорской фамилии в Крыму в сентябре 1837 года / Сост. С. Сафоновым. Одесса: Гор. тип., 1840. С. 11; Желтухина О.А. Романовы в Бахчисарае. Севастополь: Библекс, 2005. С. 8.

² [Сафонов С.В.] Описание пребывания императорской фамилии в Крыму. С. 11.

³ ГАРК. Ф. 727. Оп. 2. Д. 2. Л. 5.

⁴ ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 150. Л. 1.

Общины караимов Крыма и Ближнего Востока были тесно связаны и делами филантропического характера: одна из наиболее зажиточных караимских общин в Российской империи, евпаторийская, оказывала всевозможную помощь единоверцам за рубежом. Так, весной 1912 г. в соответствии с завещанием умершего евпаторийского караимского солепромышленника и мецената А.М. Гелеловича, на содержание феодосийской, симферопольской и иерусалимской кенас было выделено по тысяче рублей¹.

Еще одна страница в истории караимов связана с Первой мировой войной. После принятия в 1915 г. «Положения Совета Министров о прекращении землевладения и землепользования австрийских, венгерских или германских выходцев в приграничных местностях» и согласно определению, принятому Таврическим Губернским правлением на заседании 27 февраля 1916 г., на полуострове началась ликвидация немецкого землевладения, что в итоге привело к резкому снижению уровня экономики и сельского хозяйства в губернии. У караимских духовных лидеров эта сложная внутривнутриполитическая ситуация вызывала серьезные опасения в связи с тем, что на территории Российской империи проживало около 50 семей караимов-турецкоподданных, осуществлявших в Крыму и за его пределами торговые и промышленные операции. Поэтому ТОКДП 18 мая 1915 г. направило телеграфное ходатайство высшим сановникам Российской империи: министру внутренних дел Н.А. Маклакову, председателю Совета министров И.Л. Горемыкину, министру финансов П.Л. Барку с тем, чтобы уравнивать караимов в правах жительства и торгово-промышленной деятельности с греками и армянами-турецкоподданными, а также со славянами союзных с Россией государств. В качестве аргумента и.о. гахама старший газзан С.М. Нейман приводил сведения о том, что эти караимы издавна проживали в России; многие из них состояли в браках с русскими: некоторые не владели «даже другим языком, кроме русского <...> все эти лица связаны материальными и духовными узами только с нашей родиной, а главное, все они безусловно лояльны и никогда ни в чем предосудительном замечены не были». В противном случае, как утверждал С.М. Нейман, всем этим семьям грозило полное разорение. Поддержать это ходатайство и.о. гахама уполномочил членов петроградской караимской общины и лично М.С. Мангуби². Однако ДДДИИ МВД в отношении от 22 июня 1915 г. сообщил,

¹ Хроника текущей жизни. Евпатория. Смерть А.М. Гелеловича. Завещание А.М. Гелеловича // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 8–9, январь–февраль. С. 116, 117.

² ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1274. Л. 8, 9, 10, 11.

что ходатайство С.М. Неймана Советом министров было «оставлено без последствий»¹.

Что касается артефактов, относящихся к истории и культуре караимов и хранящихся в музейных коллекциях, то среди немало экземпляров, иллюстрирующих связь Крыма с ближневосточными странами. Взаимовлияние регионов отразилось в предметах обихода, одежды, мебели и пр. Предметы этнографической части караимской коллекции ГБУ РК «БИКАМЗ» представлены, в основном, различными видами изделий из орнаментированной ткани. По словам известного исследователя 1920-х – 1930-х гг. П.Я. Чепуриной, «в эпоху крымских ханов обучение орнаментному шитью являлось уделом не только женщин, но и мужчин. Вышивальщики – “казасы” – составляли даже зарегистрированные цехи ремесленников»². Они занимались такими сложными и трудоемкими видами работ, как изготовление чепраков для лошадей, походных палаток для ханов, больших, т.н. «пристенных» подушек диванов (*чатма йастыкъ*) для ханского дворца в Бахчисарае (вдоль стен комнат дворца располагались диваны, на которых сидели члены совета, «Дивана», приближенные хана). Из числа караимских женщин-вышивальщиц и ткачих в конце XVIII в. известностью пользовалась дочь Моше Йерушалми Мурат (Армянский Базар (?) – 1773 г., Чуфут-Кале). По утверждению караимского газзана Б.С. Ельяшевича, она занималась «выработкой разного рода изящных тканей и вышивок «чичитов» для облачения караимского духовенства во время молитвы»³.

Среди жителей Крыма было широко распространено орнаментное шитье *каснак* («тамбурная» техника шитья, от формы круглых пялец), на которых выполнялся этот вид шитья на Ближнем Востоке до конца XIX в. Крымские караимы постоянно взаимодействовали с единоверцами из Ближнего Востока (в частности, с караимами Дамаска и Багдада)⁴, и «зачастую заказывали там для своих молитвенных домов такие ковры»⁵. Еще одним видом декоративного шитья являлось аппликационное, получившее наибольшее распространение среди крымских татар-жителей Южного Берега, а также у караимов и армян Крыма. Эта техника применялась для выделки ковров, которыми покрывали стены комнат, полы

¹ Там же. Л. 12.

² Чепурина П.Я. Орнаментальное шитье Крыма. М.-Л.: Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1938. С. 38.

³ Ельяшевич Б.С. Караимский библиографический словарь (с конца VIII – до 1960 г.). Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры». М., 1993. Вып. XIV. Кн. 2. С. 55.

⁴ Morelowski M. Tkaniny Ludowe Karaimskie a sprawa pochodzenia Karaimow krymskich i polskich // Mysl karaimska Wilno, 1934. Zeszyt 10. S. 44–47.

⁵ Чепурина П.Я. Орнаментальное шитье Крыма. С. 40.

в кенасах. Орнаментальное шитье *пул* (при этой технике металлические блески серебра или золота нашивались на предмет по начерченному заранее узору) использовалось при изготовлении *марама* (покрывал для невест), *фесов* (мужских и женских шапочек с украшениями), *кисе* (кисетов). По словам П.Я. Чепуриной, шитье жемчугом и бисером было «чрезвычайно распространено среди состоятельных татар и караимов»¹.

К 1930-м гг. в «Караимском отделе» Бахчисарайского музея была собрана довольно обширная этнографическая коллекция (о ее составе можно судить по сохранившимся фотонегативам – ГБУ РК «БИКАМЗ», КП-4291/885, КП-4292/886, КП-4293/887, КП-4294/888, КП-4295/889, НВ-11505, НВ-11506). Так, например, в экспозиции отдела были представлены: три женских *кырхи*, или *салтамарки*², детская рубаша с косым воротом (*кольмек*, *кулек*), молитовный шарф (*чичит*), *кисет*, детская колыбель (*бешик*)³, три ковра (*килим*), большой металлический поднос (*сини*), металлическая миска (*тепси*), деревянный диван (*сэт*)⁴, пристенные подушки (*чатма йастык*), покрывала на подушку, а также несколько *бахча*⁵. Однако сегодня в фондах ГБУ РК «БИКАМЗ» в описи числятся только ковер ручной работы, столик, люстра и стол. Причем относительно ковра (КП-3051/760) при проведении сверки работниками музея было выяснено, что экземпляр, хранящийся ныне в коллекции ГБУ РК «БИКАМЗ» (ранее записанный как предмет имущества Дома для приема гостей в Чуфут-Кале), не аутентичен, а его внешний вид и размеры не совпадают с имеющимся описанием. Очевидно, что этот экземпляр коллекции был заменен другим ковром, однако сведений о том, когда именно это произошло, нет.

Как сообщал директор Бахчисарайского музея У.А. Боданинский, в начале 1927 г. из музейного фонда в основную коллекцию поступила (в порядке обмена на новейшие ковры) партия старинных *килимов* – ковров без ворса. Общей их особенностью являлись схематические растительные и бытовые мотивы, а преобладающей цветовой гаммой – интенсивный темно-синий бархатный, желтый, «рыжий» и коричневый цвета. Присутствовали на рисунках

¹ Там же.

² *Кырха*, *салтамарка*, *марка* – женский короткий пиджак или куртка с широким рукавом без пуговиц; шились, как правило, из темно-синей, темно-зеленой, темно-красной или коричневой, чаще всего кофейного цвета ткани (в основном, бархата), и вышивалась золотыми нитями сложным растительным или геометрическим узором; края рукавов и воротник оторачивались мехом.

³ Согласно караимским обычаям, детскую люльку крепили только деревянными гвоздями.

⁴ Такие *сэты*, как правило, имели 2 м в длину и 1 м в ширину, и стояли на небольших (8–10 см) ножках, без спинок. *Сэты* накрывали *мандаром* (тюфяком, набитым овечьей шерстью), а сверху – ковром, вдоль стен обкладывали подушками, также набитыми овечьей шерстью. В ящики *этов* днем убирали постельные принадлежности. Жители Бахчисарая *сэттом* также называли глиняное возвышение, тянущееся на высоте 18 см вдоль внутренней части стен дома.

⁵ *Бахча* (бохча, бакча, бакша) – отрез ткани в форме квадрата (салфетка, шаль, узел), в которую заворачивали одежду, белье и пр.

ковров и полутона: бирюзовый, розовый, зеленый, кремовый с светлым тоном самой белой шерсти. Окраска *килимов* производилась растительными минеральными и животными красками¹. Часто в орнаментальном рисунке ковров встречалось сочетание античного рисунка *меандра* с характерной закавказской и среднеазиатской ковровой деталью – *гюль* («розой»), изредка трансформированной по краям в крутые и сильно выдающиеся завитки *кыс*, или *кыш* («краб»)². Судя по фотонегативу с изображением войлочных ковров, использовавшихся в кенасе Чуфут-Кале (КП-5076/118), а также фотонегативам с экспозиций «караимской комнаты» Музея Тюрко-татарской культуры (КП-4291/885, КП-4293/887), где также хорошо видны три ковра, можно констатировать, что все они были выполнены в той же технике, с чередованием геометрического (большие и малые ступенчатые ромбовидные фигуры, некоторые из них – вписаны в квадраты) и растительного орнаментов (стилизация тюльпана, розы); орнаментальные композиции – «бесконечно» продолжающиеся, без выделенного центра. При этом орнаментальные композиции на коврах из «караимской комнаты» имели ярко выраженный растительный орнамент: фитоморфные композиции с выделенным центром в обрамлении повторяющихся растительно-геометрических узоров (Рис. 3).

Ярким образцом ближневосточного искусства является *йастыкъ усту*, покрывало для диванной подушки (Турция (?), XIX в. КП-2678/Т678; в БИКЗ поступила из Эрмитажа в 1973 г.) (Рис. 4). В экспозиции ГБУ РК «БИКАМЗ» она была идентифицирована, как караимская вышивка (сукно, шелк, тамбурный шов; 58 x 59). Орнаментальный сюжет характерен для ближневосточного региона: по центру квадратной покрывала вписан квадрат меньшего размера с насыщенным орнаментальным сюжетом, восходящим к арабеске (средневековым мотивам искусства мусульманских стран). В основе орнамента – пространственное развитие повторяющихся групп орнаментальных геометрических мотивов, совмещенных с фитоморфными элементами. Присутствует многократное ритмическое наложение однородных форм, что создает впечатление запутанного прихотливого узора.

Из мебели, предметов интерьера и обихода в караимской части коллекции ГБУ РК «БИКАМЗ» имеется *курсю*, шестигранный столик из орехового дерева, инкрустированный вставками из белой кости, перламутром, черепахой, костью и рогом (легенда – из имущества Дома для

¹ Боданинский У.А. Производство шерсти у крымских татар // Крым. М.-Л.: Госиздат, 1924. № 1 (6). Вып. 2. С. 65–75.

² Чепурина П.Я. Татарская вышивка // Культура и искусство. М., 1936. № 2. С. 103–105; Желтухина О. Амальгама природы: искусство вышивки крымских татар // Qasevet. 1998. №1 (26). С. 8–12.

приема гостей в Чуфут-Кале; 66 x 64) (Рис. 5, 6). Такие столики (всего в коллекции ГБУ РК «БИКАМЗ» имеется 26 экземпляров) использовались, как правило, для размещения на них осветительных приборов, или же для сервировки¹. В стилевом отношении имеющийся в коллекции экземпляр изготовлен в традициях турецких мастеров (возможно, имеет турецкое происхождение); сама столешница выполнена в форме декагона, а проемы ножек представляют собой стилизованные ориентальные арки с колоннами. Сюжет на внешних поверхностях столешницы и ножек состоит из фигур двух основных типов орнамента – геометрического (*гириха*) и растительного (*ислими*), элементы которого (квадраты, ромбы, треугольники, стилизованные лилии и др.) вписаны в окружности и многоугольники разных диаметров; непосредственно для сюжета, центром которого является вписанная в сложносоставные окружности (выполненные из многочисленных геометрических фигур и растительных элементов) орнаментальная композиция (цветки «нар», или граната), использован метод многократного наложения и переплетения многоугольников, что является отличительной чертой такого рода изделий².

В богослужебной практике караимскими священнослужителями в кенасах использовались ритуальные и декоративные светильники. В фондах ГБУ РК «БИКАМЗ» хранится несколько подобных экземпляров, причем на одном из них (он представляет собой центральную часть бронзовой люстры из кенасы Чуфут-Кале) имеется посвятельная надпись на иврите. На бронзовом центральном фигурном стержне люстры, в верхней части есть фигурное кольцо для крепления к потолку; нижняя часть округлой формы, с литым орнаментом, по периметру нанесены волюты и розетки. В верхней части бронзового шара по окружности в два ряда надпись на иврите: «Этот храмовый светильник пожертвовал в святую общину Кырк-Йера почтенный учитель наш рав Авраам Рофэ Иерусалимский, образованный, который приобрел ее для того, чтобы вспоминали его имя. Потому что нет у него сына, и чтобы зажигал шамаш свечи этого светильника в новомесячье и в праздничные дни. Сегодня в день шестой, в седьмой день месяца адара в год “БЛАЖЕННЫ те, кто хранит правосудие и творит справедливость ВО ВСЯКОЕ ВРЕМЯ” по малому счислению». Дата записана хроностихом, при этом слова «БЛАЖЕННЫ» и «ВО ВСЯКОЕ ВРЕМЯ» означают 1823 г. (датировка и перевод В.А. Ельяшевича). (Рис. 7, 8).

¹ Алташкина О.Н. Изящные столики под узорчатыми крышками // Восточная коллекция. М., 2014. № 4(59). С. 108–112.

² Там же. С. 108, 109.

Наконечник стержня выполнен в виде рифленого стаканчика. Вдоль стержня три фигурных выступа, верхний – в форме распутившегося цветка, средний и нижний – с зубцами и квадратными отверстиями. Стержень люстры – сборный, состоит из металлических насадок, которые крепятся к нему в нижней части по периметру. Подобные люстры являлись важным атрибутом в кенасах караимов, многие из них были пожертвованы благочестивыми прихожанами.

В фондах Крымского этнографического музея (ГБУ РК «КЭМ») собраны предметы, относящиеся к повседневному быту караимских семей; большинство из них датировано концом XIX – серединой XX вв. Среди них значительную часть составляют предметы, приобретенные музеем в начале 1990-х гг.; некоторые экземпляры были преданы в дар непосредственно от членов караимских семей Симферополя и Евпатории. Значительную часть караимской коллекции музея составляют предметы повседневного обихода, кухонная и столовая утварь. Например, среди экземпляров, собранных в коллекции, имеется традиционная посуда для приготовления и подачи блюд, бытовавшая как в караимских семьях, так и в семьях крымских татар, греков, армян и пр. Это – традиционные медные кованые сковороды-тазы (*тава*), казаны, большие круглые и квадратные подносы (*сини*), медные тазы (*леген*), кувшины (*гугум*, *куман*), кофеварки (*джезве*) и пр. Подавляющая часть этих предметов изготовлена в Крыму местными ремесленниками.

В собрании «Центрального музея Тавриды» (ГБУ РК «ЦМТ») также хранятся несколько предметов, относящихся к этнографической части коллекции караимских предметов. Так, сохранилась *бахча* (КП-14034, И-249; размеры 71х71 см), которая, согласно карточке научного описания, была передана караимским музеем Евпатории. Как правило, подобные отрезы тканей в виде платка или салфетки использовались для завязывания в них мелких предметов. Экземпляр из фондов ГБУ РК «ЦМТ» выполнен из ткани светлого цвета, на подкладке. Орнамент – геометрический, состоит из различных фрагментов цветной ткани; по углам *бахчи* квадраты разной величины, вписанные друг в друга, в центре – стилизованный цветок из восьми ромбов в окружении вписанных один в другой квадратных разноцветных фрагментов. По углам *бахчи* имеются металлические кольца (очевидно, вторично использовались для других целей; возможно, для подвешивания на стену в виде ковра).

Что касается предметов религиозного культа и убранства караимских кенас, то здесь ближневосточное влияние ярко иллюстрируют *парохеты*, или алтарные завесы. Большинство имеющихся сегодня в коллекции ГБУ

РК «БИКАМЗ» *парохетов* ранее составляли имущество кенас Бахчисарая и Чуфут-Кале. Орнамент, вышитый на них, имеет вид фитоморфного узора, перемежающегося графическими линиями и фигурами (в часть таких геометрических фигур вписаны симметрично повторяющиеся детали растительного орнамента). Рисунок на *парохетах* вполне традиционен для этого вида караимских культовых артефактов и представлен такими сюжетами, как: бутоны роз, гвоздик, мальвы (отдельные цветы и букеты в стилизованных вазах), плоды растений (вероятнее всего, миндаля или *бадема*)¹, виноградная лоза (символ плодородия). Что касается сочетания в декоре орнамента и текстуальной части, то близкие аналогии можно найти в т.н. «мавританском» стиле *мудехар*, в котором строки стихов из Псалмов чередуются с декоративными растительными виньетками². Материал, из которых изготовлены *парохеты* – атлас, домотканый холст, шелковые цветные, серебряные и золоченые нити, канитель, бахрома. В сочетании с желтым, зеленым, синим, малиновым цветом атласных вставок ткани, положенной на более плотную основу (как правило, это сукно серого цвета) вышеприведенные характеристики дают основание предполагать, что *парохеты* имеют не только крымское, но и турецкое, а также ближневосточное происхождение (например, *парохет* КП-260/167 из коллекции ГБУ РК «БИКАМЗ») (Рис. 9, 10).

Таким образом, рассмотренные материалы позволяют утверждать, что и в период существования Крымского ханства, и после присоединения Крыма к России в 1783 г. деловые и частные контакты между представителями крымских караимских общин и единоверцами из стран Ближневосточного региона продолжали сохраняться. Различные артефакты и документы, свидетельствующие о подобном взаимовлиянии, сохранились в архивах и в музейных коллекциях. Собранные в них экземпляры представлены предметами религиозного культа и утварью караимских кенас, ранее составлявших имущество молитвенных домов Чуфут-Кале, Бахчисарая и, возможно, Евпатории. Среди экспонатов следует указать на парохеты (алтарные завесы), которые использовались в богослужебной практике караимов, осветительные приборы, книги и рукописи. Техника изготовления этих предметов свидетельствует об их местном, крымском, а также о турецком происхождении. Орнаментальные украшения парохетов и

¹ Бадем – один из наиболее распространенных сортов крымского раносозревающего тонкокорого сорта лесного ореха, с длинными, несколько сплюснутыми плодами. Помимо этого, «badem» в переводе с турецкого языка означает «миндаль», который является символом супружеского счастья.

² Следует заметить, что здания большинства караимских кенас, построенных в XIX – начале XX вв. на территории Российской империи, отличались ярко выраженным эклектизмом, и сочетали в себе мавританский, византийский и готический стили – типичным примером такого эклектизма являются здания кенас в Симферополе, Киеве, Евпатории, Бердянске.

светильников имеют не только декоративное, но и глубокое символическое значение, и основываются на сюжетах из книг Ветхого Завета. Архивные документы отражают степень частоты и характер контактов караимов Крыма и Османской империи в XVIII – XIX вв. Язык документов – иврит, караимский (т.н. «караимская скоропись») и русский; в ряде случаев прочтение документов затруднено неудовлетворительным состоянием чернил, которыми они были написаны, и ветхостью бумаги. Полный их перевод и введение в научный оборот позволят заполнить многие имеющиеся на сегодняшний день лакуны в истории одного из древнейших народов.

Список сокращений:

БИКЗ – Бахчисарайский историко-культурный заповедник

ГБУ РК «БИКАМЗ» – Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник»

ГБУ РК «КЭМ» – Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Крымский этнографический музей»

ГБУ РК «ЦМТ» – Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Центральный музей Тавриды»

ГКУ РК ГАРК – Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым»

ИТОИАиЭ – Известия Таврического Общества истории, археологии и этнографии

ТОКДП – Таврическое и Одесское караимское духовное правление

ТОИАиЭ – Таврическое Общество истории, археологии и этнографии

Библиография:

А.Ш. О караимах, преимущественно живущих в Евпатории // Новороссийский календарь на 1839 год. Одесса, 1838. С. 179–182.

Акчокраклы О.[Н.А.] Новое из истории Чуфут-Кале // Известия ТОИАиЭ. Симферополь, 1928. № 2. С. 158–172.

Алпашкина О.Н. Изящные столики под узорчатыми крышками // Восточная коллекция. М., 2014. № 4(59). С. 108–112.

Анкори Цви. Крымские караимы и хазары (из книги «Происхождение караимов в Византии») // Вихнович В.Л. Караим Авраам Фиркович: Еврейские рукописи. История. Путешествия. 2-е изд. СПб.: Академия исследования культуры, 2012. С. 255–304.

Ахиезер Г. Потерянные колена, фарисеи и потомки хазар. Истоки современной караимской идентичности в Восточной Европе // *Saraimica: Quarterly Review / International Institute Of The Crimean Karaites*. Слипери-Рок, США – Симферополь, Украина, 2008. Вып. 5. С. 48–53.

Ахиезер Г. Завоевание Крыма Российской Империей глазами караимских хронистов. Иерусалим; М.: Гешарим/Мосты культуры, 2015. 240 с.

Барон С. Социальная и религиозная история евреев; пер. Гопман В. [в 18 т.] Т. III: раннее Средневековье (500–1200): наследники Рима и Персии. М.: Текст, 2014. 356, [2] с.

Боданинский У.А. Производство шерсти у крымских татар // Крым. М.-Л.: Госиздат, 1924. № 1 (6). Вып. 2. С. 65–75.

Вихнович В.Л. Евреи страны Кедар // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1996. № 10. С. 196–208.

Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 241. Оп. 1. Д. 1.

ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 150.

ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1274.

ГАРК. Ф. 727. Оп. 2. Д. 2.

Ельяшевич Б.С. Караимский библиографический словарь (с конца VIII – до 1960 г.). Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры». М., 1993. Вып. XIV. Кн. 2. 238 с.

Желтухина О.А. Романовы в Бахчисарае. Севастополь: Библекс, 2005. 48 с.

Желтухина О. Амальгама природы: искусство вышивки крымских татар // *Qasevet*. 1998. №1 (26). С. 8–12.

Кая И.С. По поводу одной крымчакской рукописи // ИТОИАиЭ. Симферополь: 1-я Гостиполитография «Крымполиграфтреста», 1927. Т.1 (58). С. 100–105.

Кеппен П. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических (Крымский сборник). СПб.: тип. Императорской Академии Наук, 1837. 366, [2] с.

Кизилов М.Б. Свидетельства путешественников как источник сведений по изучению этнической истории, традиционной культуры и быта крымских караимов в 18–19 вв. // Материалы Седьмой Ежегодной

Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2000. С. 306–315.

Кизилов М. Крымская Иудея: Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен и до наших дней. Симферополь: Доля, 2011. 340 с.

Кругосветное странствие Рабби Петахии Регенсбургского (пер. П.В. Марголина) // Три еврейских путешественника. М.: Мосты культуры, 2004. С. 263–330.

Леви [Леви-Бабович] Т.С. Вениамин-Ага // Караимское слово. Вильна: тип. Бр. Яловцер, 1914, декабрь. № 6. С. 8–10.

Ливанов Ф.В. Чуфут-Кале (иудейская крепость) в Крыму. С присоединением малоисследованной еще в России секты караимов. Составлено и издано для путешественников. М.: тип. «Современные известия», 1874. 66 с.

Миреев В.А., Абрагамович Н.Д. Язык караимов Западной Украины. Ч. I. Краткий очерк. Симферополь – Полевской – Слиппери Рок: 2008. 99 с.

Миреев В.А., Абрагамович Н.Д. Язык караимов Западной Украины Ч. II. Караимско-русско-украинско-английский словарь. Симферополь – Полевской – Слиппери Рок: 2008. – б/п.

Мусаев К.М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964. 344 с.

[Пигит С.Ш.] Дни минувшие...: Из воспоминаний С.Ш. Пигита [Пер. с древнеевр. И. Круглевич] // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 8–9, январь-февраль. С. 58–64.

Письма императора Иосифа II к фельдмаршалу графу Ласси во время путешествии в Херсон и Крым в 1787 году // Русский архив. 1880. Кн. 1. С. 356–372.

С.П. [Познанский С.] Ага, Вениамин бен-Самуил // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем; Под ред. Каценельсона. СПб.: изд-ие Общ-ва для научных еврейских изданий и изд-ва Брокгауз и Ефрон. Т. I: А–Алмемар. Стлб. 382–383.

[Сафонов С.В.] Описание пребывания императорской фамилии в Крыму в сентябре 1837 года / Сост. С. Сафоновым. Одесса: Гор. тип., 1840. [4], 83 с.

Хроника текущей жизни. Евпатория. Смерть А.М. Гелеловича. Завещание А.М. Гелеловича // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 8–9, январь-февраль. С. 116–117.

Чепурина П.Я. Татарская вышивка // Культура и искусство. М., 1936. № 2. С. 103–105.

Чепурина П.Я. Орнаментальное шитье Крыма. М.-Л.: Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1938.

Шапира Д. Евреи в Северном Причерноморье от древности до раннего Средневековья // История еврейского народа в России: от древности до раннего Нового времени / Под ред. А. Кулика. Т. 1: От Древности до раннего Нового времени. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2009. С. 13–43.

Ankori Z. Karaites in Byzantium: The Formative Years, 970–1100. New York-Jerusalem, 1959. 546 p.

Morelowski M. Tkaniny Ludowe Karaimskie a sprawa pochodzenia Karaimow krymskich i polskich // Mysl karaimska. Wilno, 1934. Zeszyt 10. S. 44–47.

Szapszał S. Słów kilkao książętach karaimskich Czelebi i ich działalności oświatowej // Mysl Karaimska. – Wilna, 1936. Z. II (1935–1936). S. 8–11.

**КРЫМ НА КАРТАХ «КНИГИ РОЖЕРА» (СЕР. XII В.)
И КАТАЛОНСКОМ АТЛАСЕ (1375 Г.)**

V. Prudnikov

**Crimea on the Maps of the «Book of the Roger» (mid. XII Century.)
and Catalan Atlas (1375)**

Прошло немногим более ста лет с того момента, когда горстка норманнских рыцарей во главе с старшими братьями рода Готвилей (итал. Альтавила) приступили к завоеваниям владений Византии в Апулии. К концу XI в. младшие братья Роберт Гвискар и Рожер стали правителями Южной Италии и Сицилии. Норманнская экспансия покатила дальше на Восток: в Малую Азию и Ближний Восток. В 1130 г. все владения норманнов в Италии были объединены под властью короля Рожера II сына первого графа Сицилии Рожера Альтавила.

Сицилийское королевство стало домом не только для норманнов и «трансальпийцев» (как тогда называли всех пришельцев из-за Альп). В мире и процветании в нём жили разные народы (арабы, евреи, греки-византийцы, лангобарды и др.), принадлежавшие к различным вероисповеданиям (мусульмане, иудеи, христиане).

Не удивительно, что именно при дворе норманнских королей возникло уникальное для своего времени произведение, получившее мировую известность как «Книга Рожера» (лат. «Tabula Rogeriana», араб. «ал-Китаб ар-Руджжари»), которое так же хорошо известно под арабским названием «Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак» (Отрада страстно желающего пересечь мир). Труд составил по настоянию Рожера II знаменитый арабский учёный ал-Идриси.

Ал-Идриси принадлежал к знатному роду и вёл своё происхождение от внука пророка Мухаммада. Местом его рождения в 1100 г. была Сеута в мусульманской Испании. Он получил образование в Кордове и очень много путешествовал, прежде чем прибыл в Палермо, где более двадцати лет он

провёл при дворе норманнских королей Сицилии, из которых пятнадцать лет он потратил на составление «Книги Рожера».

Данная работа стала первой попыткой в средневековой историографии выйти за пределы античной традиции и легендарных представлений, и получить реальные сведения по географии всего известного на тот момент мира. На сбор информации тратились ресурсы королевства, проводился опрос купцов и путешественников, на запад и восток отправлялись эмиссары с целью проверки и уточнения полученных данных.

По утверждению ал-Идриси и ас-Сафади, основная роль по организации сбора и обработки сведений принадлежала непосредственно Рожеру II, который в совершенстве владел греческим и арабским. Он лично знакомился с уже имевшимися географическими и историческими сочинениями, пока не признал их непригодность; беседовал со учёными людьми, рассылал их по различным странам и направлениям, а затем сам проверял полученные ими сведения. По итогам проделанной работы он приказал отлить серебряный диск (планисфера весом 150 кг.) и изобразить на нём все семь климатов, на которые была разделена карта мира. По его поручению были созданы карты на бумаге. В то же время, труд ал-Идриси являлся не просто комментариями к составленным картам, а был во многом уникальным сводом различных данных.

К сожалению, серебряный диск и многие карты оказались утрачены после смуты в сицилийском королевстве в марте 1161 г. Всего сохранилось около десяти списков сочинения «Книги Рожера». Две из них, которые считаются наиболее древними (XIV в.) и полными, которые хранятся в Национальной библиотеке Франции.

В отечественной науке очень рано осознали важность сведений, содержащихся в «Книге», для изучения истории России и Крыма. В работах, затрагивающих отдельные проблемы истории Северного Причерноморья и Крыма их использовали Н.М. Карамзин, Ф.К. Брун, А.Я. Гаркави, Б.А. Рыбаков, В.М. Бейлис, И.Г. Коновалова, Т.М. Калинина и др.

И.Ю. Крачковский писал: «изучение ал-Идриси уже с начала XX в. показала, что исследование его текста нельзя отрывать от анализа второго важного результата работы – карт»¹. Ту же мысль, только со ссылкой на ал-Идриси, высказал А. Макбул: «From this it is clear that a genuine integration of map and text was envisaged throughout the work, and that al-Idrisi fully appreciated the particular value of maps in communicating geographical information»². Соотношение текста и карт до сих пор является спорным в

¹ Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. М., 2004. С. 292.

² Maqbul, S. Ahmad. Cartography of Ash-Sharīf al-Idrīsī. P. 163.

науке. Установление приоритета карты или текста для каждой области должна производиться отдельно¹.

Впервые систематическое изучение карт стал проводить польский исследователь И. Лелевель. Он составил атлас средневековой картографии, в котором представил отрывки из карты ал-Идриси и отображались вторая и шестая секции шестого и седьмого климатов. Наиболее полная версия карты мира из «Книги Рожера» была опубликована К. Мюллером. К. Пинто в «Исследовании средневековых исламских карт» утверждает, что на сегодняшний день издание К. Мюллера является наиболее полным и обширным, хотя и не лишённым в значительной степени ошибок с датировками и передачей арабской транскрипции².

К. Пинто справедливо полагает, что «Книга Рожера» не является образцом средневековой исламской картографической традиции, т.к., во-первых, не сохранилось ни одного списка XII в. А во-вторых, работа ал-Идриси отражает восприятие мира скорее сицилийских норманнов, чем мусульман той эпохи³.

А.Я. Гаркави в статье «Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе» отмечал необходимость не только критического издания текста ал-Идриси, но и картографического материала: «Большим пособием ученому, который пожелал бы взяться за такой трудъ, могла бы служить соответствующая часть большой географической карты, приложенной къ рукописному сочиненію Идриси, также недоступной в Россіи»⁴. Если первую задачу можно считать решенной, то вторая только ожидает своего решения.

Источниками для создания описания Крыма послужили сообщения византийских купцов, которые отправлялись в плавание вдоль берегов Чёрного моря из Константинополя. На картах «Книги Рожера» отсутствует как таковой Крымский полуостров и Азовское море. В то же время есть информация о пяти островах, которых в Чёрном море не существовало.

Подобные деформации полуострова на карте могут быть объяснены не столько недостатком знаний, сколько несогласованностью сведений, полученных из различных источников. «Многие сведения получались от разных информаторов, имевших различные исходные точки наблюдения, поэтому на карте некоторые области как бы перекошены и вытянуты вдоль тех путей, по которым шли в свое время путешественники, сообщавшие

¹ Там же. С. 293.

² Pinto K.C. Medieval Islamic Maps: An Exploration. P. 13.

³ Ibid. P. 23 – 25.

⁴ Гаркави А.Я. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе. С. 245.

сведения Идриси»¹. Б.А. Рыбаков делает вывод о том, что «информаторы Идриси плавали по Черному морю, не заходя в Азовское, а Керченский пролив принимали за устье реки»².

И. Лелевель рассматривал Крымский полуостров в соответствии с логикой изложения картографического материала у ал-Идриси, т.е. строго по секциям и климатам. На северном побережье Черного моря России он определил Seknimil как Каламиту итальянских портоланов, а “Kersona” вполне справедливо была представлена как средневековый Херсон³. А вслед за ним тянутся города, относящиеся к Кумании: “Djialita” (Ялта), “Garsouni” (Гурзуф), “Bertabiti” (Партенит), “Lebadha” (Ливадия), “Shalousta” (Алушта), “Scholtatia” (Судак) и “Bouter”⁴. Подобную идентификацию городов Крыма дает и К. Миллер⁵.

На сегодняшний день вопрос об идентификации городов Крыма на картах «Книги Рожера» можно считать решенным. Первым в списке городов упоминается Карсун (Херсон), за ним через тридцать миль следует Джалита (Ялта). Между Карсуном (Херсоном) и Джалитой (Ялтой) на карте указан город Малиса, который не упоминается в тексте «Книги Рожера». Б.А. Рыбаков отождествляет его с мысом Мелас⁶. Через двенадцать миль от Джалиты расположен Гурзуби (Гурзуф). За ним через десять миль располагается Бартанити (Партенит), за ним через восемь миль Лабада (Ламбат), от которого десять миль до Шалусты (Алушта), от которого двадцать миль до Султатийа (Судак), от которого двадцать миль до Бутары. Расположение последнего города точно не установлено и является спорным. Но с высокой долей вероятности было установлено, что речь в данном случае шла о месте, которое располагалось на территории современной Феодосии⁷.

Почти каждый из перечисленных городов в «Книге Рожера» снабжён каким-либо описанием. Например, Ялта является городом куманов или расположена в Кумании. Гурзуф и Алушта – многолюдные, большие города, что говорит о большом значении для черноморского региона в целом. В Партените располагались верфи, на которых строили корабли.

Вполне обоснованным выглядит предположение И.Г. Коноваловой о том, что упоминание в тексте маршрута от Трапезунда к устью реки

¹ Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси. С. 6.

² Там же. С. 14.

³ Lelewel J. Géographie du moyen âge. Т. III. Р. 172.

⁴ Ibid. Р. 196-197.

⁵ Miller K. *Maprae Arabicae*. Р. 151.

⁶ Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси. С. 19.

⁷ Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. С. 177 – 178.

Русиййу восходит к устному источнику и относится к Крыму¹. Если по устью реки след Русиййу следует понимать Керченский пролив, то под Трапезундом скрывается некий географический объект полуострова. По одной из версий речь может идти о горе Чатыр-даг близ которой в окрестностях Алушты мог располагаться одноименный населенный пункт, связанный с готами-трапезитами, или с упоминаемым Страбоном оронимом «Трапезунт»².

Таким образом, «Книга Рожера» является ценнейшим источником для изучения истории Крыма. Содержательность собранной информации указывает на огромный и далеко не праздный интерес со стороны норманнских королей Сицилии к данному региону. В существовании подобных планов не приходится сомневаться, учитывая итальянскую экспансию в Северном Причерноморье в XIII – XIV вв.

Каталонский атлас (*Atles català*, *Atlas Catalan*) поистине является уникальнейшим памятником средневековой эпохи. До сих пор невозможно точно сказать, является ли он картой мира, портуланом (морской картой) или космографией, так как органически соединяет в себе все перечисленные элементы. Изначально он располагался на шести листах пергамента, которые разрезали пополам и натянули на деревянные щиты. Впоследствии эти листы были сняты с щитов и объединили в книгу, которая по сей день хранится в Национальной библиотеке Франции (cote MSS. ESP. 30). В данный момент исследователи из любой точки мира имеют возможность изучать Атлас на сайте <http://gallica.bnf.fr>.

До сих пор в историографии нет единства по вопросу как подходить к изучению Атласа. А.Г. Юрченко считает, что невозможно воспринимать Атлас просто как карту и исследовать отдельно взятые регионы без выяснения источника сведений и замысла создателей. Подобный подход должен всячески приветствоваться, хотя и связан с большими проблемами. Очевидно, что подобную сверхзадачу всегда нужно иметь перед глазами при работе с Атласом как историческим источником, но при этом не отказываться от изучения частных вопросов, ответы на которые помогут пролить свет на более сложные загадки.

По мнению К. Миллера, что одним из источников для создания Атласа послужила «Книга Рожера» (лат. «*Tabula Rogeriana*», араб. «ал-Китаб ар-Руджжари»), которое так же хорошо известно под арабским названием «Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак» (Отрада страстно желающего пересечь мир). Труд составил по настоянию Рожера II знаменитый арабский

¹ Там же. С. 216.

² Там же.

учёный ал-Идриси. И.Ю. Крачковский отвергал возможность прямых заимствований и со ссылкой на Дж. Райта отмечал, что ни сам Идриси, ни его работа не оказали значительного влияния на Европу. В то же время влияние самой «среды, в которой он провёл цветущую пору жизни, некоторые историки географии и морского дела усматривают в том, что сицилийцы явились учителями генуэзцев в мореплавании, а от них в этом искусстве последовательно усовершенствовались испанцы, португальцы, французы и англичане»¹.

Вероятно, что к данному списку народов с полным правом можно было бы добавить и каталонцев, которые подобно норманнам-завоевателям о. Сицилия (XI в.) отвоевали у арабов о. Майорка и Минорка в XIII в. На этих островах проживало много арабских и еврейских ученых. Именно эта среда, очень напоминающая норманнскую Сицилию XII в., и послужила основой формирования оригинальной картографической школы. Как некогда Рожер II, Хуан I Арагонский пожелал увидеть сразу весь мир целиком и поручил создание Атласа двум мастерам, проживавшим в еврейском квартале Пальмы-де Майорка: Абрахаму Креску и его сыну Иегуде.

Необходимо отметить, что в отечественной историографии стало традицией считать автора Атласа «анонимом»². Данный факт не может не вызывать удивление.

По всей видимости одним из источников для создания Атласа послужили карты созданные Анджелино Дучерте (Angelino Dulcert) или Далорто (Angelino de Dalorto). Первая была составлена в Генуе и датируется 1325 г., а вторая была создана в 1339 г. уже на Майорке. Очевидно, что выходец из Генуи заложил основы Каталонской картографической школы на Майорке. Именно ему приписывается традиция изображения на картах миниатюрных изображений людей, животных и географических объектов.

Сам Анджелино принадлежал к семье Далорто, которая имела тесные связи с регионом Черного моря и Крымом. Один из Далорто был консулом Каффы и представлял интересы республики при дворе хана Узбека. Вероятно, Анджелино представлял интересы семьи Далорто на Майорке, где его фамилия приобрела новое звучание уже на каталанском языке как Дучерте.

После смерти Абрахама Креска в 1387 г. король Хуан I поручил закончить начатые карты мастеру-христианину Гуллемусу Солери (Guillelmus Soleri), который в своей работе над портоланами явился продолжателем Каталонской школы.

¹ Крачковский, И.Ю. Арабская географическая литература. М., 2004. С. 297.

² Фоменко И.К. Морская карта как исторический источник. М., 2001. С. 16.

В соответствие со сложившейся традицией Крыму уделяется довольно много внимания на страницах Атласа. В частности, относительно точно переданы очертания полуострова. Ясно различимы Тарханкутский и Керченский полуостров. Особое внимание уделено некоторым бухтам. В частности, очень схематично, но, в тоже время, очень подробно прорисована Севастопольская бухта и ее восточная оконечность, представляющая собой эстуарий р. Черной. Уже этот беглый обзор позволяет заключить, что перед нами подробная морская карта Крымского полуострова.

Хотя в 1375 г. полуостров находился под властью Золотой Орды, на Атласе в районе современной Феодосии помещен флагшток, на котором гордо реет флаг Генуэзской республики. Для обозначения полуострова в целом вместо традиционного топонима “Tavrica” в Атласе используется “Gatzar” (Газария), что снова указывает на гегемонию Генуи в Крыму.

Само изображение Крыма буквально испещрено названиями мест. Некоторые из них, как например “Soldaya” (Солдайя) или “Caffa” (Каффа) не нуждаются в представлении, на страницах Атласа они выделены красным цветом, в тоже время, многие из них идентифицировать довольно сложно. До сих пор нет ясного указания на то, что обозначал топоним “La Groxea”: поселение Гросида, которое располагалось у Бакальской косы или саму косу¹. При всей очевидности этимологии гидронима “Varangoliman” исследователи предполагают несколько вариантов расположения «Варяжской бухты»: на берегу бухты Узкая; в Ак-Мечетском заливе или в Ярылгачской бухте и прилегающих озерах². Если перевод и идентификация топонима “Caio Lo Rossofar” как «Красный маяк» на мысе Тарханкут не вызывает сомнений, то используемая в Атласе приставка “Caio” указывает на залив, что ставит вопрос о новом прочтении данного названия. Еще больше вопросов вызывает локализация на карте местности под названием “Tichnich”, которая находилась на территории современной Феодосии³.

С большой долей вероятности можно утверждать, что под названием “Salina” на карте следует понимать крупное поселение XII-XIV вв., расположенное на южном берегу Сакского озера, население которого (как об этом красноречиво говорит само название) занималось добычей соли⁴. Данный топоним помимо упоминаний в Западном Крыму дважды

¹ Гордеев А.Ю., Терещенко А.А. Топонимия побережья Чёрного и Азовского морей на картах-портланах XIV—XVII веков. Т. 2. С. 164.

² Там же. С. 163.

³ Там же. С. 157.

⁴ Там же. С. 156.

встречается в районе Перекопа, северной части устья Дуная, а его локализация подтверждается письменными источниками¹.

Хорошо поддается прочтению топоним “Calamit” (Каламита). Известно, что крепость с одноименным названием была возведена в 1427 г.² Это тем более странно, т.к. зафиксированная политическая ситуация на Атласе соответствует середине XIV в. А если брать только изображение Крыма, то речь может идти о начале XIV в. и даже о более раннем времени.

И. Лелевель³ и К. Миллер⁴ идентифицировали поселение “Saknī”, “Seknimil” на картах «Книги Рожера» с оглядкой на итальянские портоланы как Каламита. Благодаря раскопкам Е.В. Веймарна известно, что в раннесредневековый период существовало поселение в устье р. Черной практически на месте крепости известной как Каламита⁵. Если на картах «Книги Рожера» идентификация населенного пункта с таким названием выглядит крайне сомнительной, то упоминание на страницах Атласа является непреложным фактом.

Топоним “Zurzona” совершенно определенно указывает на поселение в районе современного города Севастополь. Херсонес, Херсон, Корсунь, «Карсуна» в «Книге Рожера», название этого города с богатейшей историей на картах не менялось на протяжении двух тысячелетий вплоть до Нового времени.

Значительно меньше разночтений возникает при рассмотрении топонимов Южного берега Крыма, где располагались владения генуэзцев. “Senbaro” ясно указывает на Чембало; “Laya” на поселение в долине Ласпи⁶; “Sco Dero” на поселение в районе мыса Ай-Тодор⁷; “Pangropolli” на генуэзскую крепость на территории современного Партенита⁸, “Lusta” на крепость Алустон, расположенную на территории нынешней Алушты. Не вызывает вопросов локализация топонима “Scuti”, который служил для обозначения поселения находившегося на территории современного села Приветное на берегах р. Ускути у мыса Башенный. Мало что известно о поселениях, которые на Атласе названы как “Meganon” (Меганом) и “Calitra” (совр. Коктебель).

¹ Фоменко И.К. Номенклатура географических названий Причерноморья по морским картам конца XIII—XVII вв. С. 41.

² Археология / Под ред. Б.А. Рыбакова, Ин-т археологии. М., 1981. С. 45.

³ Lelewel J. Géographie du moyen âge. Т. III. Р. 196.

⁴ Miller K. Maprae Arabicae. Р. 151.

⁵ Археология / Под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1981. С. 45.

⁶ Гордеев А.Ю., Терещенко А.А. Топонимия побережья Чёрного и Азовского морей на картах-портоланах XIV—XVII веков. Т. 2. С. 132 и сл.

⁷ Там же. С. 130.

⁸ Там же. С. 127 и сл.

На Керченском полуострове большинство поселений удастся локализовать благодаря данным археологии: "...staxi" (изв. как Конестассе, расположенное на западной части мыса Карангат)¹; "Zavida" (Завида лежит на юго-западной оконечности мыса Чауда)²; "Cipreo" (о Чипрео напоминают поселения добытчиков соли на северо-восточном склоне г. Опук)³; "Cavalari" (городище Кавалари расположено на поле между современными селами Заветное и Набережное)⁴; "Vospro" (Воспоро являлся консульской резиденцией и размещался у восточного склона горы Митридат)⁵; "Zucolay" (Дзуколаи расположено на территории села Золотое)⁶; "Pondico" (крепость Пондико размещалось в северной части античного городища Мирмекия)⁷. С другой стороны, нуждается в локализации поселение "Aspromiti" (Аспромити), которое следует искать на мысу Ак-Бурун⁸. Есть проблемы с идентификацией другого топонима: "Carcasuoi" (Каркавони), который обычно переводится с латыни как «Гнилой залив» и обозначает крепость, расположенную либо на юго-западном побережье мыса Казантип, либо в глубине одноименного залива рядом с поселками Каменское и Калиновка⁹.

Библиография:

Al-Idrisi. Opus geographicum sive "Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare studeant" / Consilio et auctoritate E. Cerulli, F. Gabrieli, G. Levi Della Vida, L. Petech, G. Tucci. Una cum aliis ed. A. Bombaci, U. Rizzitano, R. Rubinacci, L. Vecchia Vaglieri. — Neapoli; Romae, 1970. Fasc. I; 1978. — Fasc. VIII

Gaufredus Malaterra. De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius / Gaufredus Malaterra // Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani. — Bologna : N. Zanichelli, 1928. — Т. 5. — 172 p.

Археология / Под ред. Б.А. Рыбакова ; Ин-т археологии. — М. : Наука, 1981 — . — Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху

¹ Там же. С. 104.

² Там же. С. 106.

³ Там же. С. 103.

⁴ Бочаров, С.Г. Средневековое селение Кавалари на Керченском полуострове. С. 82.

⁵ Гордеев А.Ю., Терещенко А.А. Топонимия побережья Чёрного и Азовского морей на картах-портоланах XIV—XVII веков. Т. 2. С. 100.

⁶ Бочаров, С.Г. Средневековое селение Дзукалаи на Керченском полуострове. С. 144.

⁷ Гордеев А.Ю., Терещенко А.А. Топонимия побережья Чёрного и Азовского морей на картах-портоланах XIV—XVII веков. Т. 2. С. 98.

⁸ Там же. С. 101.

⁹ Там же. С. 96.

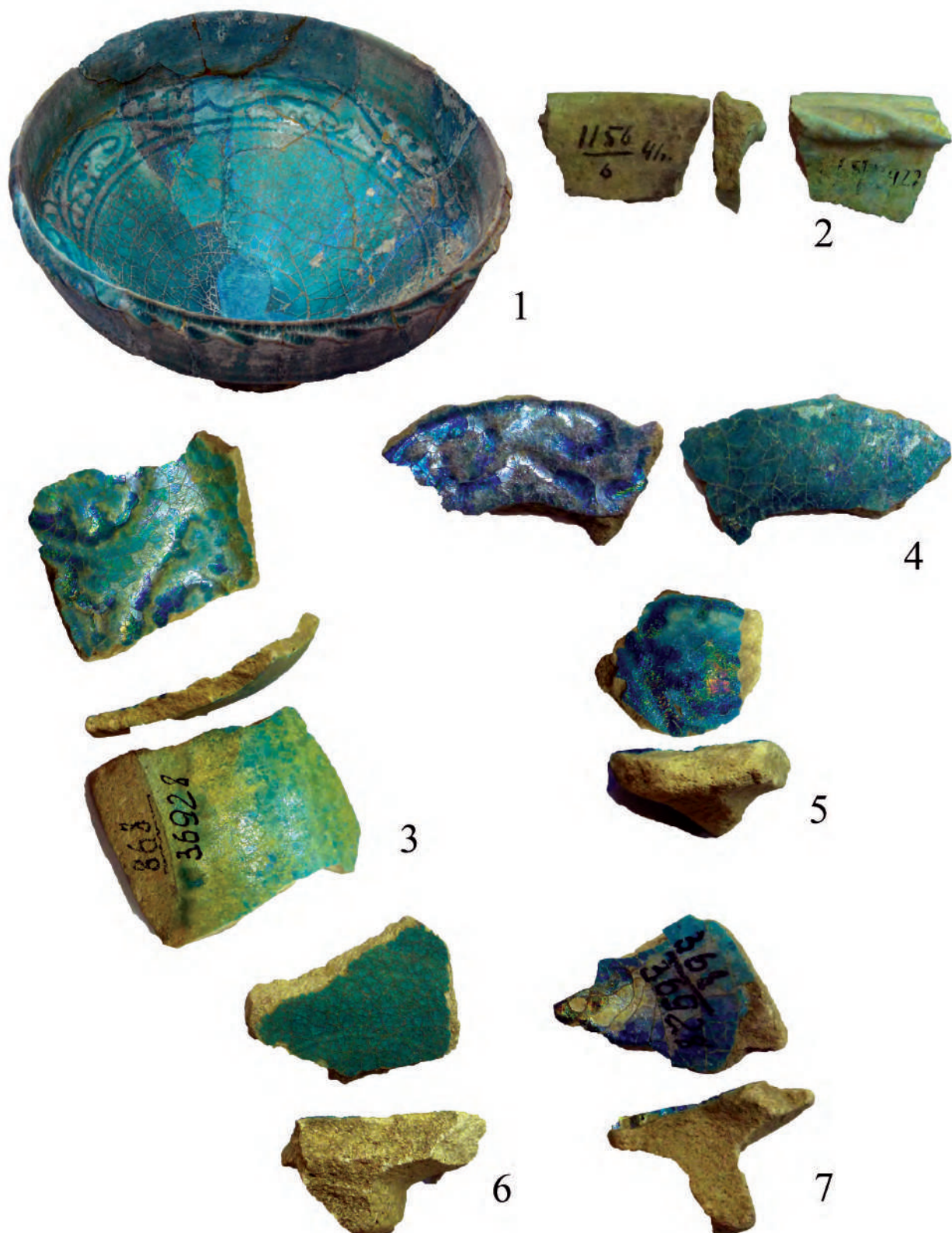

Рис. 1. Ближневосточная поливная керамика из раскопок Г.Д. Белова на Северном берегу.

Рис. 1. Изображение ал-Батихи (Меотиса) из: The History of Cartography. Chicago; London, 1992. Vol. II. Book I.: Cartography in the traditional Islamic and South Asian Society. Fig. 5.16.

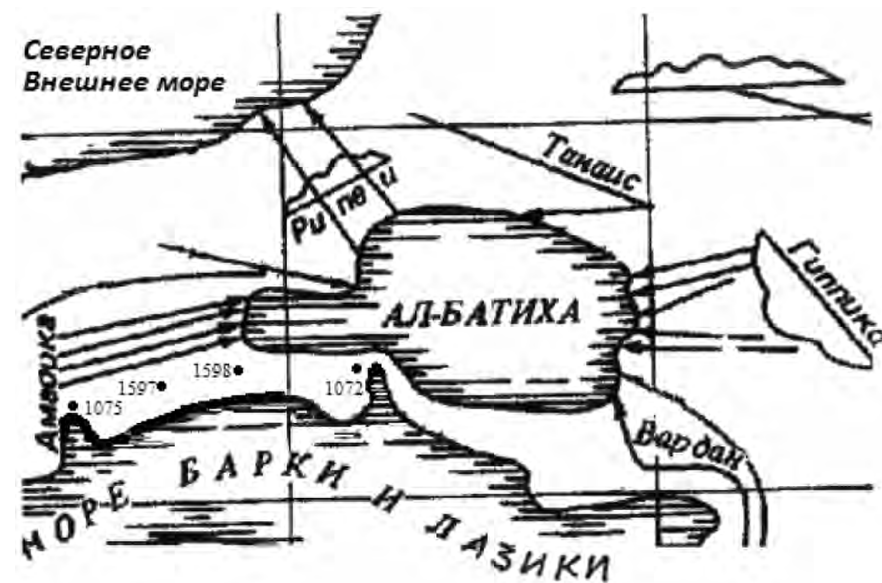

Рис. 2. Моя реконструкция части карты ал-Хорезми по его координатам. Точки 1075 и 1079 показывают границы полуострова, где точка 1079 – это замкнутый залив, не соединенный с Черным морем. Точка 1597 – это ал-Йатиз, т.е. языги; точка 1598 – это Таукия, т.е. Таврика.

Рис. 3. Фрагмент карты мира ал-Истахри, копия 1198 г.: Атлас Българските земи... С. 104–105 описание; С. 106–107 II. 21.

Рис. 4. Фрагмент карты мира Ибн Хаукала, копия из рукописи 1086 г.: Атлас Българските земи... С. 104–105 описание; С. 106–107 II. 21.

Рис. 1. Тарная и кухонная керамика из раскопок поселения Кырк-Азизлер.

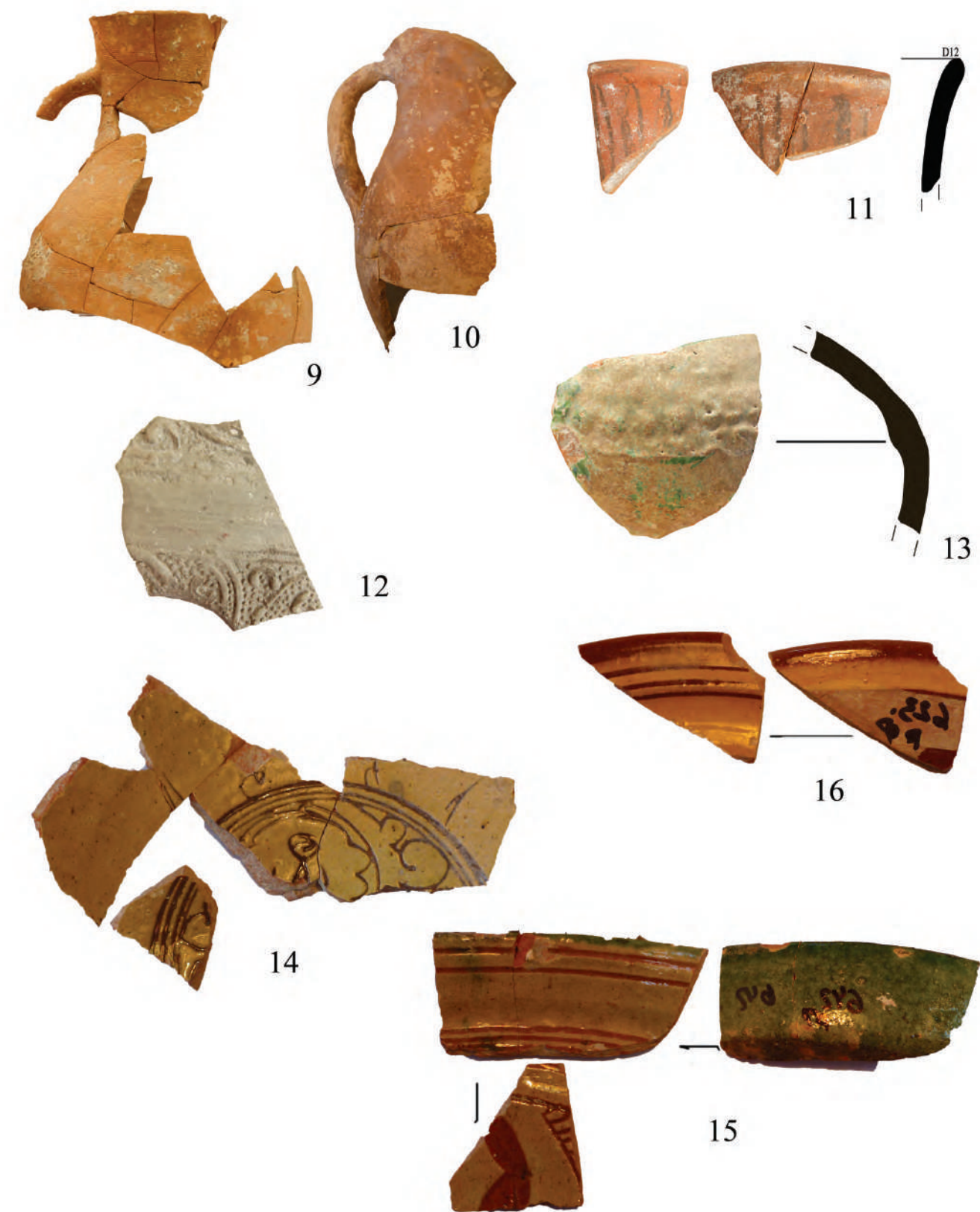

Рис. 2. Столовая простая и поливная керамика из раскопок поселения Кырк-Азизлер.

Иллюстрации к статье Д.А. Прохорова

Рис. 1. Караимский молитвенник. Венеция: Бомберг, 1528–1529 гг. ГБУ РК «БИКАМЗ», КП-9988/689. Страница с оттиском печати: «Моше бар Йосеф Ерушалми».

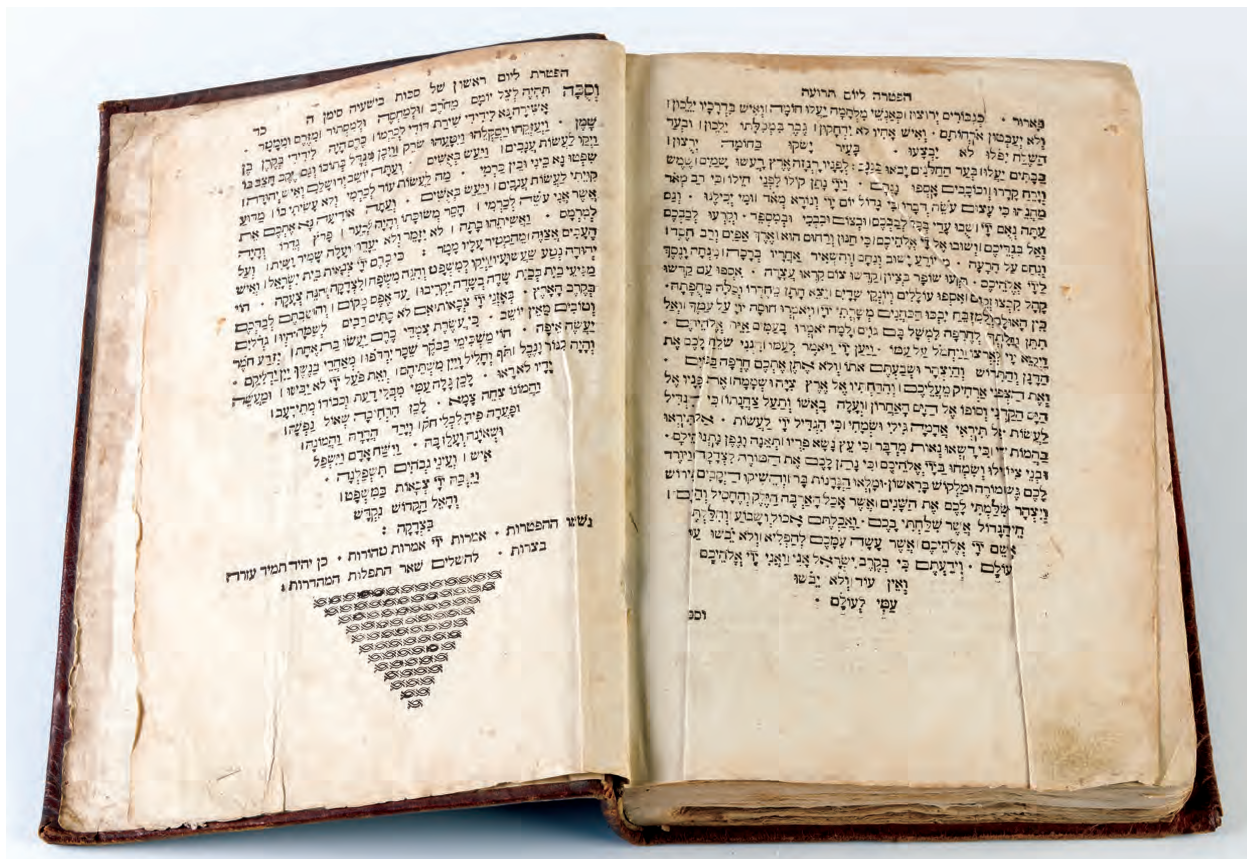

Рис. 2. Молитвенник. Кырк-Йер (Чуфут-Кале), 1804–1805 гг. ГБУ РК «БИКАМЗ» КП-4997/4.

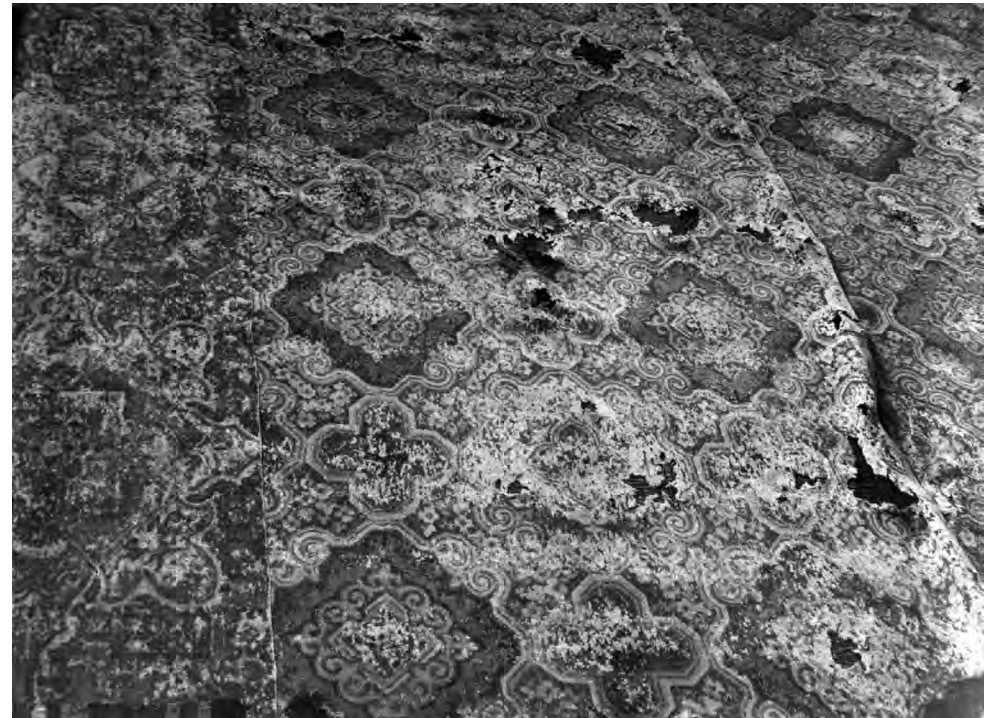

Рис. 3. Фрагмент войлочного ковра (килима) в Большой (Соборной) кенасе Чуфут-Кале. Фотонегатив. КП-5076/Ф118.

Рис. 4. Покрывка для диванной подушки (йастыкь усту). Турция (?), XIX в. КП-2678/Т678.

Рис. 5. Столик (курсю). КП-669/22. Вид сверху.

Рис. 6. Столик (курсю). КП-669/22. Вид сбоку.

Рис. 7. Бронзовая люстра из Соборной (Большой) кенасы Чуфут-Кале. НВ-11706.

Рис. 8. Бронзовый центральный стержень люстры с почитательной надписью. НВ-11706/4.

Рис. 9. Парохет. Турция (Крым?), XVIII в. КП-260/167.

Рис. 10. Парохет. Турция (Крым?), XVIII в. КП-260/167. Деталь вышивки.

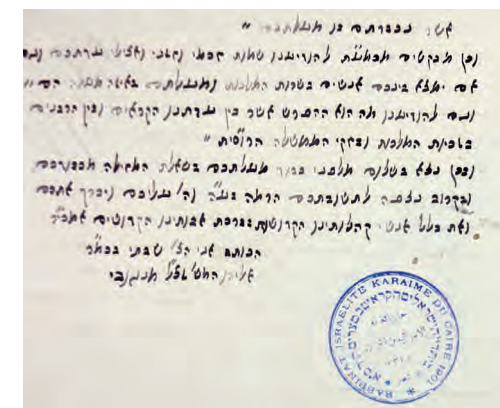
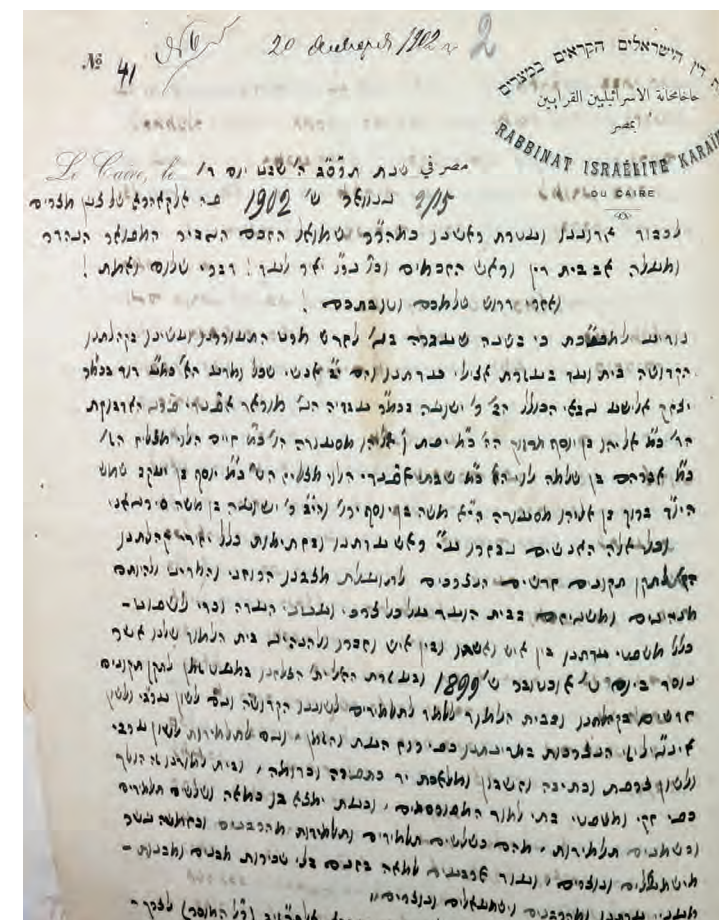

Рис. 11, 12. Фрагмент переписки Таврического духовного правления с караимами Египта с печатью местной общины (ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1866. Л. 93 об., 94 об.).

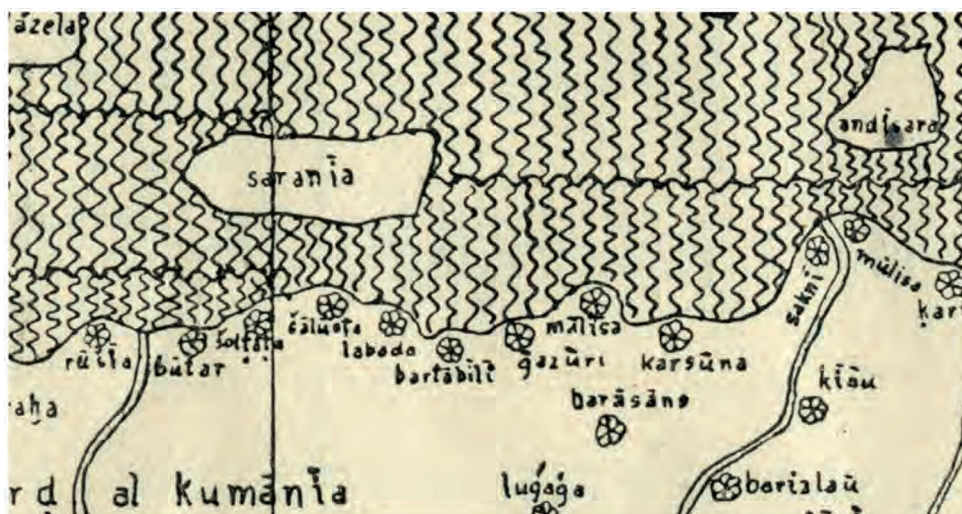

Рис. 1. Крым на картах «Книги Рожера», опубликованных К. Миллером.

Рис. 3. К. Миллер перенес приведенные в «Книге Рожера» географические объекты на современную карту Крыма.

Рис. 4. Крым на картах «Книги Рожера», опубликованных И. Лелевелем.

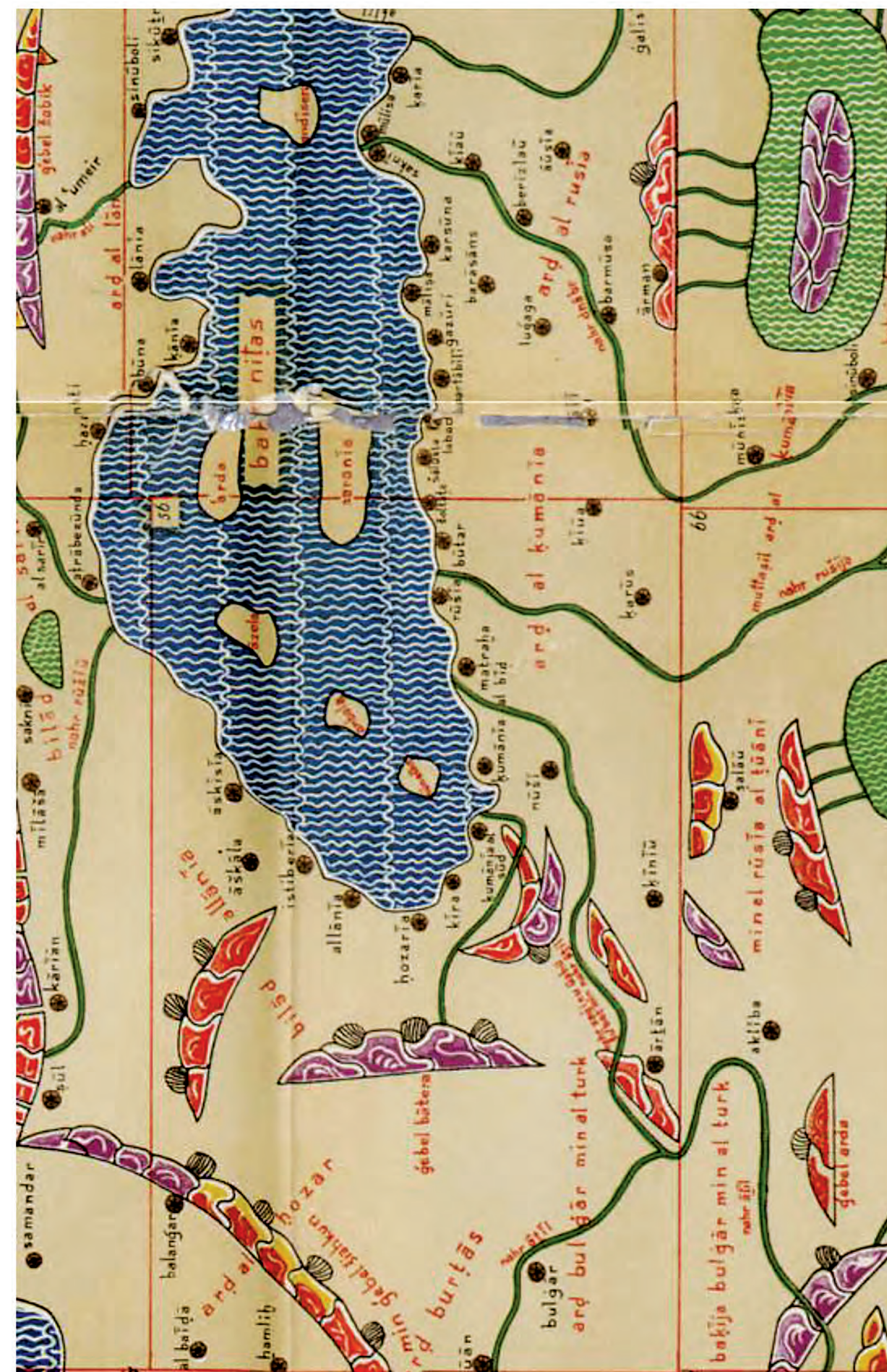

Рис. 2. Фрагмент карты «Книги Рожера», реконструированной К. Миллером.

Рис. 5. Каталонский атлас. Общий вид.

Рис. 6. Вид Крыма в Каталонском атласе.

средневековья : IV-XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. — 2003. — 533 с. : ил.

Бочаров С.Г. Средневековое селение Дзукалаи на Керченском полуострове // Поволжская археология. — 2016. — № 4. — С.88—103.

Бочаров С.Г. Средневековое селение Кавалари на Керченском полуострове // Поволжская археология. — 2017. — № 4. — С.81—98.

Бочаров С.Г. Археология Генуэзской Газарии XIII—XV вв. Определение термина // Научные ведомости. Серия История. Политология. — 2018. — Т. 45. — № 1. — С.35—46.

Гаркави А.Я. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе / А.Я. Гаркави // Труды четвертого археологического съезда в Казани (1877). — Т. 2. 1891 г. С. 239 — 248.

Гордеев А.Ю. Анализ топонимов на картах-портоланах Висконте Петра в 1311-1321 гг. // Известия РАН. Географическая серия. — 2014. — № 6. — С. 123—136.

Гордеев А.Ю., Терещенко А.А. Топонимия побережья Чёрного и Азовского морей на картах-портоланах XIV—XVII веков. 2-е издание. — В 2 томах. — Том 2. Academia.edu. — Киев – 2017. — 311 с.

Науменко В.Е., Пономарев, Л.Ю. К изучению исторической топографии средневековой Керчи: византийская каменная икона из «Нового карантина» // Античная древность и средние века. — 2015. — Вып. 43. — С. 275—288.

Дитмар А.Б. От Птолемея до Колумба / А.Б. Дитмар. — М.: Мысль, 1989. — 254 с.

Карра де Во, Бернар. Арабские географы / Бернар Карра де Во ; пер. с фр. О. Крауш ; под ред. И.Ю. Крачковского. — Л. : ГЭНИИ ЛГУ, 1941. — 40 с.

Крачковский, И.Ю. Арабская географическая литература / И.Ю. Крачковский. — Перепеч. с изд. 1957 г. — М. : Вост.лит., 2004. — 919 с. : ил. — (КОВ : Классика отечественного востоковедения : Осн. в 2001 г. / Редкол.: С.Л. Тихвинский (пред.) и др.).

Коновалова, И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий / И.Г. Коновалова. — М.: Вост. лит., 2006. — 329 с. — (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

Рыбаков, Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. / Б.А. Рыбаков // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. — Вып. XLIII. — М. : Изд-во АН СССР, 1952. — С. 3 — 44.

Фоменко, И.К. Морская карта как исторический источник : Причерноморье к. XIII — XVII вв. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 — Москва, 2001. — 330 с.: ил. РГБ ОД, 61 02-7/62-3.

Фоменко, И.К. Номенклатура географических названий Причерноморья по морским картам конца XIII—XVII вв. // II Причерноморье в средние века. — Вып. 5 I под ред. С.П. Карпова. — СПб. : Алетейя, 2001. — С. 40—108.

Buchon, J. A. Notice sur an atlas en langue catalane, de l'an 1374 conservé parmi les manuscrits de la Bibliothèque du Roi. — Paris : Imprimerie Royale, 1838. — 144 p.

Buchon, J. A.; Tastu, J. Notice d'un atlas en langue catalane, Manuscrit de l'an 1375. Conservé parmi les manuscrits de la Bibliothèque Royale sous le numéro 6816 fonds ancien, in folio maximo. — Paris : Imprimerie Royale, 1839. — 152 p.

Buchon, J. A.; Tastu, J. Notice d'un atlas en langue Catalane. (Ms. 6816, année 1375) Manuscrit conservé parmi les manuscrits de la Bibliothèque Royale sous le numéro 6816 fonds ancien, in folio maximo. — Paris: Imprimerie Royale, 1841. — 152 p.

Maqbul, S. Ahmad. Cartography of Ash-Sharīf al-Idrīsī / S. Ahmad Maqbul // The History of Cartography: Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies, ed. J. B. Harley and D. Woodward. — Chicago : University of Chicago Press, 1992. 2:156 — 174.

Miller, Konrad. Mappae Arabicae : Arabische Welt- und Länderkarten des 9— 13. Jahrhunderts in arabischer Urschrift, lateinischer Transliteration und Übertragung in neuzeitliche Kartenskizzen Mit einleitenden Texten herausgegeben von Konrad Miller. Die beiden Idrisi-Karten. 1. Band, 1. Heft. — Stuttgart : Selbstverlag des Herausgebers, 1926. — 148 p.

Miller, Konrad. Mappae Arabicae : Arabische Welt- und Länderkarten herausgegeben von Konrad Miller. Die Länder Europas und Afrikas im Bilde der Araber II. — Stuttgart : Selbstverlag des Herausgebers, 1927. — 71 p.

Montserrat Galera i Monegal Estudi raonat de les fonts documentals de l'Atles català de 1375. Des del seu inici fins a l'actualitat // Treballs de la Societat Catalana de Geografia. — Núm. 80. — Desembre 2015. — P. 9-66

Lelewel, J. Géographie du moyen age étudiée par Joachim Lelewel. Atlas composé de cinquante planches. — Bruxelles : Chez Ve et J. Pilliet, 1849. 1 atlas (xiv, 16, 50 p., 18, 50, 4 plates) : maps (some col.) ; 23 x 37 cm.

Lelewel, J. Géographie du moyen âge / étudiée par Joachim Lelewel ; accompagnée d'atlas et de cartes dans chaque volume. — T. I. — Bruxelles : Chez Ve et J. Pilliet, 1852. — 187 p.

Oman, G.. Voci marinareshe usate dal geografo arabo al-Idrisi (XII secolo) nelle sue descrizioni delle coste settentrionali dell' Africa // *Annali. Nuova serie* // a cura di A. Bausani e L. Veccia Vaglieri ; redazione G.. Oman. Napoli, 1963. — Vol. XIII. — P. 1 — 26.

Pinto, K.C. *Medieval Islamic Maps: An Exploration* / Karen C. Pinto. — Chicago : University of Chicago press, 2016. — 384 p. 162 color plates.

Houben, H. *Roger II of Sicily: A Ruler Between East and West* / Hubert Houben ; trans. Graham A. Loud ; Diane Milburn. — Cambridge : Cambridge University Press, 2002. — 260 p. 10 b/w illus. 2 maps.

**ANCIENT NORTHERN ANATOLIA CAMPAIGNS,
KASKA TRIBES AND BLACK SEA CONNECTIONS**

Солька А. А. Л.

**Кампании в древней Северной Анатолии,
Племена Каска и связи с Черным морем**

The aim of this small contribution is to present interesting possible trading contacts between Ancient Anatolia and in particular the Hittite Empire and the Black Sea region across the so-called Kaska tribes and their region.

Too often in the literature dealing with Kaskas, we can see them depicted as only savage or fierce tribes and too little attention has been paid to trading opportunities between ancient Anatolia and the Black Sea through the area of influence of Kaskas. Our presentation would like to help changing this point of view by proposing new approach of the textual evidence.

We shall try to work on converging evidence consisting in toponyms, ancient texts mentioning Kaska and Northern Anatolia and see how we can rely on them to present more clearly trade relationships between Central Anatolia and the Black Sea and on which specific items the commercial exchanges between the two areas were based.

Mostly, texts being presented in this paper will be abstracts from precise Hittite cuneiform texts with their transcription and translation.

As I am very interested in Hittite but do not pretend being a specialist of Hittite language,

I would like to say straight forward that my analysis cannot be completely as certain as wished or that we cannot be sure of the evidence as most of these texts are unfortunately not as pristine or detailed as one would wish...However, it is possible to find relevant information and that is the second aim of this presentation.

We apologize in advance if some of the aspects of this research could still seem slightly in process as most of these fragments were not studied under this angle of trading connections between the two regions.

Regarding the languages of our textual sources, the main one is of course Hittite, but we will also quote two texts from ancient Greece and some Assyrian sources.

On a chronological point of view, we have decided to present first testimonies which can be dated to events related to the beginning of the Hittite Empire, then to the Hittite Empire during its most successful period and then in its decline with the emergence of Neo-Hittite kingdoms and the rise of the future Assyrian Empire.

In a separate document, we will show all our research sources, references on translations and passages as well as maps being used for this presentation.

All credits for these publications come to their authors duly mentioned in the bibliography attached to this second file.

We can now begin our presentation by a short survey of main Northern Anatolian provinces and towns as well as a list of potential Kaska places which could be located in a line going up from Central Anatolia to the southern shores of the Black Sea.

For each of these toponyms, we shall first locate them on the map, then discuss the sources where they appear and make then a few comments on each of them.

In the second part of our paper, we will discuss all textual sources mentioning trading in Northern Anatolia and potentially connected to Black Sea areas and see which conclusions could be made.

Finally, at the end of this presentation, we will do a small list of the evidence we collected and shall examine which are the most positive candidates for trading posts from Central Anatolia to the southern parts of the Black Sea.

**ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ, ПОНТ И ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ
НА РУБЕЖЕ ЭПОХ (IV – НАЧАЛО VII ВВ.):
ПО МАТЕРИАЛАМ АМФОРНОЙ ТАРЫ И КРАСНОЛАКОВОЙ
КЕРАМИКИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)¹**

S. Ushakov

**Tauric Chersonesos, Pontus and the Eastern Mediterranean at the Turn
of the Epochs (IV - Early VII Centuries): on Materials of Amphoras and
Red-Pot Ceramics (for the Formulation of the Problem)**

Херсонес Таврический всегда был прочной составной частью античного мира, пусть находясь и на его периферии. Он возник как небольшой дорическо-ионический полис на крайнем северо-востоке греческого мира на завершающем этапе Великой колонизации. Еще до превращения его в крупное территориальное государство в Западном Крыму в первой половине – середине V в. до н. э. Херсонес устанавливает прочные торговые связи с Эгеидой², о чем можно судить по значительному массиву находок амфорной тары³, ионийской полосатой⁴, чернолаковой и расписной керамики⁵ в археологических комплексах городища. В

¹ Работа выполнена в рамках плановой темы «Кросскультурные связи населения Херсонеса Таврического, Причерноморья и Средиземноморья и их варварской периферии».

² Золотарев М.И. Херсонес Таврический. Основание и становление полиса // ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 18; Ушаков С. В., Лесная Е. С., Тюрин М. И. Новый керамический комплекс V в. до н.э. из северо-восточного района Херсонеса // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященных 65-летию профессора В.П. Копылова. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 314.

³ Из последних публикаций: Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры V–II вв. до н.э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»: Каталог. Саратов: Типография «Новый проект», 2017. С. 24-26.

⁴ Белов Г.Д. Ионийская керамика из Херсонеса // ТГЭ. 1972. XIII; Золотарев М. И. Херсонесская архаика. Севастополь: Херсонесский историко-археологический заповедник; Крымский филиал ИА НАНУ, 1993. С. 4-14, 28-69; Ушаков С. В., Лесная Е. С. О характере «ионийской полосатой» керамики из Херсонеса (на примере ХСVII квартала) // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск V (II). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы VIII Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В. И. Кузищина. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2011.

⁵ Избранная историография: Вдовиченко И. И., Жесткова Г. И. Расписная керамика Херсонеса Таврического (Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича и Р. Х. Лепера) // Stratum plus. 2011. № 3; Вдовиченко И. И., Ушаков С. В. Краснофигурная расписная посуда из раскопок в ХСVII квартале Северо-Восточного района Херсонеса Таврического // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах, № 22 (сборник статей). Донецк, 2010.

дальнейшем эти связи только развиваются и крепнут, видоизменяясь и переориентируясь в римскую – позднеантичную эпохи¹, что можно проследить на различных материалах, в том числе и амфорах (рис. 1, 2).

За десятилетия стационарных раскопок херсонесского городища получен значительный массовый археологический материал (представленный, прежде всего, керамическим комплексом), который позволяет рассмотреть эту проблему в завершающую эпоху его позднеантичной – ранневизантийской эпохи. Однако в историографии эта проблема взаимоотношений по линии Херсонес Таврический – Понт – Восточное Средиземноморье не получила своего системного освещения. В тоже время именно бассейн Черного моря и прилегающие районы Ближнего Востока еще с эпохи эллинизма становятся важной составной частью греко-римского средиземноморского мира, связанный многочисленными нитями экономики и культуры с Херсонесом Таврическим и Крымским полуостровом, о чем вполне рельефно говорится в упомянутой выше литературе. И, конечно, это не в меньшей степени относится к Херсонесу и Крыму.

Можно вполне обоснованно говорить, что глубокие и разнообразные связи Херсонеса – Херсона с Малой Азией и Ближним Востоком ярко проявляются на основе самого разнообразного материала, будь то храмовое строительство, предметы культа, металлическая бижутерия, изделия из стекла или керамический материал. Здесь много важных и разнообразных аспектов, но как говорил незабвенный Козьма Прутков – «нельзя объять необъятное», и поэтому остановлюсь только на некоторых, представительных, но показательных и хронологически значимых материалах из раскопок Херсонеса – амфорной таре и краснолаковой керамике.

В отечественной археологической литературе амфоры этого времени (и позднее - средневековые) были систематизированы в серии известных публикаций. Прежде всего, это работы А.Л. Якобсона. Впервые амфоры этого времени были описаны в статье 1951 г. с характерным подзаголовком

¹ Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II: Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.: Алетей, 2006. Рис. 11; Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. – V в. н. э. (на материалах Херсонеса). Харьков: «Віща школа», 1989. С 11-89 (впрочем, атрибуция многих находок, представленных в этой книге, требует уточнения); общая ситуация: Струкова Е. В., Ушаков С. В. Херсонес Таврический на рубеже эр: археологические реалии // Боспорский феномен: Население, языки, контакты: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22-25 ноября 2011 г.). СПб.: Нестор-История, 2011. С. 384. Тогда меняется вся система взаимоотношений в Причерноморье, что хорошо видно по распространению амфорной тары римского времени: Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II: Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб., 2006. С. 218-245, 252 и сл.

«Опыт хронологической классификации»¹, где выделены основные типы сосудов, опираясь на находки из Херсонеса. В книге 1979 г. «Керамика и керамическое производство Средневековой Таврики» классификация раннесредневековых амфор была несколько изменена, число типов было увеличено до 10, добавлены новые иллюстрации². К сожалению, о происхождении этих типов тарных сосудов в тексте работы автор почти ничего не говорит.

Несколько раньше, в коллективной статье авторов 1971 г. «Средневековые амфоры Херсонеса» на основе раскопок в Портовом районе города были осуществлена своя, оригинальная классификация средневековых амфор Херсонеса. Были создана типология сосудов, которая на долгое время стала не только классификационной системой, но и своеобразным определителем. Это были сосуды следующих типов (перечисляю только, как указано в тексте, «раннесредневековые амфоры»): I) с перехватом³; II) остродонные амфоры с коническим корпусом⁴; III-IV) амфоры-корчаги⁵; V) желобчатые круглодонные⁶; VI) с яйцевидным корпусом⁷; VII) грушевидные со сложнопрофилированными ручками⁸; VIII) светлоглиняные с широким горлом и укороченным корпусом⁹, всего XIV типов (рис. 3).

Все перечисленные выше публикации открыли возможность систематизации найденных ранее и полученных в ходе новых раскопок амфорных материалов. Однако, вопрос о происхождении этих амфор, как можно видеть, в этих работах специально не рассматривался. Отмечу еще краткую, но емкую статью Д. Б. Шелова о классификации и хронологии узкогорлых светлоглиняных амфорах (по материалам Танаиса)¹⁰, находимых также и при раскопках в Херсонесе. В качестве осторожного предположения была высказана мысль об их синопском происхождении¹¹.

¹ Яковсон А. Л.. Средневековые амфоры Северного Причерноморья // СА. Вып. XV. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 325-344.

² Яковсон А. Л. Керамика и керамическое производство Средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.

³ Антонова и др. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Вып. 7. Екатеринбург: Уральский университет, 1971. Рис. 1, 2.

⁴ Там же. Рис. 3.

⁵ Там же. Рис. 4, 5.

⁶ Там же. Рис. 6, 6а.

⁷ Там же. Рис. 7.

⁸ Там же. Рис. 8.

⁹ Там же. Рис. 9.

¹⁰ Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 16-21.

¹¹ Там же. С. 20.

Через двадцать с лишним лет появилась еще одна классификация херсонесских амфор¹. В относительно небольшой работе трех авторов там были представлены все типы (классы) средневековых амфор Херсонеса. Среди них только раннесредневековых (ранневизантийских) амфор (относящихся ко времени до VII в. включительно) там было 23 класса сосудов. Перечислю эти сосуды (по «классам»)²: 1) амфоры с сужением корпуса («с перехватом»)³; 2) светлоглиняные с вытянутым корпусом⁴; 3) красноглиняные, соответствующие типу 100 по Зеест («Делакеу»)⁵; 4) с цилиндрическим туловом типа «Газа»⁶; 5) круглодонные с расширяющимся (овальным) туловом (Палестина)⁷; 6) круглодонные желобчатые из желтовато-коричневой глины (с «набегающей волной»)⁸; 7) круглодонные широкогорлые с гладким корпусом⁹; 8) круглодонные амфоры с реберчатыми ручками¹⁰; 9) красноглиняные круглодонные с отогнутым наружу венчиком¹¹; 10) красноглиняные широкогорлые с венчиком подтреугольного сечения¹²; 11) круглодонные желобчатые с широким горлом и валикообразным венчиком¹³; 12) красноглиняные с рифлением корпуса типа «набегающая волна»¹⁴; 13) круглодонные с рифлением на корпусе¹⁵ (рис. 5). Далее в тексте описываются амфоры классов 14-22¹⁶ (рис. 5). Эти же «классы» сосудов с абсолютно теми же рисунками повторяются в книге А. И. Романчук «Очерки истории и археологии Византийского Херсона»¹⁷.

Эти классификации долгое время были тем «арсеналом», который помогал в определении и описании амфорных находок, то есть, служил еще и своеобразным «определителем». Важно отметить и то, что в последней

¹ Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург: Уральский университет, предприятие «АВ КОМ». 1995. 110 с.

² Этот перечень важен хотя бы потому, что эти «классы» (или по-старому – типы) учитываются как при полевых исследованиях (в том числе и хронологии) в Херсонесе, так и при реконструкциях разных процессов в Понтийском и Восточно-Средиземноморских регионах.

³ Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Указ соч. С. 16-19, табл. 2-4.

⁴ Там же. Табл. 4.

⁵ Там же. С. 20. Табл. 2-4.

⁶ Там же. С. 21-22. Табл. 5-7.

⁷ Там же. С. 22-24. Табл. 5-7.

⁸ Там же. С. 24-25. Табл. 7-8. Из последних публикаций: Наследие византийского Херсона / Татьяна Яшаева, Елена Денисова, Наталия Гинькут, Вера Залесская, Денис Журавлев. Севастополь-Остин: Телескоп, Институт классической археологии, 2011. № 376. С. 316, 610.

⁹ Там же. С. 25. Табл. 9.

¹⁰ Там же. С. 25-26. Табл. 8, 10.

¹¹ Там же. С. 26-27. Табл. 5, 11.

¹² Там же. С. 27-28. Табл. 12, 13, № 40-43.

¹³ Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Указ. соч. С. 28-29. Табл. 12, 13, № 44-51.

¹⁴ Там же. С. 29-33. Табл. 10, 12, 14-16.

¹⁵ Там же. С. 29-33, табл. 10, 12.

¹⁶ Там же. С. 34-45.

¹⁷ См.: Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та. 2000. Рис. 68-71.

(1995 г.) классификации и в отдельных работах, прежде всего, А. В. Сазанова было уделено внимание не только времени, но и, с опорой на западные публикации, месту их производства. Одновременно, в работах С. Ю. Внукова были детально проанализированы понтийские сосуды римского времени¹. Впоследствии появились и другие работы, где речь шла о находках амфорной тары в Херсонесе². Но в основном статьи носили чисто публикационный (хотя и полезный характер), где были представлены многие археологические комплексы Херсонеса, содержащие как амфоры, так и краснолаковую и другую керамику³.

Одновременно, а фактически несколько раньше, свои (и более подробные и детальные) классификации керамики, в том числе и ранневизантийских амфор Средиземноморья⁴ и Причерноморья⁵ были разработаны в серии работ ряда зарубежных авторов. Одновременно в этих работах и проблема локализации амфорной тары позднеантичной-ранневизантийской эпохи (начиная с J. Riley⁶) (рис. 6), нашла детальное отражение. Подробно изучались и амфоры интересующего нас региона Восточного Средиземноморья⁷ (рис. 7). В итоге в соответствии с общепринятыми теперь с 90-х гг. XX в. на Западе классификациями, места производства основных типов амфор «переходной» эпохи,

¹ Самые крупные работы: Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). М., 2003. 235 с.; Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II: Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб., 2006. 320 с.

² Сазанов А. В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из Северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. Вып. II. 1991. С. 60-265.

³ Напр.: Голофаст Л. Г., Рыжов С. Г. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала Х Б в Северном районе Херсонеса // ПИФК. 2000. Вып. IX. С. 78-117; Сазанов А. В. Керамический комплекс Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. // ПИФК. Вып. VII. 1999. С. 224-293; Сазанов А. В. О хронологии амфор IV–V вв. из Северного Причерноморья // Археология. 2002. № 4. Київ. С. 29-50.

⁴ Riley J. A. The coarse pottery from Benghazi // Excavation at Sidi Khrebish. Benghazi (Berenice). Vol. II. J. A. Lloyd (ed.). Supplements to Libya Antiqua. 5. Department of Antiquities. Tripoli. 1979. P. 91-497; Pieri D. Béryste dans le grand commerce méditerranéen. Production et importation d'amphores dans le Levant protobyzantin (V^e-VIIe s. ap. J.-C.) // Productions et échanges dans la Syrie gréco-romaine. Actes du 2e colloque international sur la Syrie antique (Tours, 12-13 juin 2003). Suppl. Topoi 8, 2007. P. 297-327.

⁵ Кузманов Г. Ранневизантийска керамика от Тракия и Дакия (IV – началото на VII в.) // Разкопки и Проучвания. Книга XIII. София: БАН, 1985. 111 с.; Opař A. Aspecte ale vieii economice din provincial Scythia (secolele IV-VI p. lh.). Producția cțrămicii locale și de import // Biblioteca Tracologica XVI. Bucurest, 1996. 336 p.; Opař A. Local and imported ceramics in the Roman province of Scythia (4th-6th centuries AD): aspects of economic life in the province of Scythia. Oxford: Archaeopress, 2004. 180 p.; Radulescu A. Am fore Romane și romano-bizantine din Scythia Minor // Pontica. 1976. № 9. P. 99-114; Scorpan C. Ceramica Romano-Bizantina de la Sacidava // Pontica. 1975. № 8. P. 263-313.

⁶ Амфоры получили индексы LRA, начиная с 1: Riley J. A. The pottery From the First Session of Excavation In the Caesarea Hippodrome // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. 1975. № 218. P. 25-63.

⁷ Reynolds P. Levantine amphorae from Cilicia to Gaza: a typology and analysis of regional productions trends from the 1st to the 7th centuries // LRCW 1. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry // J. Gurt i Esparraguera, M. Buxeda i Garrigos and M. A. Cau Ontiveros (edd.). BAR-IS 1340. Oxford. 2005. P 563–611; Vokaer A. Pottery Production and Exchange in Late Antique Syria (Fourth–Eighth Century A.D.). A Study of Some Imported and Local Wares // Late Antique Archaeology. Volume 10. Issue 1. P. 567-606.

распространенных и в Херсонесе, насколько можно судить по публикациям, выглядят следующим образом¹ (рис. 8).

Амфоры типа «набегающая волна» (LRA 1) – изготавливались на Кипре, Родосе, побережье Киликии²; сосуды типа «Истрия» («глобулярные»³), называемые у нас часто «с мелким и частым рифлением»⁴ рифлением»⁴ или «зональным орнаментом»⁵ (LRA 2) происходили с Пелопоннеса (Аргоса) и Хиоса; амфоры типа Зеест-95 (LRA 3) – привозились из малоазийского побережья Эгеиды (Афродисиас); так называемые «амфоры-корчаги» (LRA 4)⁶ – из Газы и близлежащих районов; районы; близкие им сосуды типа BAG 1-5⁷ (LRA 5) производились на побережье Египта (Александрия, дельта Нила), в Палестине (Цезаря, Иерусалим, Скифополис); далее, узкогорлые светлоглиняные типа F (C IVF) фабриковались в Гераклея Понтийской⁸; а Зеест-100 (Делакеу – carotte – CSnp I и CSnp III, DSnp I, DSnp II) – в Синопе (район Демерджи) до VI в. включительно⁹ или середины V в.¹⁰; с конусовидным доньем (Син II и Син III)¹¹ – также в Синопе; так называемые амфоры с перехватом коричневой глины («Колхида» – Kx IC₂) происходили из Юго-Восточного

¹ Одно из последних обобщений: Сазанов А. В. Ранневизантийская керамика Северного Причерноморья: итоги и новые проблемы // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия: тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византистов / Под ред. М.В. Грацианского, П.В. Кузенкова. М.: Белгород: ООО «Эпицентр», 2016. С. 178-179.

² См. далее центры производства амфорной тары можно посмотреть на карте: Pieri D. Béryte dans le grand commerce méditerranéen. Production et importation d'amphores dans le Levant protobyzantin (V^e-VIIe s. ap. J.-C.), fig. 2.

³ Сазанов А. В. Ранневизантийская керамика Северного Причерноморья: итоги и новые проблемы. С. 178.

⁴ Антонова И. А. и др. Типы XI-XV. С. 87-90. Рис. 12-15.

⁵ Нидзельницкая Л. Ю. Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом V – начала IX вв. // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII международной научной конференции. Ростов-на Дону: Медиа-Полис, 2009. С. 257-282.

⁶ Хронологический ряд этих амфор IV-VIII вв.: Pieri D. Béryte dans le grand commerce méditerranéen. Fig. 8.

⁷ Основной типологический ряд выделен достаточно давно: Pieri D. Les importations d'amphores Orientales en Gaule Meridionale Durant l'antiquité Tardive et le Haut-Moyen Age (IVe - VIIe siècles après J.-C.). Typologie, chronologie et contenu // SFECAG. Actes du Congrès d'Istres. 1998. Fig. 6.

⁸ Шелов Д. Б. Указ. соч. С. 18-19. Рис. 1, 10; Внуков С.Ю. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2016. № 2. С. 43. Рис. 1, 14.

⁹ Tezgör D. K. Types amphoriques a Demirci pres de Sinope // Production et Commerce des Amphores Anciennes en mer Noire. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence. 1999. P. 117-124; Tezgör D. K. Organisation interne de l'atelier et histoire du site de Demirci. Les fouilles et le materiel de l'atelier amphorique de Demirci pres de Sinope // Varia Anatolica XXII. Istanbul; Paris, 2010. 95-104; Tezgör D. K. Typologie des Amphores Sinopéennes entre le Ier-IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. Les fouilles et le materiel de l'atelier amphorique de Demirci pres de Sinope. Varia Anatolica XXII. Istanbul; Paris, 2010. P. 121-140.

¹⁰ Шаров О.В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг: Хронология комплексов с римскими импортами. СПб.: Издательство СПб. ИИ РАН «Нестор-История», 2007. С. 191.

¹¹ Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). М.: Институт археологии РАН. 2003. Рис. 38. С. 96-117; Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II: Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.: Алетей, 2006. Рис. 1, 12.

Причерноморья¹; наконец, сосуды АДСВ-1971, тип V² (рис. 3, 7) – возможно, принадлежали и местному производству.

Кроме того, надо учитывать подражания, производство сосудов разных типов в нескольких центрах и даже «подделки» сосудов³, когда в них пытались влить и продать более дешевое вино или использовать благоприятную ситуацию со спросом на тот или иной сорт вина. А по словам А.В. Сазанова, вообще «ранневизантийская керамика – мир многочисленных имитаций»⁴.

Оценивая все это, развитие ситуации с производством сосудов и экспортом продукции в амфорной таре, применительно к Херсонесу, выглядит следующим образом. К концу III в. н. э. гераклеяский импорт в значительной степени (кроме амфор типов F и E) сходит на нет. В Синопе, наоборот, в это время начинают интенсивно работать новые ремесленные центры (в районе Демирджи). Схожая ситуация сложилась с Колхидой (Юго-Восточным Причерноморьем) и с новыми центрами бассейна Эгейского моря и Восточного Средиземноморья, в том числе и на территории исторической Сирии. Амфорная тара именно в этом регионе хорошо изучена в западной археологической науке.

В них импортировалось в Херсонес вино, оливковое масло, возможно рыбный соус и рыба. Хронология производства амфорной тары и ввоза этих товаров распределяется сериями с IV по VII вв., достигая максимума в VI в. Этот процесс хорошо представлен многочисленными археологическими комплексами городища. За последние годы раскопками и нашей экспедиции источниковая база пополнилась также еще десятком показательных и характерных комплексов⁵ (напр.: рис. 9).

Так называемой «ранневизантийской» краснолаковой керамике в Херсонесе до поры до времени уделялось не так много места в работах отечественных специалистов, хотя она давно была известна, прежде всего, после раскопок Г. Д. Белова⁶. В отечественной литературе одним из первых

¹ Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II: Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.: Алетей, 2006. Рис. 1, 19; 9.

² Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Вып. 7. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 1971. С. 85. Рис. 6.

³ Сазанов А. В. Ранневизантийская керамика Северного Причерноморья: итоги и проблемы. С. 178.

⁴ Там же. С. 177.

⁵ Ушаков С. В., Струкова Е. В. Позднеантичный Херсонес: новые археологические комплексы. Основные итоги исследований // История и археология Крыма. Вып. IV. Симферополь. 2016.

⁶ Белов Г.Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931-1933 гг. // МИА. 1941. № 4. С. 204; Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л. Квартал XXVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.) // МИА. 1953. № 34. Рис. 61, 64б.

к ней обратился С. А. Беляев¹, но его работы в настоящее время имеют лишь историографический интерес. Определенным этапом стала брошюра А. В. Сазанова и А. И. Романчук, посвященная комплексам с «поздней» краснолаковой керамикой из раскопок городища. В книжке перечислены эти комплексы и затем охарактеризованы находки краснолаковой керамики². Правда, часть краснолаковой керамики, например «африканские краснолаковые сосуды» 62В, как показали дальнейшие исследования, отнесены к таковым ошибочно. В тоже время, общее количество комплексов с ранневизантийской краснолаковой керамикой (одновременно с амфорами, охарактеризованными выше) на херсонесском городище исключительно велико³, хотя в сводных каталогах эта керамика представлена только выборочно⁴.

В целом, несколько упрощая ситуацию, можно утверждать, что «поздняя» краснолаковая керамика в Херсонесе представлена четырьмя основными группами сосудов. Во-первых, это так называемая *позднеримская понтийская краснолаковая керамика* (Pontic Red Slip Ware – PRS – form 1-7), выделенная польским исследователем К. Домжалским первоначально на материалах Боспора⁵ (рис. 10). Она производилась в бассейне Черного моря, вероятно, несколькими керамическими центрами. Формы 1-6 этой керамики датируются в пределах второй половины IV – первой половины/середины V вв.); форма 7 – в рамках второй половины V в. – «раннего» VI в. (или чуть позже)⁶.

Во-вторых, это *фокейская сигиллята (позднеримская С)*, описанная впервые подробно еще английским профессором Дж. Хейсом (1972)⁷. Это, прежде всего Late Roman C Ware form 3 В, С, D, E, F, H; form 4 середины V – середины VI вв. и, в значительно меньшем числе – Late Roman C Ware

¹ Беляев С. А. 1968. Краснолаковая керамика Херсонеса IV-VI вв. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Сборник статей к столетию со дня рождения академика Сергея Александровича Жебелева, 1867-1967. / Гайдукевич В.Ф. (отв. ред.). Л.: Ленинградское отделение издательства "Наука", 1968. С. 31-38. Рис. 1-3.

² Романчук А. И., Сазанов А. В. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Ч. 1. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Свердловск: Уральский Госуниверситет, предприятие «АВ КОМ». 1991. С. 7-10 и сл.

³ См. напр.: Голофаст Л. А. Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 68-128; Голофаст Л. Г., Рыжов С. Г. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала X Б в Северном районе Херсонеса // ПИФК. 2000. Вып. IX. С. 78-117; Ушаков С. В. Ранневизантийская краснолаковая керамика из раскопок XC VII квартала Херсонеса // ХСб. 2011. Вып. XVI. С. 217-234.

⁴ Напр.: Наследие византийского Херсона. №№ 405-409. С. 337-409, 624-626.

⁵ Domzalski K. Terra Sigillata from Numphaion. Survey 1994. // Archeologia. 1996. № XLVII. P. 95-109; Domzalski K. Notes on Late Roman Red Slip Wares in the Bosporean Kingdom // Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta 36. 2000. P. 161-168.

⁶ Arsen'eva T. M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. 2002. 8. P. 425-427.

⁷ Hayes J. W. Late Roman Pottery. London: W. Heffer and Sons Ltd Cambridge. 1972. P. 323-370.

form 5-8 и 10 (А, В, С) последней четверти VI в.¹ в соответствии с его датировками. Широко распространена по берегам Понта и Средиземноморья² (рис. 11). Херсонес представлен здесь и значительным количеством сосудов со штампами³.

В-третьих, это так называемая *африканская сигиллята* (African Red Slip Ware)⁴, производившаяся на территории современного Туниса (Карфаген и другие центры) и вывозившаяся, среди прочего, в разные центры Причерноморья, в том числе и Херсонес⁵. Найдены здесь и фрагменты сосудов со штампами⁶ (рис. 12).

Наконец, в четвертых, это *Херсонесская сигиллята*⁷, которую изготавливали в значительной степени по образцам понтийской сигилляты в городских ремесленных мастерских с рубежа II-III до начала/середины V вв.⁸

Таким образом, как можно видеть по материалам краснолаковой керамики (рис. 13, 14), Херсонес являлся важной составной частью Средиземноморского мира (рис. 15). Если попытаться проследить динамику их распространения в городе и округе, то можно увидеть следующую картину. Здесь последовательно доминировала посуда из Понтийского региона (первоначально херсонесская сигиллята, пришедшая на смену сигилляте понтийской А и В II-III вв.⁹), позже распространяются сосуды понтийской позднееримской группы. Она постепенно сменяется сосудами, привозимыми из Малой Азии (фокейская сигиллята/поздняя римская С). Что же касается импорта краснолаковой посуды в Херсонес и Юго-Западный Крым из Северной Африки в ранневизантийское время, то он в целом был достаточно немногочисленным¹⁰.

¹ Ibid. P. 329, 336-329, 346.

² Domzalski K. Notes on Late Roman Red Slip Wares in the Bosporan Kingdom // *Rei Cretariae Romane Fautorum Acta* 36. 2000. Fig. 2, 3.

³ Голофаст Л. А. Штампы V-VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 135-216.

⁴ Hayes J. W. Late Roman Pottery. P. 13-229.

⁵ Романчук А. И., Сазанов А. В. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Р. 35-42.

⁶ Голофаст Л. А. Штампы V-VII вв. на посуде группы «Африканской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 77-84.

⁷ Ушаков С. В. Херсонесская краснолаковая керамика // БИ. Вып. VIII. 2005. С. 61-74.

⁸ Ушаков С. В. Херсонесская сигиллята: к истории изучения // *Laurea I. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы*. Харьков: ООО «НТМТ», 2015. Рис. 1.

⁹ Журавлёв Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I-III вв. н.э. (По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 9. Симферополь, 2010. 320 с.; Журавлёв Д. В. Понтийская сигиллята: региональный феномен в Причерноморье. Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрёстке. СПб.: Изд-во Нестор-История, 2013. С. 676-685.

¹⁰ Подробнее о сюжете с краснолаковой ранневизантийской керамикой в Херсонесе: Ушаков С. В. Ранневизантийский Херсонес, Понт и Восточное Средиземноморье (по материалам краснолаковой керамики) // МАИАСК. 2015. Вып. 7. С. 59-71.

Статистически все это еще нужно выверить, выстраивая хронологию верифицированных археологических комплексов (точнее их представительной выборкой), что является особо сложной задачей в принципе. Такая же задача стоит перед дальнейшим анализом амфорных комплексов, в которых транспортные тарные сосуды чаще всего сочетаются именно с краснолаковой керамикой.

В итоге можно заключить, что Херсонес Таврический (становившийся Византийским Херсоном) в IV – начале VII вв. не просто поддерживал прочные отношения с развивающимся Понтийско-Восточносредиземноморско-ближневосточным регионом¹. И более того, в экономическом (и культурном) плане был его важной неотъемлемой частью. Это были не только и не столько просто торговые пути, а те незримые нити, которые связывали Империю в единое целое. А заканчивалась эпоха, по всей видимости, в связи с экспансией – вторжениями арабов, войнами (рис. 16) и катастрофическим обрушением экономики, особенно его восточной части страны, которая еще позже была утрачена Империей вовсе.

И это все, конечно, не финальный вывод, а только размышления к постановке этой непростой проблемы, озаглавленной в начале статьи... И тема требует дальнейшей детальной разработки на более обширном материале.

Список сокращений:

АДСВ – Античная древность и средние века, Екатеринбург.

БИ – Боспорские исследования, Симферополь – Керчь.

ИИ РАН – Институт истории Российской Академии Наук.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии, Москва.

МАИАСК – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма, Севастополь – Тюмень – Нижневартовск.

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики, Симферополь.

МИА – Материалы и исследования по археологии, Москва.

ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры, Москва – Магнитогорск.

РА – Российская археология, Москва.

¹ Схожая ситуация и на Боспоре: Смокотина А.В. Торговые связи г. Боспора в позднеримское время (по материалам амфор и краснолаковой керамики) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс] : сборник научных трудов / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Электрон. текст. дан. (36,739 Мб). Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2017.

СА – Советская археология, Москва.

ХСБ. – Херсонесский сборник, Севастополь.

ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург.

Библиография:

Айбабин А. И. 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР. 352 с.

Айбабин А. И. Ранневизантийский Херсонес – Херсон // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 51: Византия в контексте мировой культуры: материалы конференции, посвященной памяти Алисы Владимировны Банк (1906-1984) / Государственный Эрмитаж. СПб. 2010. С. 353-370.

Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Вып. 7. Екатеринбург: Уральский государственный университет. 1971. С. 81-101.

Белов Г. Д. Ионийская керамика из Херсонеса // ТГЭ. 1972. XIII. С. 17-26.

Белов Г. Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931-1933 гг. // МИА. 1941. № 4. С. 202-278.

Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л. Квартал XXVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.) // МИА. 1953. № 34. Рис. 61, 64б.

Беляев С. А. 1968. Краснолаковая керамика Херсонеса IV-VI вв. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Сборник статей к столетию со дня рождения академика Сергея Александровича Жебелева, 1867-1967 / Гайдукевич В.Ф. (отв. ред.). Л.: Ленинградское отделение издательства "Наука". 1968. С. 31-38.

Вдовиченко И. И., Жесткова Г. И. Расписная керамика Херсонеса Таврического (Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича и Р. Х. Лепера) // Stratum plus. 2011. № 3. С. 15-123.

Вдовиченко И. И., Ушаков С. В. Краснофигурная расписная посуда из раскопок в ХСVII квартале Северо-Восточного района Херсонеса Таврического // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах, № 22 (сборник статей). Донецк, 2010. С. 99-106.

Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). М.: Институт археологии РАН. 2003. 235 с.

Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II: Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.: Алетейя. 2006. 320 с.

Внуков С. Ю. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2016. № 2. С. 36–47.

Голофаст Л. А. Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 68-128.

Голофаст Л. А. Штампы V-VII вв. на посуде группы «Африканской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 77-84.

Голофаст Л. А. Штампы V-VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 135-216.

Голофаст Л. Г., Рыжов С. Г. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала X Б в Северном районе Херсонеса // ПИФК. 2000. Вып. IX. С. 78-117.

Журавлёв Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I-III вв. н.э. (По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 9. Симферополь, 2010. 320 с.

Журавлёв Д. В. Понтийская сигиллата: региональный феномен в Причерноморье. Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрёстке. СПб.: Изд-во Нестор-История. 2013. С. 676-685.

Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. МИА. 1960. № 83. 180 с.

Золотарев М. И. Херсонесская архаика. Севастополь: Херсонесский историко-археологический заповедник; Крымский филиал ИА НАНУ. 1993. 98 с.

Золотарев М. И. Херсонес Таврический. Основание и становление полиса // ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 13-44.

История Византии. Том 1 / Отв. редактор академик Сказкин С.Д. Москва: Наука, 1967. 524 с.

Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. – V в. н. э. (на материалах Херсонеса). Харьков: «Віща школа». 1989. 136 с.

Кузманов Г. Раскопки и проучвания. Книга XIII. Ранневизантийска керамика от Фракия и Дакия (IV – началото на VII в.). София: Изд-во БАН, 1985. 111 с.

Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры V–II вв. до н.э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»: Каталог. Саратов: Типография «Новый проект». 2017. 208 с.

Наследие византийского Херсона / Татьяна Яшаева, Елена Денисова, Наталия Гинькут, Вера Залесская, Денис Журавлев. Севастополь-Остин: Телескоп, Институт классической археологии. 2011. 708 с.

Нидзельницкая Л. Ю. Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом V – начала IX вв. // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII международной научной конференции. Ростов-на Дону: Медиа-Полис. 2009. С. 257-282.

Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та. 2000. 390 с.

Романчук А. И., Сазанов А. В. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Ч. 1. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Свердловск: Уральский Госуниверситет, предприятие «АВ КОМ». 1991. 55 с.

Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург: Уральский университет, предприятие «АВ КОМ». 1995. 110 с.

Сазанов А. В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из Северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. Вып. II. 1991. С. 60-265.

Сазанов А. В. Керамический комплекс Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. // ПИФК. Вып. VII. 1999. С. 224-293.

Сазанов А. В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. МАИЭТ. Вып. IV. 1995. 406-433.

Сазанов А. В. О хронологии амфор IV–V вв. из Северного Причерноморья // Археология. 2002. № 4. Київ. С. 29-50.

Сазанов А. В. Ранневизантийская керамика Северного Причерноморья: итоги и проблемы // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия: тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византинистов / Под ред. М. В. Грацианского, П. В. Кузенкова. М.: Белгород: ООО «Эпицентр». 2016. С. 176-179.

Смокотина А. В. Торговые связи г. Боспора в позднеримское время (по материалам амфор и краснолаковой керамики) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс] : сборник научных трудов / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Электрон. текст. дан. (36,739 Мб). Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2017. 1 электрон. опт. диск (DVD). – Систем. требования: PC, Intel 1 ГГц; 512 Мб опер. памяти; 30 Мб свобод. диск. пространства; DVD-привод; ОС Windows 7 и выше, ПО для чтения pdf-файлов. Загл. с экрана.

Сорочан С. Б. Об экспортных возможностях херсонесского виноделия // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект: Тезисы докладов Международной конференции. Севастополь. 1997. С. 112-113.

Струкова Е. В., Ушаков С. В. Херсонес Таврический на рубеже эр: археологические реалии // Боспорский феномен: Население, языки, контакты: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22-25 ноября 2011 г.). СПб.: Нестор-История. 2011. С. 382-386.

Ушаков С. В. Херсонесская краснолаковая керамика // БИ. Вып. VIII. 2005. С. 61-74.

Ушаков С. В. Ранневизантийская краснолаковая керамика из раскопок ХСVII квартала Херсонеса // ХСб. 2011. Вып. XVI. С. 217-234.

Ушаков С. В. Херсонесская сигиллята: к истории изучения // Laurea I. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы. Харьков: ООО «НТМТ», 2015. С. 198-203.

Ушаков С. В., Дорошко В. В., Кропотов С. И., Макаев И. И., Струкова Е. В. Керамический комплекс V-VI вв. в ХСVII квартале Херсонеса (предварительная информация) // ХСб. Вып. XV. 2006. С. 191-216.

Ушаков С. В., Лесная Е. С. О характере «ионийской полосатой» керамики из Херсонеса (на примере ХСVII квартала) // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск V (II). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы VIII Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В. И. Кузищина. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе. 2011. С. 150-156.

Ушаков С. В., Лесная Е. С., Тюрин М. И. Новый керамический комплекс V в. до н.э. из северо-восточного района Херсонеса // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященных 65-летию профессора В.П. Копылова. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН. 2013. С. 308-315.

Ушаков С. В., Струкова Е. В. Позднеантичный Херсонес: новые археологические комплексы. Основные итоги исследований // История и археология Крыма. Вып. IV. Симферополь. 2016. С. 110-131.

Ушаков С. В. Ранневизантийский Херсонес, Понт и Восточное Средиземноморье (по материалам краснолаковой керамики) // МАИАСК. 2015. Вып. 7. С. 59-71.

Шаров О. В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг: Хронология комплексов с римскими импортами. СПб.: Издательство СПб. ИИ РАН «Нестор-История». 2007. 208 с.

Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 16-21.

Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство Средневековой Таврики. Л.: Наука. 1979. 164 с.

Якобсон А. Л.. Средневековые амфоры Северного Причерноморья // СА. 1951. Вып. XV. С. 325-344.

Arsen'eva T. M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens*. 2002. 8. P. 415-491.

Domzalski K. Terra Sigillata from Numphaion. Survey 1994. // *Archeologia*. 1996. № XLVII. P. 95-109.

Domzalski K. Notes on Late Roman Red Slip Wares in the Bosporan Kingdom // *Rei Cretariae Romane Fautorum Acta* 36. 2000. P. 161-168.

Hayes J. W. Late Roman Pottery. London: W. Heffer and Sons Ltd Cambridge. 1972. 477 p.

Hayes J. W. Sigillate Orientali // *Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo imperio)*, Atlante delle forme ceramiche. Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale II. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana. 1985. P. 1-96.

Opaiț A. Aspecte ale vieții economice din provincial Scythia (secolele IV-VI p. lh.). Producția ctramicii locale și de import // *Biblioteca Tracologica XVI*. Bucurest. 1996. 336 p.

Opaiț A. Local and imported ceramics in the Roman province of Scythia (4th-6th centuries AD): aspects of economic life in the province of Scythia. Oxford: Archaeopress. 2004. 180 p.

Peacock D. P. S., Williams D. F. Amphorae and the Roman Economy. An introductory guide. London and New-York. 1986. 234 p.

Pieri D. Les importations d'amphores Orientales en Gaule Meridionale Durant l'antiquite Tardive et le Haut-Moyen Age (IVe - VIIe siecles apres J.-C.). Typologie, chronologie et contenu // *SFECAG, Actes du Congres d'Istres*. 1998. P. 97-106.

Pieri D. Béryte dans le grand commerce méditerranéen. Production et importation d'amphores dans le Levant protobyzantin (V^e-VIIe s. ap. J.-C.) // *Productions et échanges dans la Syrie gréco-romaine. Actes du 2e colloque international sur la Syrie antique (Tours, 12-13 juin 2003)*. Suppl. Topoi 8, 2007. P. 297-327.

Radulescu A. Amfore Romane și romano-bizantine din Scythia Minor // *Pontica*. 1976. № 9. P. 99-114.

Reynolds P. Levantine amphorae from Cilicia to Gaza: a typology and analysis of regional productions trends from the 1st to the 7th centuries // *LRCW* 1. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry // (edd.) J. Gurt i Esparraguera,

M. Buxeda i Garrigos and M. A. Cau Ontiveros. BAR-IS 1340. Oxford. 2005. P. 563–611.

Reynolds P. From Vandal Africa to Arab Ifrīqiya. Tracing Ceramic and Economic Trends through the Fifth to the Eleventh Centuries // North Africa under Byzantium and Early Islam / Susan T. Stevens and Jonathan P. Conant (eds.) Byzantine symposia and colloquia by Dumbarton Oaks Research Library and Collection Trustees for Harvard University, Washington, D.C. 2016. P. 129-171.

Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, c. 450 to the early 7th century // LRFW 1. A Review of the Evidence, Debate and New Contexts / Gau M. A., Bonifey P. R., Bonifey M. (eds.). Oxford: Archaeopress Archaeology, 2011. 207-230.

Riley J. A. The pottery From the First Session of Excavation In the Caesarea Hippodrome // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. 1975. № 218. P. 25-63.

Riley J. A. The coarse pottery from Benghazi // Excavation at Sidi Khrebish. Benghazi (Berenice). Vol. II. / J. A. Lloyd (ed.). Supplements to Libya Antiqua. 5. Department of Antiquities. Tripoli. 1979. P. 91-497.

Scorpan C. Ceramica Romano-Bizantina de la Sacidava // Pontica. 1975. № 8. P. 263-313.

Tezgör D. K. Types amphoriques fabriqués a Demirci pres de Sinope // Production et Commerce des Amphores Anciennes en mer Noire. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence. 1999. P. 117-124.

Tezgör D. K. Organisation interne de l'atelier et histoire du site de Demirci. Les fouilles et le materiel de l'atelier amphorique de Demirci pres de Sinope // Varia Anatolica XXII. Istanbul; Paris. 2010. P. 95-104.

Tezgör D. K. Typologie des Amphores Sinopéennes entre le Ier-IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. Les fouilles et le materiel de l'atelier amphorique de Demirci pres de Sinope // Varia Anatolica XXII. Istanbul; Paris. 2010. P. 121-140.

Vokaer A. Pottery Production and Exchange in Late Antique Syria (Fourth–Eighth Century A.D.). A Study of Some Imported and Local Wares // Late Antique Archaeology. Volume 10. Issue 1. P. 567-606.

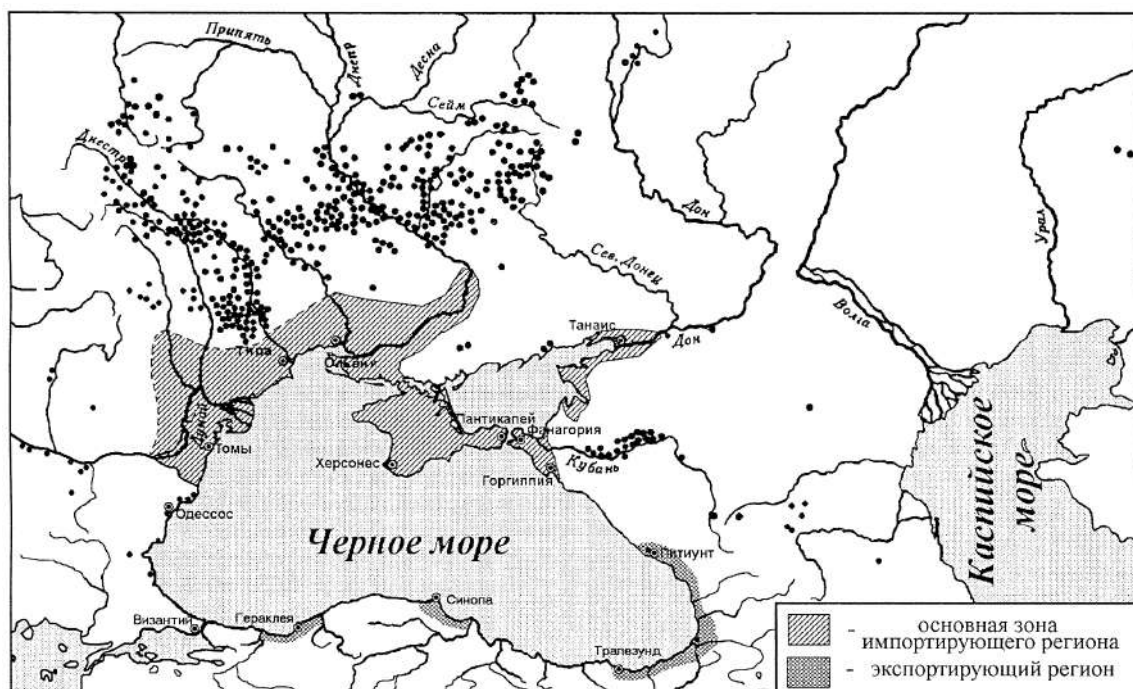

Рис. 1. Экономические связи в Понтийском регионе в римское время (по материалам амфорной тары) (по С.Ю. Внукову. 2006).

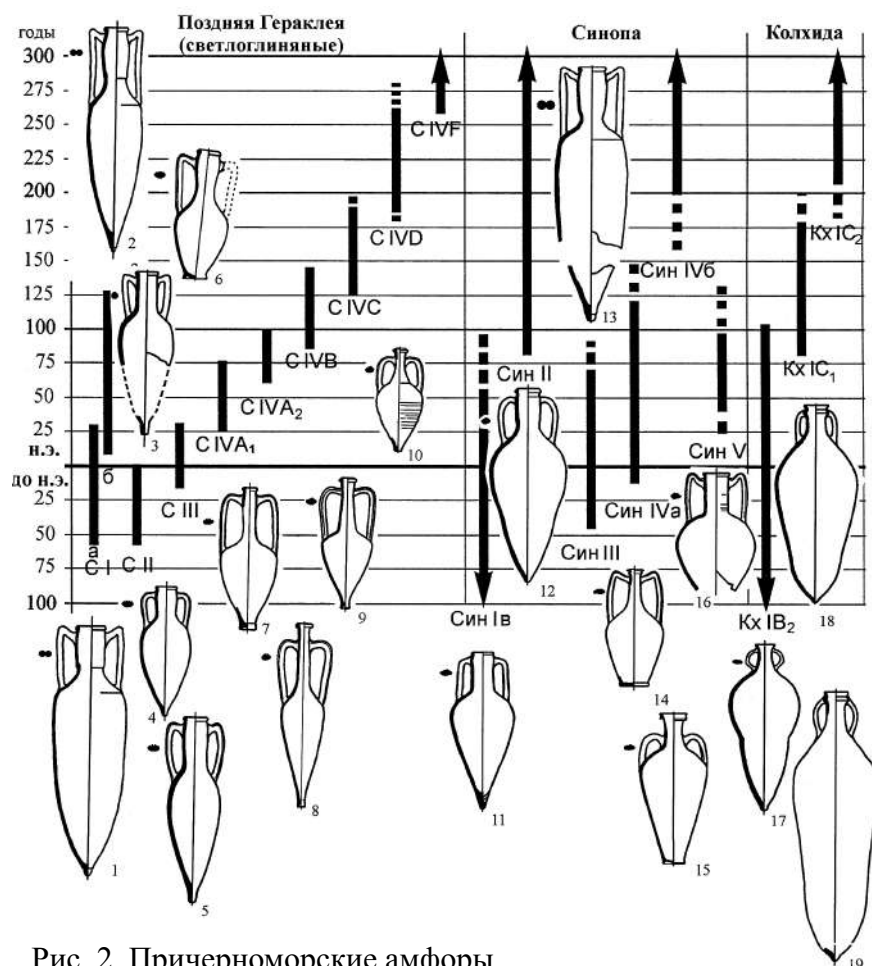

Рис. 2. Причерноморские амфоры римского времени (по С.Ю. Внукову. 2006).

Основные разновидности причерноморских амфор I в. до н.э. – начала III в. н.э.

1–10 – позднегераклейские амфоры: 1, 2 – тип C I (варианты а и б); 3 – тип C II; 4, 5 – тип C III (варианты а и б); 6 – переходная разновидность C III–IV; 7–10 – тип C IV (варианты А, В, С, D).

1–16 – синопские амфоры: 11 – вариант Син IV; 12 – тип Син II; 13 – тип Син III; 14, 15 – тип Син IV (варианты а и б); 16 – тип Син V.

17–19 – колхидские амфоры: 17 – подвариант Кх IV₂; 18, 19 – вариант Кх IC (подварианты 1 и 2).

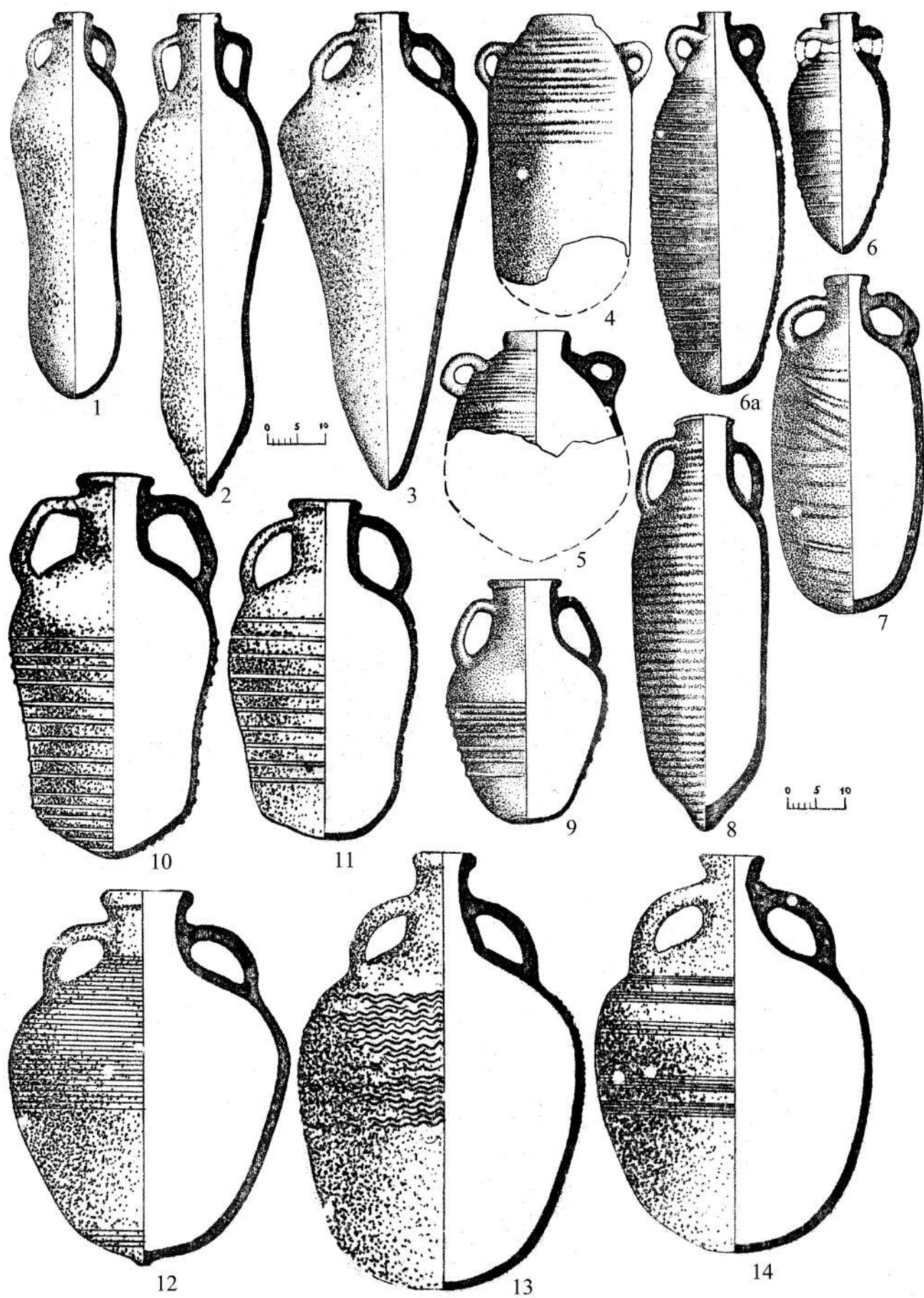

Рис. 3. Основные типы раннесредневековых амфор в Херсонесе (по Антоновой И.А. и др. 1971).

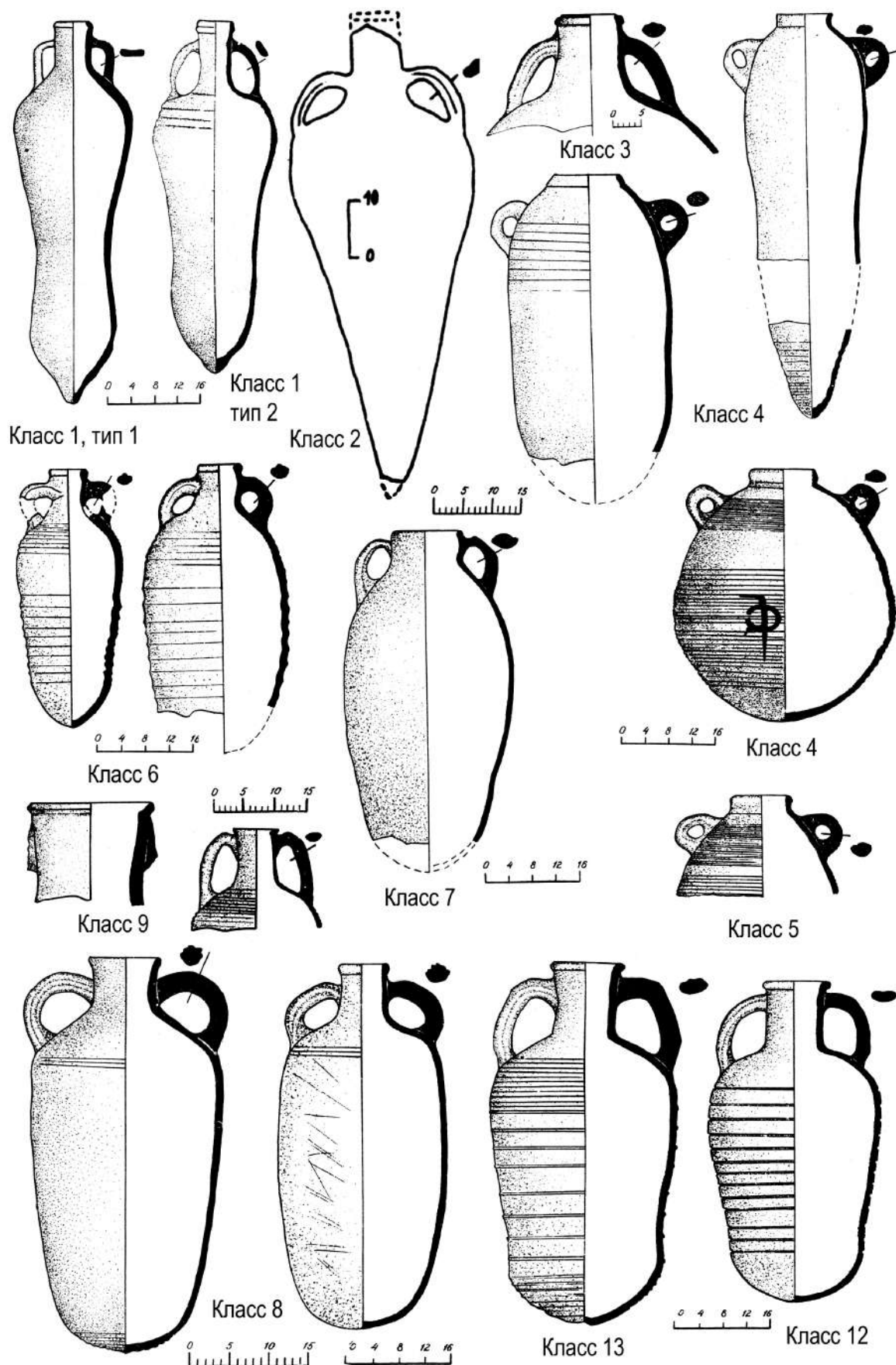

Рис. 4. Амфоры IV–VII вв. из Херсонеса по классификации 1995 г. (классы 1–9, 12, 13) (по Романчук А.И., Сазанову А.В., Седиковой Л.В.).

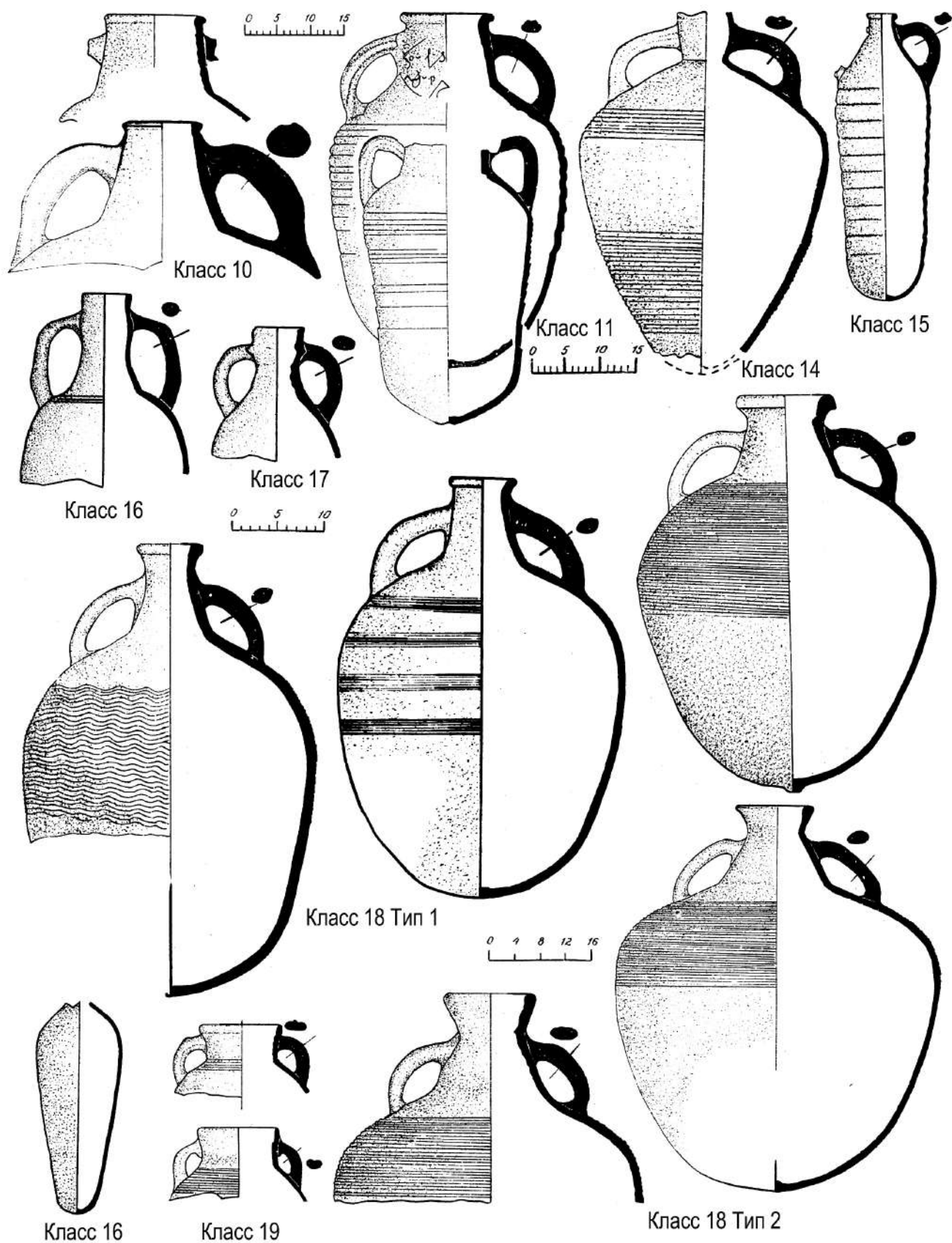

Рис. 5. Амфоры IV – VII вв. из Херсонеса по классификации 1995 г. (классы 10, 11, 14-19) (по А.И. Романчук, А.В. Сазанову, Л.В. Седиковой).

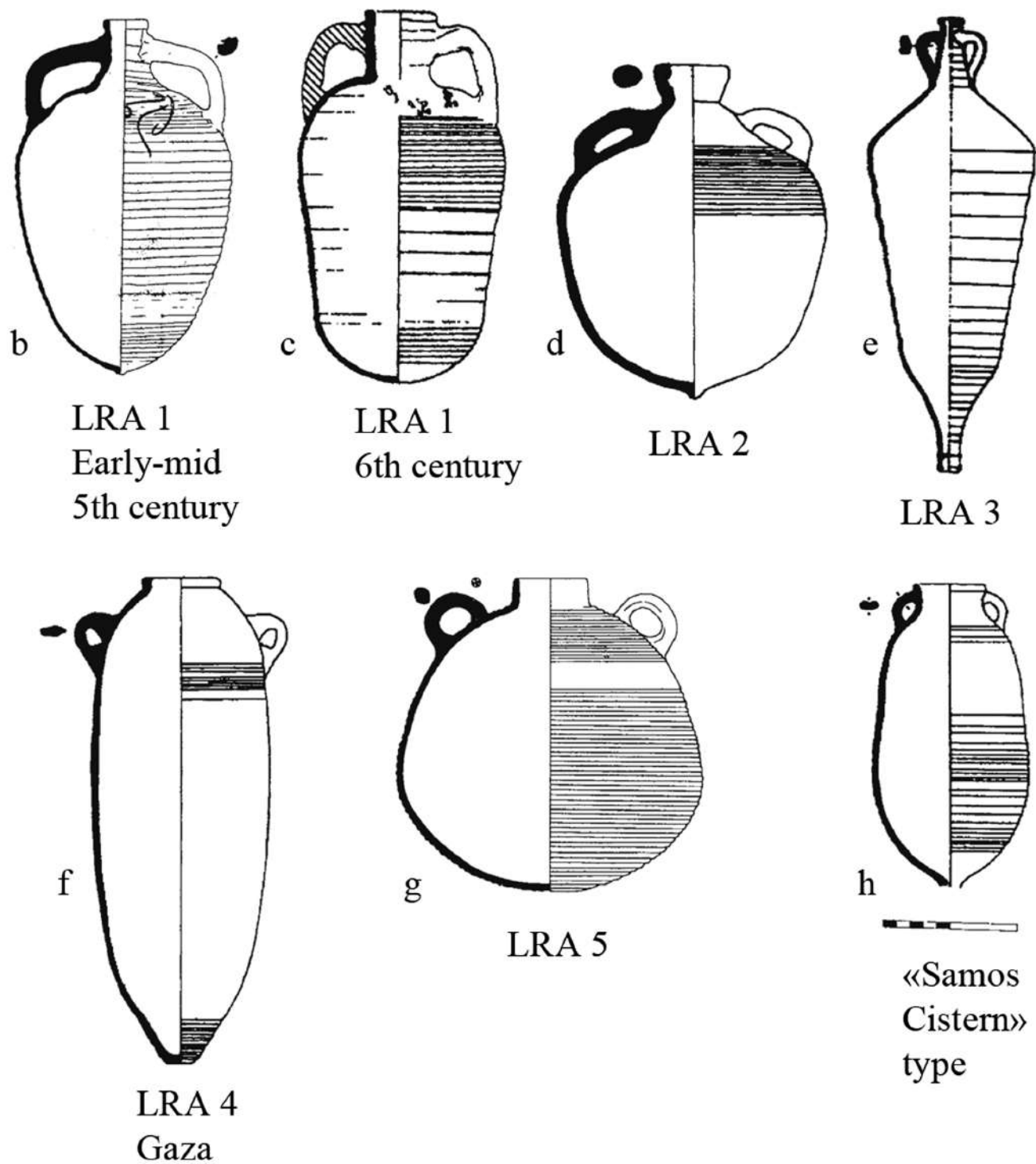

Рис. 6. Основные типы восточно-средиземноморских амфор (LRA) (по J. Riley) (Reinolds. 2016. Fig. 8.2).

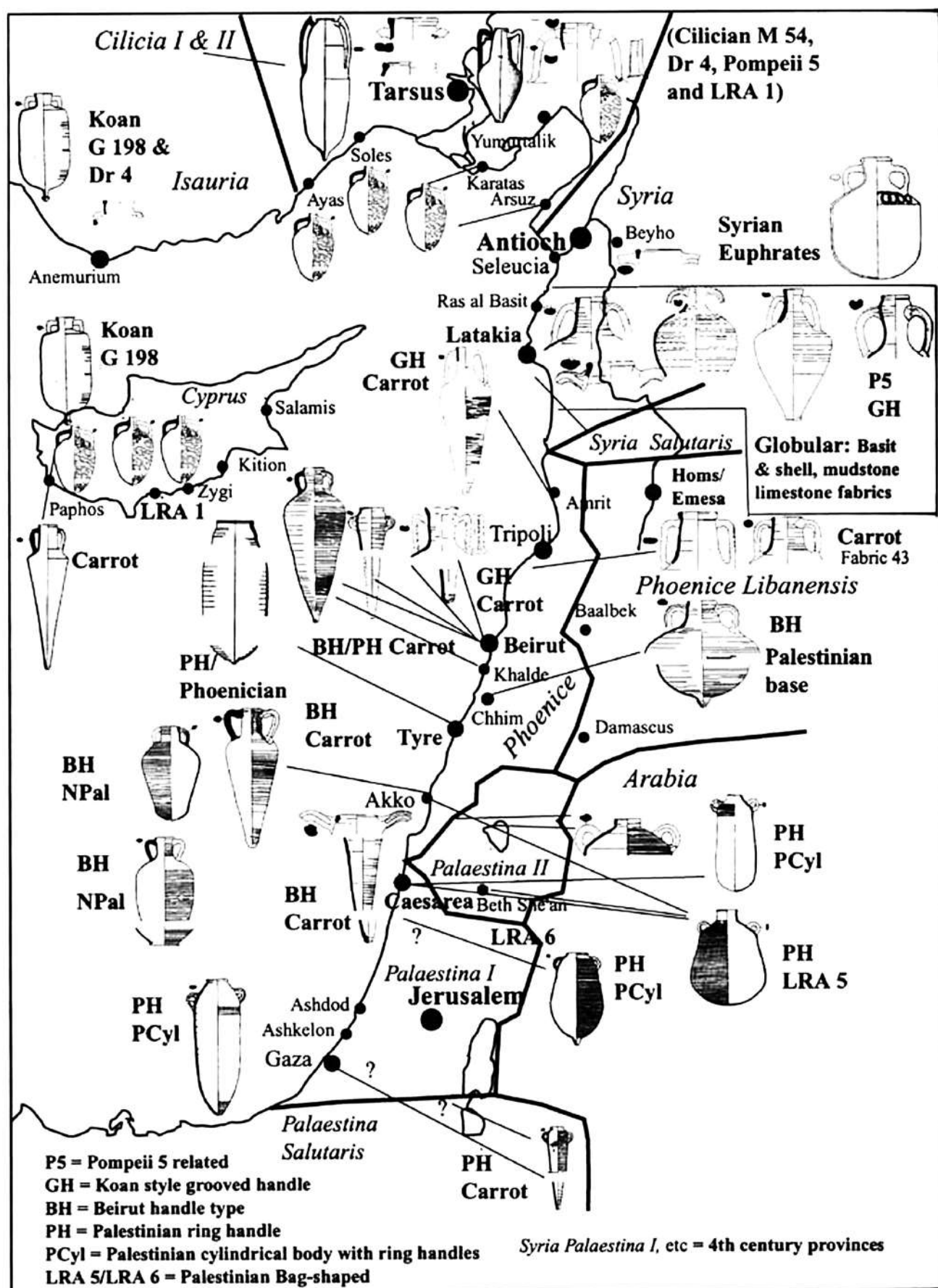

Рис. 7. Распространение ранневизантийских амфор в Восточном Средиземноморье (Reinolds. 2005. Map. 2).

Рис. 8. Центры производства основных типов ранневизантийских амфор в Восточном Средиземноморье (LRA 1-4, 7, Bag 4-5, Agora M 273, Agora M 334) (Pieri. 2007. Fig. 2).

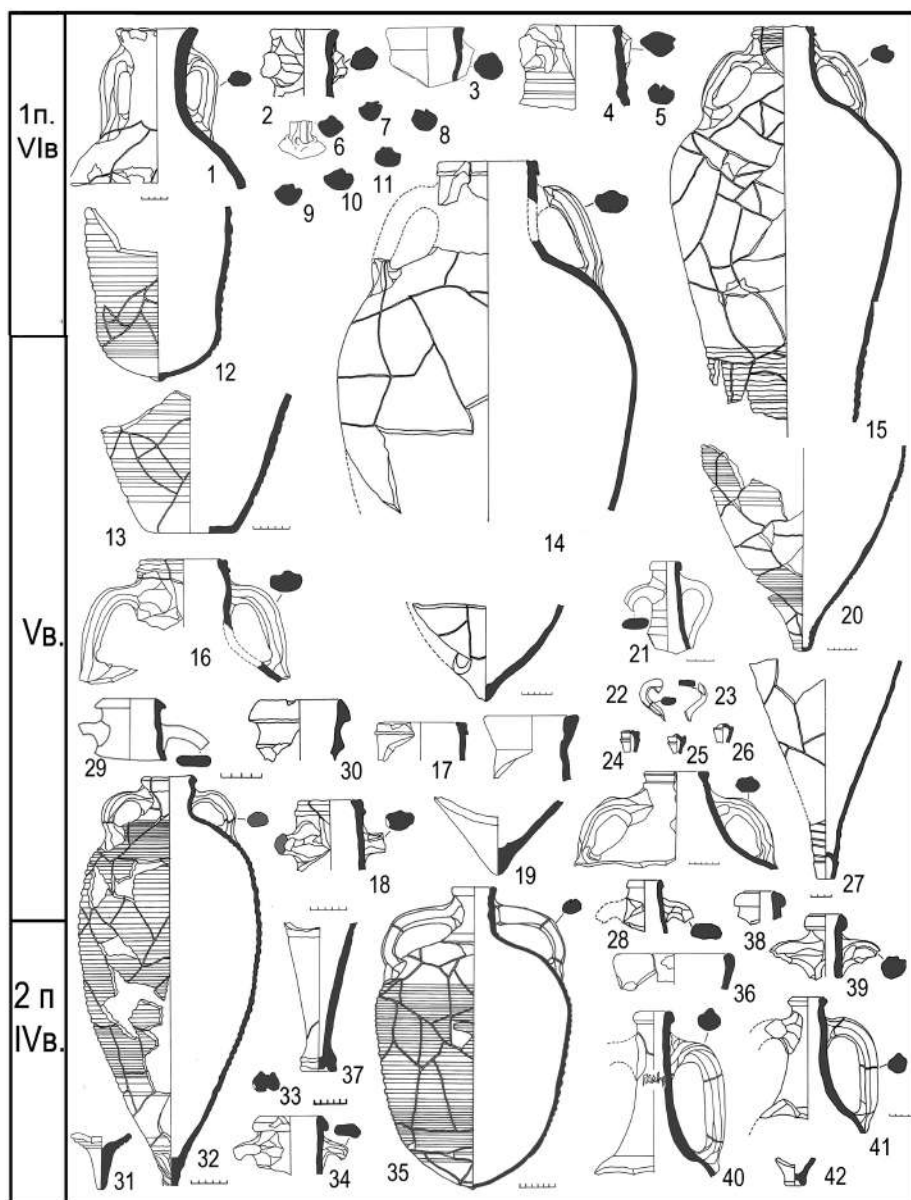
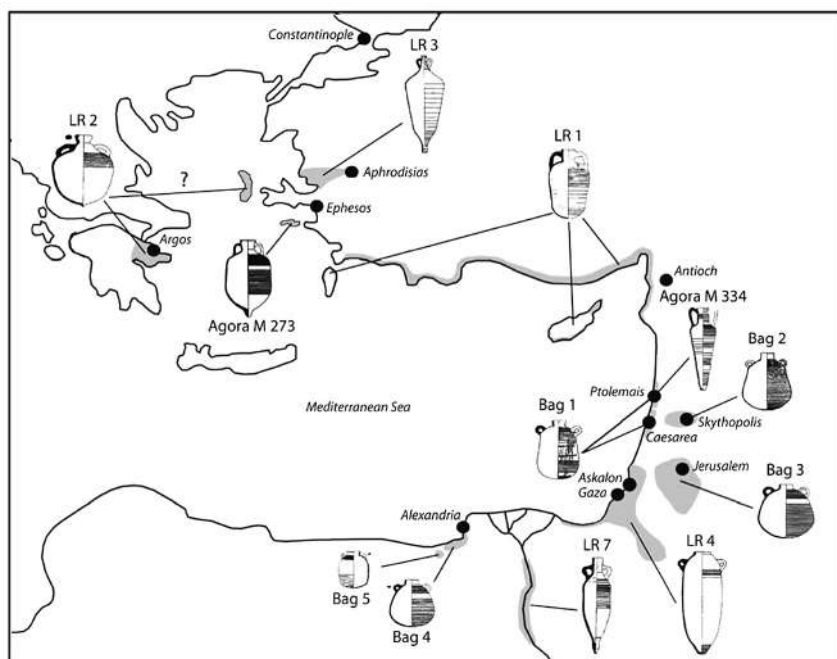

Рис. 9. Находки позднеантичных – ранневизантийских амфор в Северо-восточном районе Херсонеса (кв. XCVII).

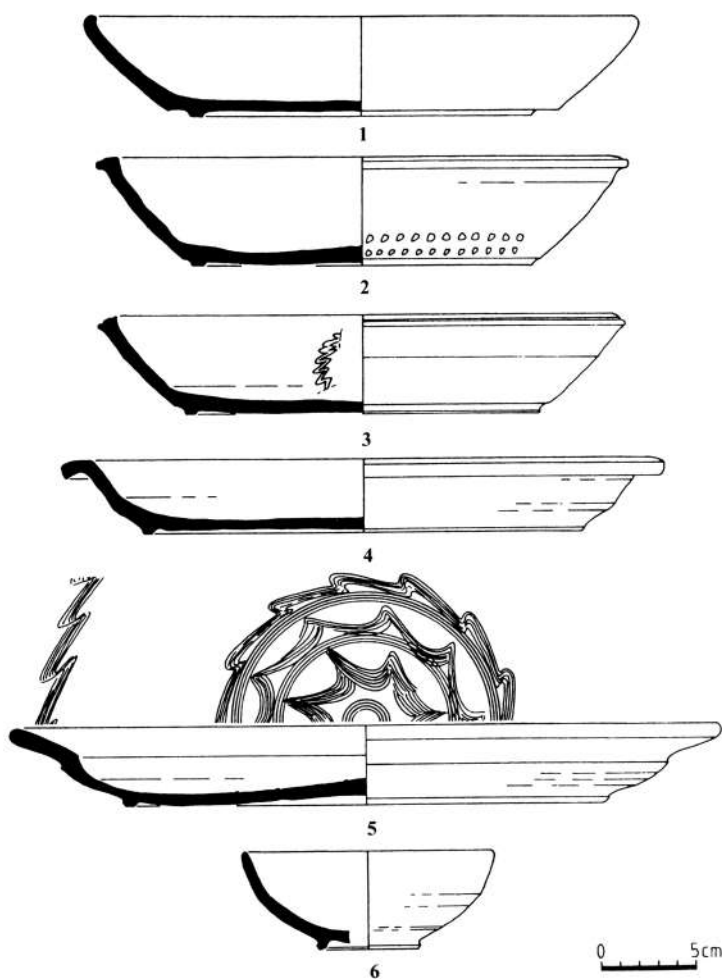

Рис. 10.
Понтийская
краснолаковая
керамика (PRS)
(Domzalski. 2000. Fig. 2).

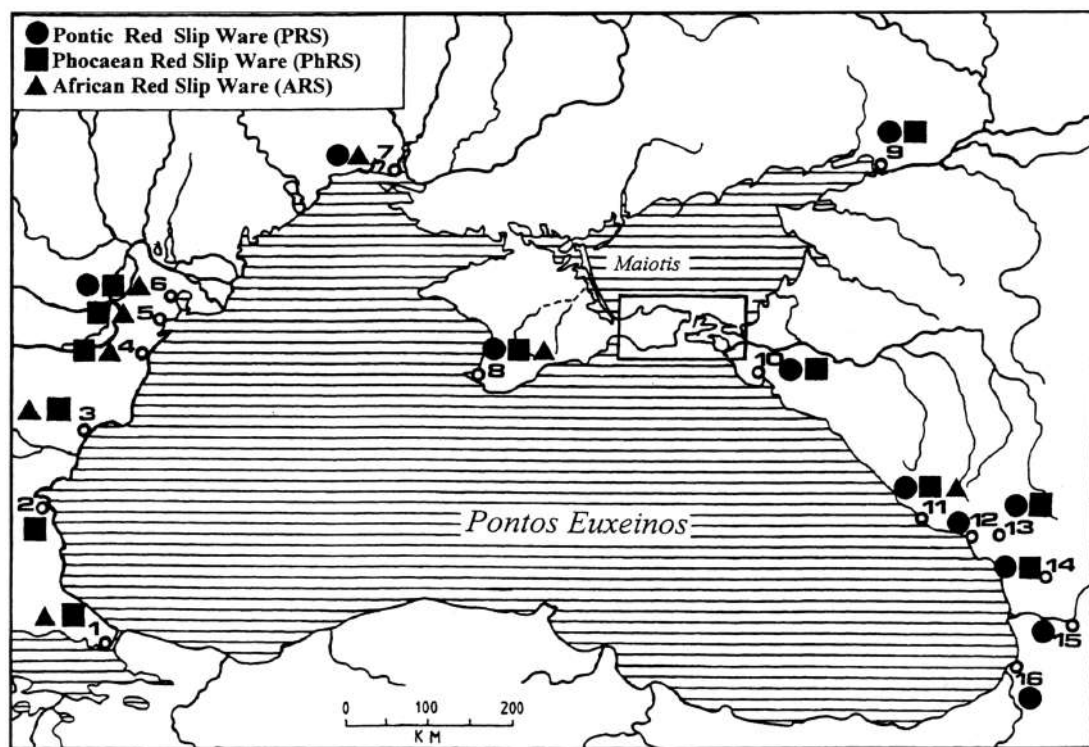

Рис. 11. Распространение основных типов ранневизантийской краснолаковой керамики в Понтийском регионе: понтийская краснолаковая (PRS), фокейская краснолаковая (PhRS), африканская краснолаковая (ARS) (Domzalski. 2000. Fig. 3).

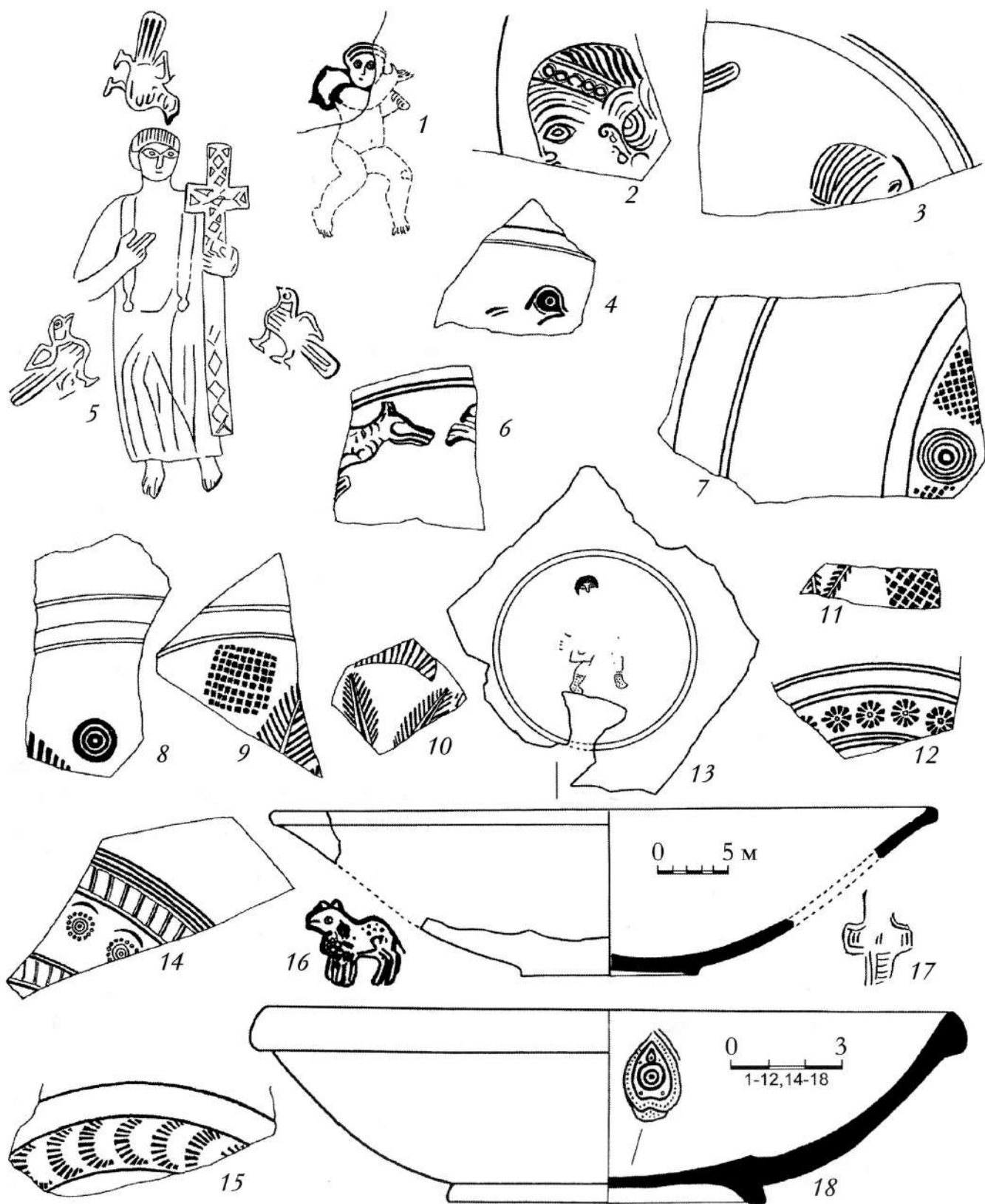
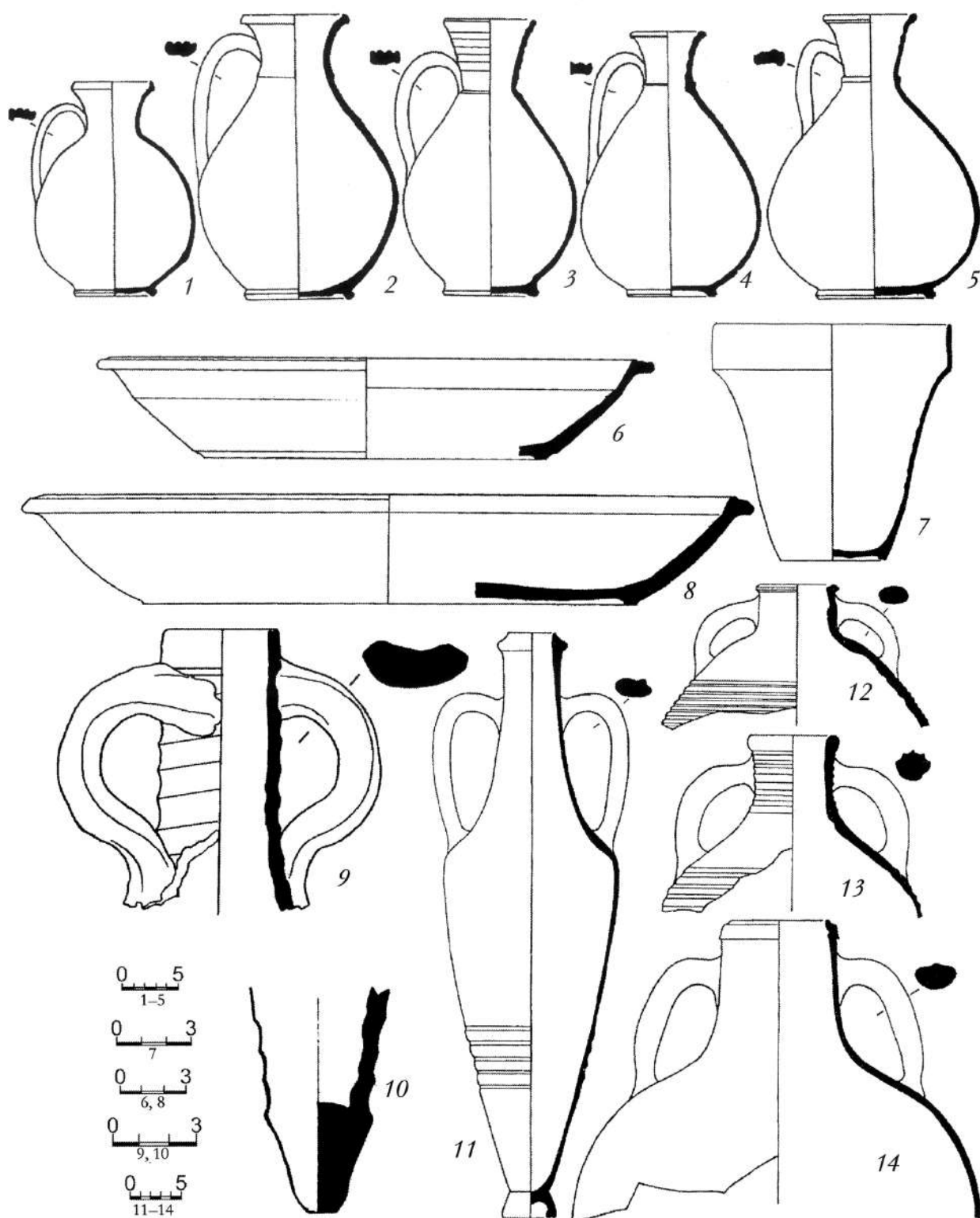

Рис. 12. Штампы на краснолаковой посуде из Херсонеса (Айбабин. 2010. Ил. 5).

Формы сосудов и типы штампов даны по: Hayes W. Late Roman Pottery. London, 1972.

1–4, 6 – клейма стиля Е; 5, 13 – форма 104; 16–18 – форма 99; 7–12, 15 – клейма стиля А; 14 – клейма стиля D (по: Голофаст Л.А. Штампы // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. 5. Рис. 1–4).

1–5, 7, 11–14 – керамика IV–V вв. из цистерны в квартале II в северо-восточном районе (по: Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. Симферополь, 2001. Вып. 8. Рис. 9–11); 6, 8–10 – керамика V–VI вв. из нивелировочной засыпи под стенами и полами рыбозасолочного комплекса у куртины 1 (по: Голофаст Л.А. Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. 13.

Рис. 6, 1, 2; 8, 1, 2)

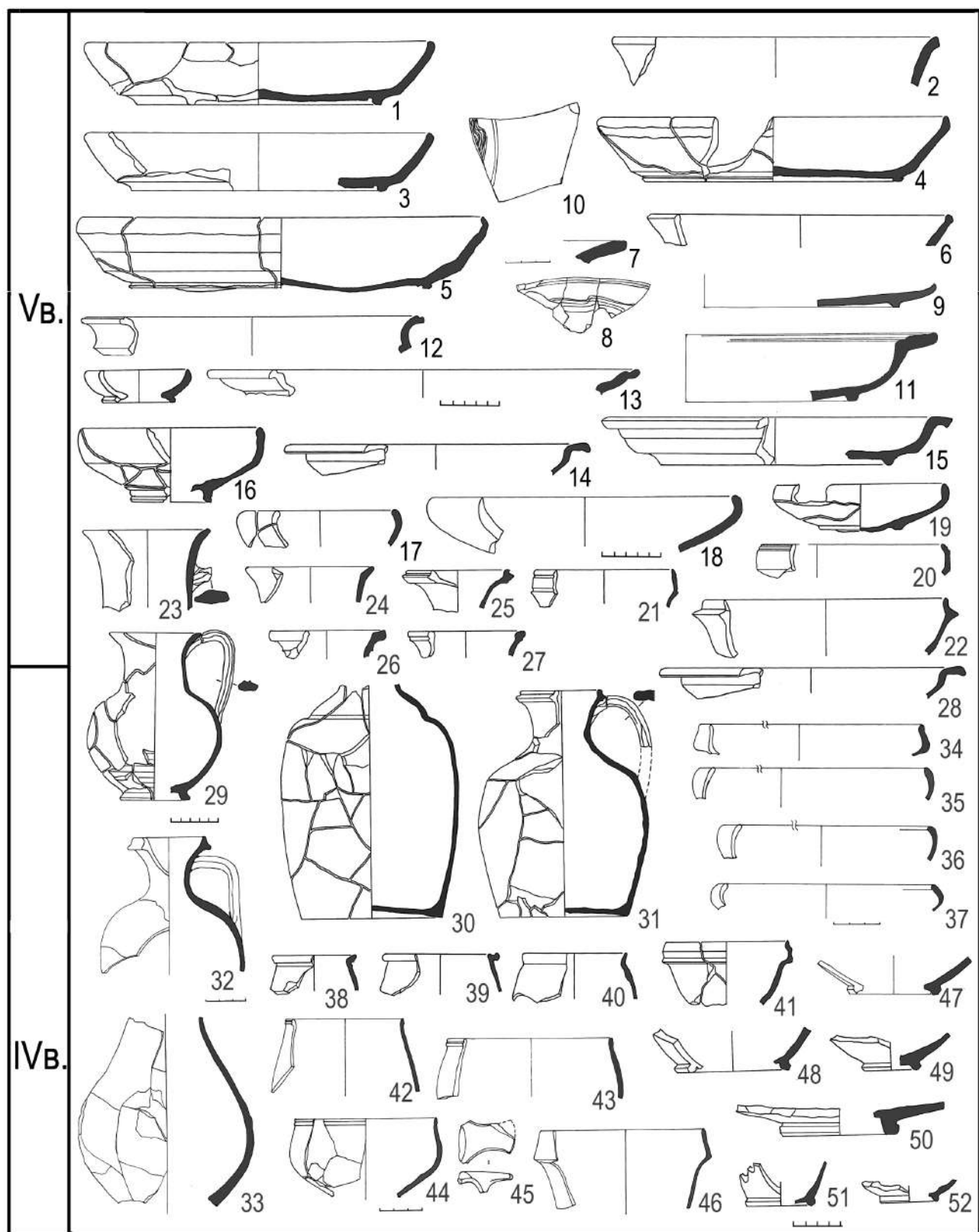

Рис. 14. Находки позднеантичной – ранневизантийской краснолаковой керамики в Северо-восточном районе Херсонеса (кв. XCVII).

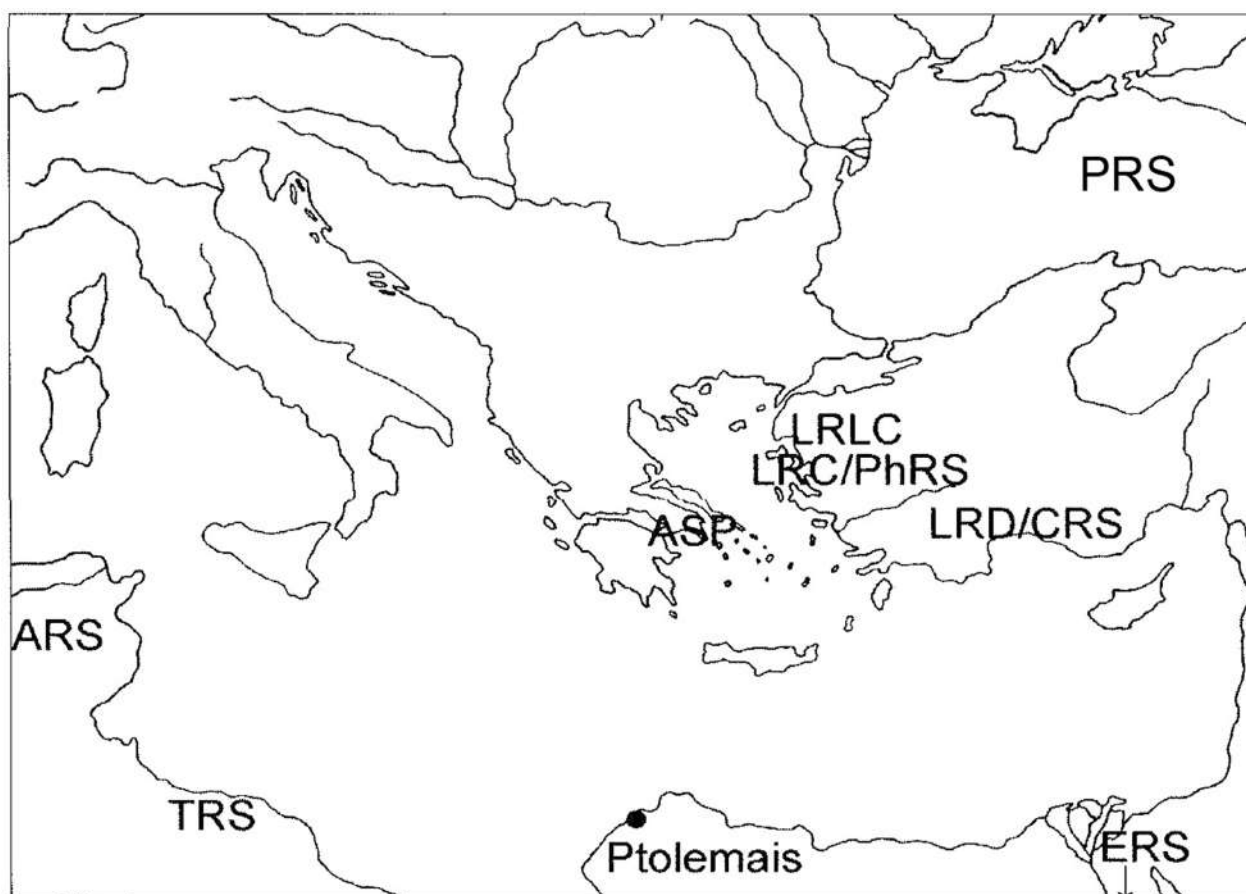

Рис. 15. Центры производства позднеантичной – ранневизантийской краснолаковой керамики в Причерноморье и Средиземноморье (по К. Домжалскому).

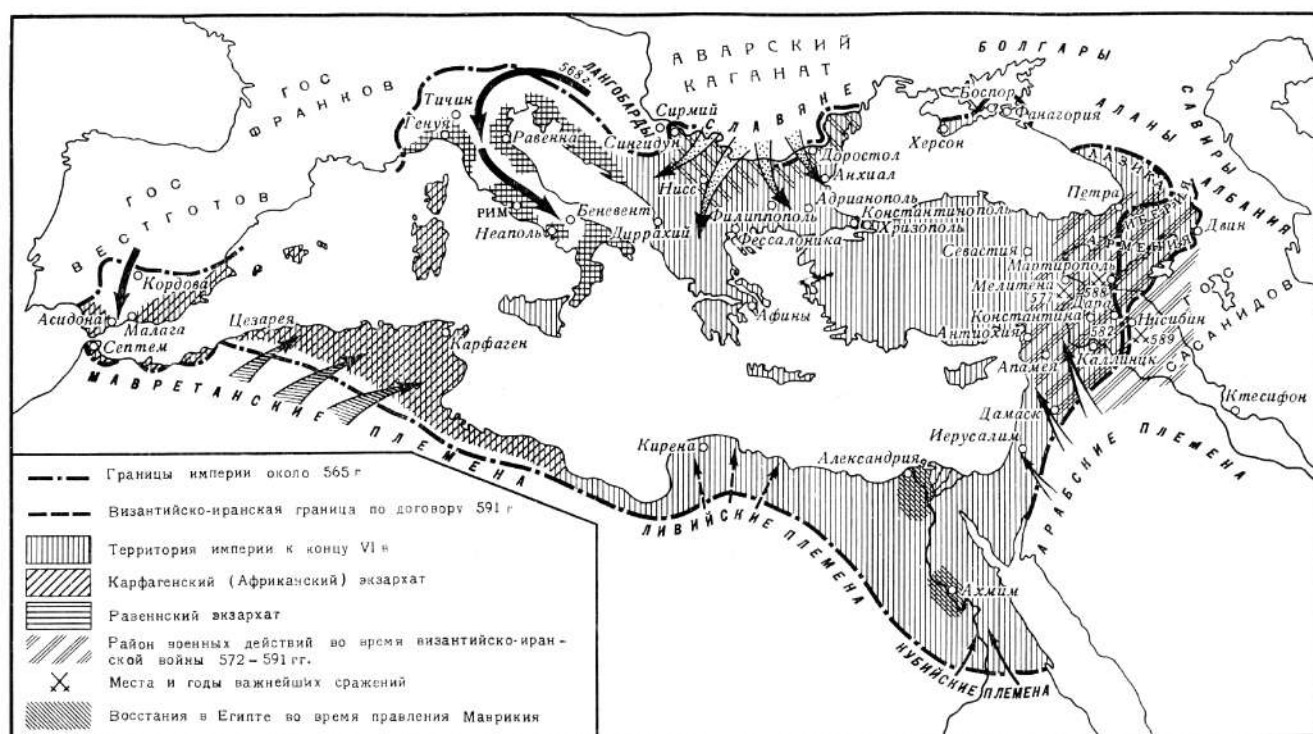

Рис. 16. Византийская Империя во второй половине VI – начале VII вв. (История Византии. Т.1. 1967. Рис. 9).

**МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
НАРОДОВ КРЫМА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ
(ПО ИТОГАМ АНКЕТНЫХ ОПРОСОВ (2017 – 2018 ГГ.))¹**

A. Baranov

**Interethnic and Political Interactions
of Ethnic Groups Crimea in Modern Conditions
(on the basis of 2017–2018 ques-tionnaire polls.)**

Цель статьи – установить тенденции развития межэтнических и политических взаимоотношений народов Крыма (на основе анкетных опросов 2017 – 2018 гг.). Цитируются итоги пилотажного опроса в Республике Крым и г. Севастополе (октябрь – декабрь 2017 г.) и анкетного опроса (сентябрь 2018 г.) с участием автора. В Республике Крым опрос проведён под руководством д-ра социол. наук, проф. В.А. Чигрина, а в Севастополе – канд. филос. наук, доц. Л.Н. Гарас.

Теоретическая основа – социальный конструктивизм. Выборка анкетного опроса составила 410 чел.: в Республике Крым (n=300) и г. Севастополе (n=110). В опросе приняла участие молодёжь от 16 до 35 лет: студенты (57% выборки), постоянно работающие (23%), старшеклассники учреждений среднего образования (20%). Этнический состав респондентов – 62,7% русских, 14,2% крымских татар, 11,2% украинцев, по 0,75% – армян, болгар и евреев. Доля не назвавших этничность опрошенных высока (9,7%), что объясняется распространением гибридных идентичностей (самооценка «крымчанин») [Баранов, Донцова, Чигрин, 2018: 42]. Религиозная самоидентификация опрошенных: 61,9% – христиане различных конфессий (28,4% – православные и 32,1% – «просто христиане», 0,4% – католики), 12,7% – мусульмане, 6% – атеисты и 18,7% не указали конфессию [Проект, 2016: 33]. Территориальный охват: 1) города (Симферополь, Севастополь, Белогорск, Евпатория, Керчь, Джанкой, Судак); 2) сельские пункты (Пахаревка, Глазовка, Заветное, Ковыльное, Пионерское). Выбранные поселения репрезентативны для местных сообществ Крыма.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 17-03-00802 «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

Восприятие межэтнических и межконфессиональных отношений производно от ориентаций самосознания, от того, единым или разделённым респонденты считают сообщество, какие виды идентичностей для них значимы. Вопрос задавался так: «Кем Вы себя ощущаете в наибольшей степени? (выберите один ответ, который лучше всего характеризует Ваше самоощущение, при необходимости конкретизируйте Ваш ответ)». На первом месте региональная самооценка себя как крымчан – 26,9% ответов; на втором – глобальная (20,1%), на третьем – российская гражданская (17,9%), на четвертом – этническая (14,2%), на пятом – конфессиональная (6,7%), на шестом – локальная (5,2%) и на последнем – макрорегиональная южнороссийская идентичность (4,5% ответов) [Баранов, Донцова, Чигрин, 2018: 43–45].

Важным показателем состояния межэтнических и конфессиональных отношений выступает взаимная приемлемость. Она выявляет степень доверия между группами. Индикатором приемлемости выбрана шкала социальной дистанции Э. Богардуса. Уровень межэтнической дистанции составил: в отношении русских 2,08 балла; украинцев – 2,30; крымских татар – 3,53; армян – 4,23. Дистанции повышалась в подвыборке молодёжи приграничного и экономически бедствующего г. Джанкоя, где повышен удельный вес крымских татар. Высокая дистанция в отношении армян вызвана их малочисленностью и социально-профессиональной структурой. Уровень межконфессиональных дистанций составил в отношении христиан всех конфессий 2,64 балла, а мусульман – 3,70. Восприятие христианских конфессий в Крыму положительнее, чем на Кубани, а ислама – умеренно отрицательнее, взаимное дистанцирование двух идентификационных групп выражено более отчетливо [Баранов, Донцова, Чигрин, 2018: 46–47].

Частота встречаемости установки абсолютной близости («готов принять как члена моей семьи») по убывающей составила: 56,9% в отношении русских, 46,2% – украинцев, 26,2% – крымских татар, 16,9% – армян. В отношении христиан установка абсолютной близости на уровне 34,6%, а мусульман – 24,6%. Итак, выявлен достаточно значительный потенциал межэтнической и межконфессиональной терпимости молодежи Крыма.

Частота встречаемости установки абсолютной неприемлемости («Я не хотел бы видеть их в моей стране») составила в отношении крымских украинцев 0,8%, русских – 1,5%, армян – 6,2%, крымских татар – 7,7%. В отношении основных конфессий установка абсолютной неприемлемости составила 3,8% для христиан и 8,5% для мусульман [Баранов, Донцова, Чигрин, 2018: 48–49]. То есть, подтвердилась зафиксированная в предшествующих опросах ВЦИОМ и Фонда «Общественное мнение» (2015–2016 гг.) [Крым и Севастополь, 2016: 33; Мукомель, Хайкин, 2016: 51–68] и пилотажном опросе 2017 г. [Баранов, Донцова, Чигрин, 2017: 10–14] асимметрия межэтнических и межконфессиональных дистанций. Русские и украинцы в Крыму близки по самовосприятию, а крымские татары воспринимаются как «иная» этническая и конфессиональная общность, чем большинство крымчан.

Для Крыма специфична повышенная роль конфессий как маркера групповой идентичности молодёжи. Мы не имеем точных сведений о соотношении влияния православной, протестантских и католической идентичностей внутри подвыборки молодых крымчан, определившей себя как христиан. Предположим, что в Крыму влияние протестантских конфессий повышено в сравнении с Краснодарским краем.

Восприятие миграции молодёжью Крыма относительно позитивное. Считают, что проблема трудовой конкуренции между старожилами и новосёлами существует, 19,4% опрошенных молодых работников, а считают эту проблему надуманной 40,3%. Полагают, что миграция полезна для экономического развития региона, 18,7%, что она вредна – 13,4%. Большинство молодых крымчан не ориентируется в вопросе, видимо, из-за относительно слабого развития издержек миграции. Но и пилотажный, и массовый опрос подтвердили более негативную оценку миграции крымскими татарами и украинцами. Считают, что надо ограничить миграцию в Крым, 48,5% респондентов в республике. За привлечение мигрантов на полуостров выступают 44,0% опрошенных молодых крымчан [Баранов, Донцова, Чигрин, 2018: 49–50].

Общая оценка межэтнических отношений опрошенными молодыми крымчанами умеренно позитивна. Считают, что реальными препятствиями для достижения личных целей может стать их этничность либо конфессия, только 6% респондентов. Но указали на личный опыт оскорблений/конфликтов на почве национальной, религиозной нетерпимости 22,4% всех опрошенных (в том числе 52,6% опрошенных крымских татар). Считают, что они пережили случаи дискриминации по половому, возрастному, религиозному, национальному признаку 7,5% всех опрошенных (9% крымских татар); бытовые конфликты с представителями других народов – 10,4% всех опрошенных (столько же – крымских татар). Указали на то, что им пришлось вынужденно покинуть свой дом, 5,2% всех респондентов (10,5% из числа опрошенных крымских татар) [Баранов, Донцова, Чигрин, 2018: 49–50]. При ограниченности итогов опроса они подтверждают повышенную виктимность общественного мнения крымских татар в сравнении с другими этническими группами Крыма.

Итак, установки крымской молодёжи по преимуществу выражают модель избегания конфликта, добрососедских межэтнических и межконфессиональных отношений. Межэтнические отношения в г. Севастополе более устойчивы и позитивны, чем в Республике Крым. Наблюдается латентная конфликтность, связанная с восприятием статуса этнических групп, их поведения, возможных намерений повысить свой статус. Риски негативного восприятия межэтнических и межконфессиональных отношений проявились в наибольшей мере среди опрошенных крымских татар. Этнические дистанции в Крыму носят выраженный асимметричный характер. Ареал повышенной конфликтности установлен в Джанкойском районе и г. Симферополе с пригородами.

Библиография:

БАРАНОВ А.В., ДОНЦОВА М.В., ЧИГРИН В.А. Ориентации и установки восприятия межэтнических и межконфессиональных отношений работающей молодежью Кубани и Крыма // Историческая и социально-образовательная мысль. – Краснодар, 2018. Т. 10, № 5. Ч. 2. С. 41–51.

Проект «Открытое мнение – Крым–2016». Краткий аналитический отчет по итогам исследования. – М., 2016. С. 33.

Крым и Севастополь: о жизни после воссоединения с Россией // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3155. 18.07.2016. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115782> (дата обращения: 11.04.2019).

МУКОМЕЛЬ В.И., ХАЙКИН С.Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2016. № 3. С. 51–68.

БАРАНОВ А.В., ДОНЦОВА М.В., ЧИГРИН В.А. Межэтнические отношения в Краснодарском крае и Республике Крым в зеркале общественного мнения молодёжи: сравнительный анализ // Общество: социология, психология, педагогика. – Краснодар, 2017. № 11. С. 10–14.

Научное издание

**III МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«Исторические, культурные, межнациональные, религиозные
и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом
и странами Востока»**

6–8 июня 2019 г., г. Севастополь

**Материалы конференции
Том 2**

Ответственный редактор:

А.Д. Васильев

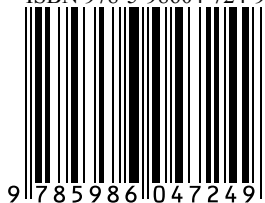
Составители:

Н.В. Гинькут, В.В. Лебединский, В.В. Прудников

Предпечатная подготовка:

И.А. Плигин

ISBN 978-5-98604-724-9

Подписано в печать 27.05.2019 г.
Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 18,14. Тираж 500 экз.
Зак. № 892.

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
Адрес: 109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 91, стр. 4.
Тел.: 8 (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru